
**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ»**

Синячкин В.П. — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *главный редактор серии*

Бахтикиреева У.М. — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН — *заместитель главного редактора, ответственный секретарь редколлегии*

Члены редколлегии

Джусупов М. — доктор филологических наук, профессор Ташкентского государственного университета мировых языков (Узбекистан, Ташкент)

Ефремов А.П. — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Жаркынбекова Ш.К. — доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, Астана)

Иванова А.С. — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка № 4 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Кожневска-Берчиньска И. — доктор филологических наук, профессор Высшей экономической школы (Польша, Варшава)

Куриленко В.Б. — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка медицинского института РУДН

Маслова В.А. — доктор филологических наук, профессор Витебского государственного университета им. П.М. Машерова (Республика Беларусь)

Прошина З.Г. — доктор филологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Руденко-Моргун О.И. — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры русского языка № 3 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

Тлостанова М.В. — доктор филологических наук, профессор, Линчёпингский Университет, Линчёпинг, Швеция

Шустикова Т.В. — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка № 2 факультета русского языка и общеобразовательных дисциплин РУДН

EDITORIAL BOARD
BULLETIN OF PEOPLES' FRIENDSHIP
UNIVERSITY OF RUSSIA.
SERIES OF EDUCATION ISSUES:
LANGUAGES AND SPECIALITY

Prof. Vladimir Sinyachkin — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — Editor-in-Chief

Prof. Uldanai Bakhtikireeva — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow — Vice-editor, Managing Secretary

Members of editorial board

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Aleksandr Efremov — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Dr. Anna Ivanova — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Joanna Korzeniewska-Berczyńska — Szkoła Główna Handlowa w Warszawie, Poland

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Tatiana Shustikova — Peoples' Friendship University of Russia

ВЕСТНИК Российского университета дружбы народов

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1993 г.

Серия

**ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ**

2016, № 4

Серия издается с 2004 г.

Российский университет дружбы народов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии серии	7
ЛИНГВОДИДАКТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА	
Румянцева М.Н., Новиков Ф.Н. Метод проектов сквозь призму лингвометодических основ обучения лексике китайских стажеров.....	9
Акимова И.И. Оптимизация обучения РКИ: уровневое описание предложения-высказывания в лингводидактике	17
Boasiako A.A. Resisting globalization through grammatical tools: using some aspects of Russian grammar as a case study	24
Туринова О.О. Общая частотная характеристика употребления личных и притяжательных местоимений в англо- и русскоязычной литературе.....	41
Mazhitayeva Sh., Akhmetova A., Zhunusova A., Azhigenova S. Development of languages in Kazakhstan.....	50
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Омашева Ж.М. Эквивалентные и безэквивалентные названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках	57

Непомнящих Н.М. Переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому («горец» / «highlander»)	65
Цзюй Юян. Лингвистический анализ китайских терминов родства по крови.....	72
ЛИНГВОПРАГМАТИКА И ТЕОРИЯ ДИСКУРСА	
Казимирова О.В. Особенности языковой репрезентации адресанта в медийном очерке	82
Казиева Д.А. Специфика и функции мифодизайна в современном PR-курсе	93
РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ	
Афанасьева А. Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана	99
Гаранина Е.П., Токатова Л.Е. Особенности молодой русскоязычной литературы Казахстана (на материале альманаха павлодарского литературного общества «Меркурий»).....	108
ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА КУЛЬТУРЫ	
Заврумов З.А. Онтологический статус иронии в философии и эстетике.....	118
Хетени Ж. «Оптические иллюзии» Хармса и Эркена. Эссе-минутки о том, что может быть абсурдом	128
НАШИ АВТОРЫ	145
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	147

BULLETIN of Russian Peoples' Friendship University

SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in 1993

Series

**PROBLEMS OF EDUCATION:
LANGUAGES AND SPECIALITY**

2016, № 4

Series founded in 2004

Peoples' Friendship University of Russia

CONTENTS

Editorial	7
LINGUODIDACTICS AND LANGUAGE POLICY	
Rumiantseva N.M., Novikov Ph.N. Method of projects in the light of linguistic methodical bases of lexical teaching of Chinese students.....	9
Akimova I.I. On the problem of optimization: training Russian as a foreign language (proposal levels of linguo-didactical representation)	17
Босиако А.А. Сопротивление глобализации с помощью грамматических средств: наглядные аспекты русской грамматики	24
Turinova O.O. Implication of differences in general frequency of personal and possessive pronouns in russian and english fiction.....	41
Мажитаева Ш., Ахметова А., Жунусова А., Ажигенова С. Развитие языков в Казахстане.....	50
CULTURAL LINGUISTICS	
Omasheva Zh.M. Equivalent and Non-equivalent names of medical herbal plants in Kazakh and Russian Languages	57

Непомняшчих N.M. “CAUCASIAN MOUNTAINEER / SCOTTISH HIGHLANDER”: from semantic to linguo-cultural field	65
Суй Уян. Linguistic analyses of Chinese kinship terms	72
LINGUOPRAGMATICS AND THEORY OF DISCOURSE	
Казимирова O.V. The peculiarities of the Adresser’s language representation in the media feature article.....	82
Казиева D.A. Specifics and functions of myth design in contemporary PR-discourse ..	93
RUSSIAN LITERATURE: PROBLEMS OF LEARNING AND TEACHING	
Афанасьева A.S. Archetype “HOME” in Russian-Speaking Litarature of Kazakhstan..	99
Гаранина E.P., Токатова L.E. Features of the young Russian-Speaking Literature of Kazakhstan (on the material of almanac by Pavlodar literary society “Mercury”	108
PHILOSOPHY AND AESTHETICS OF CULTURE	
Заврумов Z.A. The ontological status of Irony in Philosophy and Aesthetics.....	118
Хетени Zh. “Optical illusions” of Harms and Orkeny. Minutes-Essays about things that may be Absurd	128
OUR AUTHORS	145
INFORMATION FOR AUTHORS	147

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ СЕРИИ

Уважаемый читатель!

Представленный Вашему вниманию номер журнала — своего рода «мост» между двумя форматами издания: «классическим» печатным вариантом и новым электронным, в котором «Вестник» будет существовать с начала 2017 г. Обновляется не только среда экзистенции журнала, но и само его наполнение. Помимо смыслового каркаса журнала, в качестве которого выступали материалы в области языкового образования, появляются новые рубрики. Многие из них интерактивны и ждут Вашего участия. Зайдите на сайт <http://journals.rudn.ru/education-languages/index>, чтобы узнать больше.

В этом выпуске Вы ознакомитесь с теоретическими и прикладными работами лингвистов разных стран. Некоторые авторы (М.Н. Румянцева, Ф.Н. Новиков, И.И. Акимова) предлагают свою методику работы с иностранными студентами, основанную на многолетней практике преподавания. Другие (как наш приглашенный эксперт, доктор Альберт Басиако) расширяют контекст лингводидактики в сторону языковой контактологии. Так, Альберт Басиако убедительно демонстрирует, что механизм сопротивления глобализации заложен в системно-типовых различиях между языками, которые выступают фильтрами для всего чужого, сохраняя генетический облик «своего». Об особенностях языковой политики (на примере Казахстана) пишет авторский коллектив во главе с Ш. Мажитаевой.

В 4-м номере журнала есть статьи по темам, уже ставшим классическими, — лингвокультурологии и русскоязычной литературе. Появилась новая рубрика, посвященная эстетике и философии культуры. Особое внимание стоит уделить научно-художественному эссе нашего приглашенного автора — профессора Будапештского университета Жужи Хетени. Эта на первый взгляд «неформатная» работа — демонстрация блестящего совмещения научного и художественного дискурсов в пределах одного текста.

Как и прежде, мы приглашаем Вас к сотрудничеству. Свои статьи Вы можете присылать на адрес: vestnik_valikova@mail.ru. Информацию о новых рубриках, жанрах, а также об оформлении статей Вы найдете на сайте <http://journals.rudn.ru/education-languages/index>.

С уважением, главный редактор, д.ф.н. Синячкин В.П. и заместитель главного редактора, д.ф.н., проф. Бахтикиреева У.М.

Ответственная за выпуск — доктор философии (PhD) в области филологии О.А. Валикова.

EDITORIAL

Dear Reader!

This Issue, presented to your attention, is a kind of “bridge” between two formats of the journal: “classic” printed version and the new electronic, in which the “Bulletin” will be publishing from the beginning of 2017. It is not only the way of existence is changing, but its content. In addition to the semantic framework of the Bulletin, which were materials in the field of language education, new columns are activated. Many of them are interactive and are awaiting for your participation. Go to the website to find out more <http://journals.rudn.ru/education-languages/index>.

In this issue, you will get acquainted with the theoretical and applied works of linguists from different countries. Some authors (Rumyantseva, Novikov, Akimova) offer their methods of work with foreign students, based on years of teaching practice. Others (like our invited expert, Dr. Albert Basiako) extend the scope of linguistics towards language contactology. So, Albert Basiako convincingly demonstrates that resistance mechanism of globalization incorporated in the system-typical differences between languages, which are the filters for all *foreign*, preserving the genetic appearance of “own”. On peculiarities of language policy (on Kazakhstan society) written the material by the team of authors under the guidance of Sh. Mazhitaeva.

In the 4th issue of the journal there are columns, have become classics — Cultural linguistics and Russian literature. There is also a new column dedicated to the aesthetics and the philosophy of culture. Particular attention should be paid to the scientific and literary essays of our guest author — Professor of University of Budapest Zhuzha Heteni. This seemingly “non-format” essay is a demonstration of a brilliant combination of scientific and artistic discourses within the same text.

As always, we look forward to your articles. You can send your article to the address: vestnik_valikova@mail.ru.

For information about the new columns, genres, as well as the registration of the articles you will find on the site <http://journals.rudn.ru/education-languages/index>.

Sincerely, Chief Editor Sinyachkin V.P. and Deputy Editor, Professor. Bahtikireeva U.M.
Co-editor of the Issue — Olga A. Valikova, PhD.

ЛИНГВОДИДАКТИКА И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

МЕТОД ПРОЕКТОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИХ ОСНОВ ОБУЧЕНИЯ ЛЕКСИКЕ КИТАЙСКИХ СТАЖЕРОВ

Н.М. Румянцева, Ф.Н. Новиков

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются модификации критериев отбора лексического материала, использование эффективных творческих стратегий обучения иностранных стажеров как инструмента общения в диалоге культур и средства становления международно-ориентированной личности на примере метода проектов — педагогической технологии, охватывающей исследовательские, поисковые, проблемные методы. *Цель работы* — продемонстрировать эффективность указанной технологии на эмпирическом материале (примерах из практики обучения китайских студентов русскому языку). В качестве иллюстрации проектного метода выбрана ситуативная модель «совместная поездка». Вывод: проектная методика активизирует речетворческую деятельность студента, способствует продуктивной межличностной кооперации и фундаментальному усвоению знаний.

Ключевые слова: интернационализация обучения, лингвометодика, компетентностный подход, метод проектов, включенное обучение, формирование лексических навыков и умений

Введение

Важная тенденция современного образования — его интернационализация, при которой большое количество студентов учатся или стажироваются за рубежом. Обучение иностранных студентов является мощным стимулом совершенствования системы подготовки кадров с учетом требований современного рынка и имеет стратегическое значение, поскольку подготовка международной интеллектуальной элиты способствует усилению международного влияния России [2. С. 54].

Особенностью Российского университета дружбы народов является его многонациональность: в нем учатся представители 450 национальностей из 152 стран мира. В РУДН большое внимание уделяется развитию программ разных форм обучения иностранных студентов, ведется давнее и плодотворное сотрудничество в области образования, успешно функционирует ряд международных программ в различных сферах, в том числе и в области преподавания русского языка как иностранного китайским студентам.

Многие студенты из Китая выбирают краткосрочные формы обучения, характеризующиеся сжатыми сроками, высокой насыщенностью занятий лексико-грамматическим учебным языковым материалом, практической направленностью обучающего курса в стране изучаемого языка. Такое обучение стажеров из КНР по программам включенного обучения является составной частью национальной системы подготовки студентов и пользуется популярностью, на практике доказав свою высокую эффективность.

Конкретные цели и задачи обучения иностранных студентов русскому языку на разных этапах формулируются весьма дифференцированно, что мотивирует учебную деятельность и имеет не только стимулирующую силу, но и включает в себя понимание ее целесообразности и необходимости, коммуникативной значимости самого когнитивного процесса, учебной деятельности, раскрытия ее увлекательности и вовлечение студентов в активное познание. Необходимость ускоренного, интенсивного овладения соответствующими речевыми навыками и умениями требует целенаправленного подхода при отборе и организации учебного материала для стажеров. Учитываются индивидуальные интересы учащихся и их потребности, социальный заказ общества, в котором формировался учащийся до приезда в Россию, а также соотношение функций русского и родного языка студентов.

Лингводидактика в иноязычной ситуации

На занятиях с китайскими стажерами ставятся и решаются коммуникативно-прагматические задачи обучения в различных сферах общения: обиходно-бытовой, учебно-профессиональной, общественно-социальной, официально-деловой и социокультурной. Рецептивная, репродуктивно-продуктивная и собственно продуктивная речевая деятельность студентов характеризуется доминированием комплексно-аналитических и творчески усложненных приемов и форм работы, что обусловлено главной целью обучения — формированием коммуникативной компетенции, понимаемой как «способности, благодаря адекватному использованию средств русского языка, решать актуальные для учащихся коммуникативные задачи в учебной, бытовой, культурной и других сферах общественной жизни» [1. С. 109] и ее составляющих, в том числе лингвистической, дискурсивной, стратегической, социокультурной и социолингвистической.

Материалы для стажеров нацелены на формирование профессиональных педагогических навыков и умений будущих филологов на основе преемственности и тесной связи с национальной программой их подготовки в КНР. Учет национальной специфики образования стажеров, характерной для Китая, «авторитарность, традиционализм, обучение по моделям и образцам, многократное повторение и заучивание» органично сочетается с достижениями российской лингводидактики, происходит во взаимодействии с приоритетами российской системы образования (обучать творческому подходу к языку, учить думать, анализировать, сопоставлять) [4. С. 12—14]. Эти достижения детерминируют совершенствование общей методологии и конкретных методов и приемов обучения.

Метод проектов как творческая стратегия обучения иностранному языку

Одной из эффективных творческих стратегий обучения является метод проектов — педагогическая технология, которая охватывает исследовательские, поисковые, проблемные методы. Студенты должны самостоятельно исследовать ситуации проблемного характера и прийти к реальному практическому результату [5. С. 2]. При проектной системе обучения стажеры получают и совершенствуют знания в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий — проектов. Такие задания дают возможность студентам не только расширять свои знания, но и формировать позитивную основу самооценки учебной деятельности. Все это значительно повышает мотивацию обучения в целом.

Проектная деятельность созвучна идеям компетентностного подхода. Она объединяет познавательный процесс с предметно-практической деятельностью студента, «служит инструментом социализации и адаптации в новой культуре, стимулирует речевую деятельность на иностранном языке, потому что интерес к объекту исследования, совместный характер исполнения выступают как мощные мотивационные факторы коммуникации» [8. С. 10—11], что детерминирует речемыслительную и поведенческую деятельность студентов. Рассмотрим метод проектов сквозь призму обучения лексике китайских стажеров.

Наряду с грамматикой лексика — основной «строевой» элемент языка, этим и мотивируется особенная роль лексики в обучении языку. Важным условием активного владения языком является умение «объединять» слова друг с другом для выражения мыслей, что во многом определяется степенью сформированности лексических навыков и умений. Лексика является наиболее сложной системой, она многомерна и включает большое количество объектов (слов, смыслов), в связи с чем их системность труднообозрима для иностранных студентов. С другой стороны, трудность изучения лексической системы компенсируется другой ее особенностью — лексическая система, в отличие от других, никогда не используется в полном объеме.

Круг вопросов, который должны решать студенты, разнообразен: возможно ли использовать то или иное сочетание слов по аналогии с китайским языком; как грамматически объединить лексические единицы; каковы выразительные возможности слова? Организация лексического материала оптимальна на основе описания групп лексических единиц, тщательно отобранных методически. Важная задача — помочь стажерам перейти от пассивного знания важнейших слов к их активному употреблению в различных контекстах, соотнесенных с отобранным кругом тем и ситуаций, так как даже достаточно высокий уровень владения лексикой далеко не всегда обеспечивает правильное употребление слов в речи.

Критерии отбора лексического материала модифицируются. В общем массиве выделяются базисные структуры, необходимые для реализации того или иного проекта. Для достижения высоких результатов обучения необходимо принимать во внимание особенности обучения китайских стажеров на родине, в том числе «приоритет чтения, письма, грамматики, накопления словаря, системного кон-

троля путем логичного и последовательного наращивания новых приемов обучения и постепенного замещения учебно-познавательных приемов, характерных для системы китайского образования» [3. С. 8].

Упорядочение лексического материала, определение общего направления его минимизации зависят от темы проектов, что обуславливает отбор заданий и отработку речевых ситуаций, а также от экстралингвистических реалий. Учебный материал для его рационального и продуктивного использования дается в определенной системе. Важный принцип его организации — учет различных межуровневых связей: слово изучается как компонент предложения, как компонент текста, в аспекте функционально-семантических категорий компаративности, темпоральности, модальности, в словообразовательном аспекте и др.

Практические проекты организованы по определенным сценариям или ситуативным структурам, вокруг которых группируется тематически общая и функционально необходимая лексика. Для работы со стажерами тема проекта выбирается в соответствии с их интересами, разрабатываются ситуации общения, определяется структура проекта, выделяются подтемы, формулируются задания, выбираются участники, разрабатывается проект, проводится его презентация, оцениваются результаты проектной деятельности.

Приезжая в Россию, китайские стажеры, рационально используя возможности погружения в языковую среду, много путешествуют, что и обуславливает выбор различных проектов. Например, проект «Поездка в Санкт-Петербург» имеет общую проблему, цель, согласованные формы и виды совместной деятельности стажеров, направленной на достижение общего результата, имеющего очень важную практическую значимость. Учебный материал располагается для его рационального и продуктивного использования в определенном порядке, который отражает развертывание связанных между собой тем и согласуется с последовательностью их подачи с постепенным усложнением заданий.

Структура проекта

Вы с друзьями едете на каникулы в Санкт-Петербург. Объясните, что вам больше нравится и почему: лететь на самолете или ехать на поезде? С какого вокзала/аэропорта отправляются поезда/самолеты, как доехать до вокзала/аэропорта на общественном транспорте? Выберите дату поездки и номер поезда. Закажите билеты. Вы закажете билеты по Интернету или купите их в кассе вокзала? Обсудите, в какой гостинице вы будете жить. Подумайте, где лучше заказать гостиницу — в центре или в пригороде? Закажите номер. Посоветуйте друзьям, что нужно посмотреть и куда сходить. Используйте материалы сайта «Достопримечательности Санкт-Петербурга» (<http://www.peterburg.biz//ru>). Сравните их с информацией сайта на китайском языке (<http://baike.baidu.com/subview/25075/5460584.htm> / 圣彼得堡). Чем они отличаются? Что общего? Послушайте предложения друзей о том, куда стоит сходить/съездить, и сравните их с вашим выбором. Согласны ли вы с ними? Если нет, то почему?

Языковой материал проекта представляет собой ассоциативное лексическое поле, сконцентрированное вокруг темы «Поездки, путешествия», ядром которого является слово «путешествие». Оно представляет взаимодействие, пересечение взаимодействующих лексико-тематических групп: «Передвижение, способы пе-

редвижения», «Организация передвижения», «Продолжительность, дальность, пребывание в передвижении», «Начало/конец передвижения», «Стоимость, цена», «Скорость, обратный путь», «Еда» и т.д. Например, тематические группы «Транспорт»: поезд, самолет, автобус, метро, автомобиль, теплоход; «Цель, траектория движения», «Место»: дорога, вокзал, перрон, путь, платформа, вагон, аэропорт, стойка регистрации; «Место» — Невский проспект, Эрмитаж, Русский музей, Петергоф, пригороды Санкт-Петербурга, Финский залив, река Нева, кафе, вокзал, гостиница, отель, обменный пункт, ресторан; «Способы передвижения» идти/ходить, ехать/ездить, летать/лететь, с различными префиксами (приехать, доехать, заехать, проехать) и местоположения (находиться, стоять, лежать), а также перекрывающие друг друга значения этих групп в зависимости от одушевленности или неодушевленности объекта: «Студенты *идут* вдоль реки Невы» (*двигаются*), «Невский проспект *идет* через центр города» (*находится*).

Речевые блоки, обслуживающие практические проекты, комбинируются студентами и подвергаются селекции. В них представлены речевые конструкции в следующих формах:

— разговорно-деловых структур (*Как попасть в десятый вагон? Вы не скажете, какая нумерация вагонов — с головы или с хвоста поезда? Помогите, пожалуйста, найти мое место*);

— официально-информационных структур (*Нумерация вагонов с хвостовой части поезда. Поезд прибывает на третий путь на шестую платформу/вылет самолета 2571 в Санкт-Петербург, 11 выход на посадку, регистрация рейса и оформление багажа у стойки номер 22-25, отправление/прибытие рейса задерживается*) и т.д.

Большой интерес у стажеров вызывают сценарные и творческие проекты как инструмент общения в диалоге культур, как средство воспитания и развития межкультурно-ориентированной личности, в том числе позволяющие соотнести обычаи и традиции русского и китайского народов: «Новый год и Рождество в России» — «Китайский новый год — праздник Весны» 春节, Международный женский день — 国际妇女节, 1 мая — праздник весны и труда в России, 1 мая день труда — 劳动节, «Юрий Гагарин — первый советский космонавт» — Ян Ливэй 杨利伟 — первый космонавт КНР).

Заключение

Объектом будущей профессиональной деятельности стажеров-филологов является язык, поэтому особенно важно вырабатывать навыки и умения анализировать языковые явления и правильно их осмысливать, воспитывая отношение к языку как предмету познания и объекту исследования. Такие проекты, как «6 июня — День русского языка», «Пушкин — великий русский поэт и создатель современного русского литературного языка», «20 апреля — День китайского языка», «Цан Цзе — основатель китайской письменности и создатель китайских пиктограмм», «Русские слова китайского происхождения» воспитывают внимательное отношение к слову и расширяют лингвистический кругозор. Полезна для китайских стажеров и работа с национальным корпусом русского языка, с электронным онлайн-корпусом русских текстов, включающим письменные тексты

(художественные, публицистические, научные) и записи устных текстов (публичной речи и частных бесед), мультимедийный и обучающий подкорпусы. Методы проектов требуют от студента решения проблемно-поисковых задач, активного изучения и использования русского языка.

Задания по семантизации лексических единиц различных лексико-тематических групп расширяют лингвистический кругозор стажеров, обогащают их словарный запас. К таким заданиям относятся различного рода игровые задания, загадки, головоломки по разным темам, изучаемым в рамках курса, использование микро- и макроконтекста семантизируемой единицы, различные виды наглядности, синонимические и антонимические ресурсы русского языка, его словообразовательные элементы, обеспечивающие языковую догадку.

На употребление лексических единиц приходится наибольший процент ошибок. Весьма важную роль играет и анализ ошибок при семантизации лексических единиц с обязательным обращением к фонетическому, грамматическому, словообразовательному и лексическому уровням языка [6]. Экспликация значения слова дает возможность выявить ассоциации в языковом сознании и зафиксировать неточности в понимании того или иного слова. Часто ошибки порождаются несоответствием понятийных систем русского и китайского языков. Это связано со «встречей двух типов вербального мышления, двух типов культур со своеобразной интерпретацией окружающей действительности, где мир рассматривается через призму особого (своего) мировидения и кодируется средствами различных языковых систем» [4], что приводит к ошибкам, вызванным целым рядом причин, в том числе интерференцией. Такого рода различия могут и должны быть компенсированы демонстрацией употребления слова в речи, что и дает представление о его реальном смысловом объеме по сравнению с соответствующим словом в китайском языке. Выявление различных свойств лексических единиц позволяет лучше и наиболее полно усвоить их в процессе обучения.

Различные проектные методы, направленные на активизацию речевой деятельности, которая является одновременно игровой и учебной, представляют собой модель межличностного общения и вызывают потребность в коммуникации на русском языке. Они являются средством активизации речевой деятельности, стимулируют мобильность, развивают коммуникативные и творческие способности стажеров, обеспечивают высокую мотивацию, прочность знаний, улучшают групповое взаимодействие.

Работа над сценарием проектов помогает китайским стажерам в значительной степени расширить свои знания по русскому языку, выступление дает возможность почувствовать себя в центре событий, раскрыть свой творческий потенциал, а совместная работа студентов и преподавателя способствует социализации студентов и их успешной адаптации в русскоязычной среде.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Азимов Э.Г.* Новый словарь методических терминов (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.
- [2] *Арефьев А.Л.* Китайские студенты в России // *Высшее образование в России*. 2010. № 12. С. 54–66.

- [3] *Бальхина Т.М.* Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления. М.: РУДН, 2010. 344 с.
- [4] *Беляева Е.В.* Когнитивные механизмы возникновения речевых ошибок при усвоении русского языка в иноязычной аудитории на материале ошибок китайских студентов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2004.
- [5] *Дьюи Дж.* Демократия и образование. М.: Педагогика-пресс, 2000. 384 с.
- [6] *Кожевникова М.Н.* Национально ориентированная модель обучения иностранных граждан в российских вузах. М.: Флинта: Наука, 2016. 160 с.
- [7] *Румянцева Н.М., Богатырева К.В., Евстигнеева И.Ф.* Основы русской грамматики. Обзорный курс лекций с переводом на китайский язык. М.: Изд-во РУДН, 2003. 88 с.
- [8] *Тюрина Е.А.* Применение проектной технологии в курсе русского языка как иностранного на подготовительном отделении российского вуза: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2012.

Для цитирования: Румянцева Н.М., Новиков Ф.Н. Метод проектов сквозь призму лингвометодических основ обучения лексике китайских стажеров // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 9—16.

METHOD OF PROJECTS IN THE LIGHT OF LINGUISTIC METHODOLOGICAL BASES OF LEXICAL (VOCABULARY) TEACHING OF CHINESE STUDENTS

N.M. Rumiantseva, Ph.N. Novikov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article deals with elaborating criteria that modify lexis arrangement, using effective creative teaching strategies as a learning tool for foreign exchange students that helps in the dialogue of cultures and facilitates becoming an internationally oriented person. It shows how the project methodic comprises research and problematic methods. The purpose of the work is to demonstrate the effectiveness of this technology on the empirical material (examples from real teaching practice of Chinese students, who learn Russian language as a foreign). As an illustration of the method the situational model “common trip” is selected. The conclusion of the work: project technique activates speech creativity of students, contributes to productive interpersonal cooperation and fundamental knowledge.

Key words: internationalization of learning, linguistic methodology, competency-based approach, project method, inclusive teaching, forming lexis skills and abilities

REFERENCES

- [1] *Azimov Eh.G. Novyj slovar' metodicheskikh terminov (teoriya i praktika obucheniya yazykam).* М.: IKAR, 2009. 448 s. [Azimov E. The New Dictionary of Methodical Terms. Moscow: Publishing House IKAR, 2009. 448 p.]
- [2] *Aref'ev A.L. Kitajskie studenty v Rossii. Vysshee obrazovanie v Rossii.* 2010. № 12. S. 54—66. [Arefyev A. Chinese Students in Russia. High Education in Russia. 2010. № 12. P. 54—66].

- [3] Balyhina T.M. *Chzhao Yujezyan. Ot metodiki k ehtnometodike. Obuchenie kitajcev russkomu yazyku: problemy i puti ih preodoleniya*. M.: RUDN, 2010. 344 s. [Balyhina T. Chzhao Yujezyan. From Methods to Ethno Methods. Teaching Chinese Russian: problems and ways of overcoming. Moscow, 2010. 344 p.]
- [4] Belyaeva E.V. *Kognitivnye mekhanizmy vozniknoveniya rechevyh oshibok pri usvoenii russkogo yazyka v inoyazychnoj auditorii na materiale oshibok kitajskih studentov*: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Krasnoyarsk, 2004.
- [5] D'yui Dzh. *Demokratiya i obrazovanie*. M.: Pedagogika-press, 2000. 384 s. [Dewey J. Democracy and Education: an introduction to the philosophy of education. Trans. from English. Moscow: Publishing House "Pedagogy-Press", 2000. 384 p.]
- [6] Kozhevnikova M.N. *Nacional'no orientirovannaya model' obucheniya inostrannyh grazhdan v rossijskih vuzah*. M.: Flinta: Nauka, 2016. 160 s. [Kozhevnikova M. Nationally oriented model of foreign students training in Russian universities. Moscow: Flinta Publishing, 2016. 160 p.]
- [7] Rumiantseva N.M., Bogatyryova K.V., Evstigneeva I.F. *Osnovy russkoj grammatiki. Obzornyj kurs lekcij s perevodom na kitajskij yazyk*. M.: Izd-vo RUDN, 2003. 88 s.
- [8] Tyurina E.A. *Primenenie proektnoj tekhnologii v kurse russkogo yazyka kak inostrannogo na podgotovitel'nom otdelenii rossijskogo vuza*: avtoref. diss. ... kand. ped. nauk. M., 2012.

For citation: Rumiantseva N.M., Novikov Ph.N. *Metod proektov skvoz' prizmu lingvometodicheskikh osnov obucheniya leksike kitajskih stazherov* [Method of projects in the light of linguistic methodical bases of lexical teaching of Chinese students]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 9–16. (In Russian)

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ РКИ: УРОВНЕВОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

И.И. Акимова

Всероссийский государственный университет юстиции
Дальневосточный институт
ул. Герасимова, 31, Хабаровск, Россия, 680021

В статье обосновывается необходимость многоступенчатого (уровневого) анализа предложения-высказывания в аудитории инофонов с целью обнаружения денотативного и сигнификативного (прагматико-стилистического, актуализационного, интерпретативного) компонентов содержания. Методологической основой обучения русскому синтаксису необходимо считать теорию речевой деятельности (психолингвистику) в концепции А.А. Леонтьева. В статье соотнесены, с одной стороны, этапы порождения речи, с другой стороны, уровни предложения-высказывания в лингводидактической модели языка в концепции М.В. Всеволодовой. Делается вывод о полном соответствии лингводидактического описания предложения-высказывания в функционально-коммуникативной грамматике (подход М.В. Всеволодовой и др.) и теории речевой деятельности А.А. Леонтьева. Объяснение синтаксической семантики должно осуществляться не только «от формы» (задания типа «выполните по образцу»), но и от содержания, т.е. с учетом денотативных ролей. Данный лингвометодический подход является коммуникативным по своей сути, так как он соответствует механизму порождения речи.

Ключевые слова: функционально-коммуникативная лингводидактическая (педагогическая) модель языка, теория речевой деятельности, обучение инофонов русскому языку

Введение

Язык как система систем репрезентируется в речевой деятельности его носителей — членов языкового коллектива. Поэтому в прикладных (педагогических) целях возникает необходимость выхода из области собственно лингвистики в приграничную область — в психолингвистику. «В психолингвистике... в фокусе находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой» [2. С. 16]. Онтологическое триединство языка, мышления и мира отражается в системе категорий психолингвистики «языковая способность» — «речевая деятельность» — «язык».

Говорение играет ведущую роль при коммуникативном подходе к обучению, данный вид речевой деятельности признается главным критерием владения иностранным языком и стимулом к его дальнейшему изучению. «Научиться говорить — значит научиться строить высказывание» (М.М. Бахтин [Цит. по: 4. С. 41—46]). Теория речевой деятельности признается краеугольным камнем отечественной лингводидактики, что требует выхода на уровень предложения-высказывания. Поэтому для прикладных (педагогических) целей чрезвычайно важно соотносить моделирование языка как объекта обучения с глубинными когнитивными структурами субъекта обучения.

Мы исходим из того, что денотативный уровень предложения-высказывания (ПВ) соотносится с уровнем мотивации; коммуникативный уровень ПВ — с уровнем замысла (во внутренней речи — актуального членения на тему и рему) и реализации (механизм актуализации, линейно-интонационная структура); интерпретационный уровень предложения как высказывания соотносится с линейным подэтапом грамматико-семантической реализации; формально-семантический уровень предложения-высказывания — с подэтапом синтаксического прогнозирования и контроля. Таким образом, все универсально-логические предложенческие категории «работают» на определенном этапе речепорождения, а их взаимодействие определяет облик создаваемого речевого произведения.

Лингводидактические модели: предложения-высказывания

Представленные в рамках направления функционально-коммуникативной лингводидактической (педагогической) модели языка характеристики предложения-высказывания являются своего рода «проекцией» языковой способности, носят универсально-языковой характер и эффективны для создания педагогических моделей. В частности, на материале предложений русского и китайского языков мы подтвердили универсальность понятий типовой ситуации, пропозиции и основных предложенческих категорий: предикативности, предикцирования, категории порядка слов и актуального членения (с учетом линейно-интонационной структуры), показали методическую значимость характеристик «изосемичность» и «изоморфность» при отборе синтаксических моделей и конструкций в качестве речевых образцов.

Сопоставление теории речевой деятельности (в концепции А.А. Леонтьева) и теории функциональной грамматики (в концепции М.В. Всеволодовой [1]) показало, что этапы порождения речи четко коррелируют с уровнями предложения-высказывания. На этапе замысла определяются интенция речевого акта, его топик и комментарий, типовая ситуация и денотативная структура и первичные денотативные роли. На этапе программирования определяется иерархия пропозиций и логическая структура суждения. На этапе синтаксического прогнозирования выбираются логический субъект и соответствующая модель предложения, изоморфная или неизоморфная структуре типовой ситуации. Мы высказали предположение о том, что пропозиция задается дискурсом на тектограмматическом подэтапе речевой реализации, актуальное членение определяется на фенограмматическом подэтапе, тогда же происходит и перераспределение семантических признаков.

Проанализировав уровни формирования речевых стереотипов, мы пришли к выводу, что, формируя лингвистическую компетенцию взрослых инофонов, преподаватели иностранного языка работают на последнем, четвертом этапе, удовлетворяя коммуникативные нужды в языковых средствах. Тем важнее «подстраивать» языковые средства под логически-универсальные ментальные структуры учащегося, для чего нужно иметь адекватную психолингвистическим процессам языковой личности модель языка. Поэтому, обучая говорению, необходимо продвигаться с поверхностно-синтаксического (формального) уровня на более глу-

бокий уровень семантики, оперируя денотативными ролями, и на уровень замысла, показывая возможности актуального членения и линейно-интонационной структуры (ЛИС) и связанного с ними порядка слов.

Закономерное отсутствие параллелизма средств выражения русского и китайского языков является следствием типологической дистанции между двумя языками. Развитая морфология русского языка позволяет говорящему выражать инвариантное содержание, интерпретируя его по-разному, в том числе используя неизоморфные и неизосемические модели. Явление неизоморфизма слов разных частей речи, практически отсутствующее в китайском языке (по причине отсутствия грамматической формы в полном смысле слова), приводит к непониманию языковых механизмов и к нарушению грамматического строя русского языка при речепорождении. Приведем пример нарушения синтаксической нормы выпускницей магистратуры, обучавшейся в России: **Девушки удивляют меня пением мелодичности* вместо *...мелодичностью пения*.

Отметим бóльшую степень изосемичности китайского языка по сравнению с русским, с чем связаны понятийные трудности на уровне синтаксиса. Поверхностно-синтаксическое, формальное сходство предложений разных логических типов «затемняет» смысл и препятствует правильному определению логического типа пропозиции и влечет за собой ошибки синтаксической трансформации. Для выявления дифференциальных признаков ПВ разных логических типов, построенных по синтаксической модели одного ТЗ (например, *Маша — это моя сестра; Пушкин — это «Евгений Онегин»; Дальний Восток — это не только драгоценные природные ресурсы, но и замечательные люди; Учитель — это ответственность. Сергей Шубенков — это мировой рекорд по спринтерскому бегу. Беслан Мудранов — это первое золото России в Рио 2016*), необходим анализ на уровне денотативной, семантической, коммуникативной и интерпретативной организации предложений-высказываний.

Развитая морфология русского языка (в первую очередь деривация слов разных частей речи и категория словоизменения (падежа) как механизм синтаксического управления) позволяет говорящему варьировать синтаксическую форму выражения одного и того же денотативного содержания, устанавливая определенный ракурс подачи типовой ситуации. В связи с грамматическим порядком слов в китайском языке возрастает значение модели предложения. Нам важно соотносить синтаксические модели русского и китайского языков и показывать синтаксическую лакуарность; в этом смысле особенно трудны для иностранцев модели с омонимичными синтаксемами «у кого», возникшие, судя по всему, под влиянием угорских языков: *У мамы грипп = мама болеет гриппом* — в китайском (калька): *имеет грипп* (а по-русски так сказать нельзя); *У бабушки внуки = У бабушки есть внуки и Бабушка имеет внуков* (симметричная калька в китайском языке); аналогично: *У отца машина = Отец имеет машину* и возможна свернутая пропозиция: *машина отца*; в китайском (калька) *отец ДЭ машина*; *У меня стирка = Я стираю = с описательным предикатом: Я занимаюсь стиркой*; и модели с нулевым (неопределенно-личным) субъектом — лицом: *В дверь постучали. Урожай убрали. На стол накрыли* и функтивом: *Его сбilo машиной* при синонимичном

варианте *Его сбила машина* и *Он сбит машиной*. Отметим, что субъект-зооним, в отличие от субъекта-лица, в русском языке обязательно выражен; нельзя сказать **Во дворе залаяли*, надо сказать: *залаяли собаки*. Данное явление можно считать остатком славянской категории лица, замененной в русском языке категорией одушевленности. Ср.: *Застучало вновь по крыше, Мне б не слышать, а я слышу, слышу, как стучит дождь о брезент* (Каменский / Стихи.ру).

Обращение к структурным принципам китайского языка позволило оценить дидактическое значение понятий функционального-коммуникативного синтаксиса [3], а именно денотативной ситуации и денотативных ролей, а также типовой ситуации и типового значения модели. Это универсалии, на основе которых осуществляется межъязыковая перекодировка. Введение синтаксических моделей должно проходить не только на формальном, но прежде всего на семантическом уровне — денотативной структуры и денотативных ролей. Денотативные роли в русском языке определяются благодаря семантике вершинного предиката, лексическому значению слов как компонентов высказывания и их синтаксической форме.

Сравнительный анализ предложений-высказываний русского и китайского языков позволил увидеть функционально-типологические различия категории ПС, также оказывающие влияние при обучении русскому синтаксису. Поскольку ведущим критерием выделения частей речи в китайском языке является синтаксический критерий (определение частеречной принадлежности слова неотделимо от его функции как члена предложения), то члены предложения строго соотнесены с определенными денотативными ролями. Учащиеся должны знать, что в русском языке денотативные роли соотнесены с членами предложения лишь в изосемических (изоморфных) МП. В связи с этим возможности варьирования порядка слов в русском языке оказываются шире, чем в китайском языке. Так, для предложения *Похолодание вызвало смерть черепах* возможны различные варианты интонирования (ЛИС). В целях актуализации возможна темо-рематическая замена: *Смерть черепах была вызвана похолоданием*. В предложении *Черепахи умерли из-за похолодания* возможен перенос ремы: *Умерли черепахи | из-за похолодания*; перестановка слов в реме: *Черепахи из-за похолодания | умерли*. Наконец, при помощи введения в предложение частиц уточняющего значения: *именно / ведь похолодание... и только черепах*. В результате действия различных актуализационных механизмов системно реализуются коммуникативные варианты: *Онегин Лариным // сосед* (исх. *сосед Лариных*), *Танцует девочка — прекрасно! Приедет отец — завтра. Талантлив он — удивительно. У Маши брат // в школу пошел* (речь о Маше). *Брат у Маши // в школу пошел* (речь о брате). *Судью — на мыло. Медаль — чемпиону*.

Методистами особо выделяется умение осознанного применения лексико-грамматических знаний. К сожалению, другие виды знаний и умений — выбор порядка слов в зависимости от темо-рематического членения, актуализационные и интерпретационные механизмы, семантические правила сочетаемости и перераспределение лексической семантики между разными единицами языковых кодов двух языков, активно изучаемые современным переводоведением, — теоре-

тическая лингводидактика обходит стороной. А это тоже русская грамматика, причем грамматика коммуникативная. Практически на уровне понимания, мы этому не обучаем, поскольку коммуникативные и интерпретационные механизмы «встроены» в наш язык, однако пока не в состоянии обеспечить адекватность понимания учащимися явлений такого рода. На формирование данных речевых компетенций, к сожалению, не нацелены наши китайские коллеги-русисты, обучающие преимущественно письменной речи, на материале учебных, а не аутентичных, текстов.

В целях формирования коммуникативных компетенций необходимо давать учащимся весь ряд актуализационных и трансформационных реализаций предложений-высказываний. Синтаксические трансформы должны быть представлены не через запятую, а как цепочка преобразований, связанная с изменениями на коммуникативном уровне, кроме того, синтаксические реализации модели предложения должны быть соотнесены с коммуникативными реализациями данного содержания в языке учащегося. Иными словами, в аудитории носителей языка иной типологии актуализационная и коммуникативная парадигмы предложения-высказывания должны стать предметом сознательного обучения. Для коммуникативной методики обучения иностранным языкам чрезвычайно важен показ механизмов коммуникативного варьирования.

На коммуникативном уровне происходит вычленение коммуникативно-значимой информации (темо-рематическое членение) и решение целого ряда других важнейших задач говорящего. К сожалению, этот аспект синтаксиса остается наименее разработанным в отечественной лингводидактике и минимально включенным в учебные материалы. Между тем в китайском языке изменение словоупорядка практически всегда влечет за собой изменение модели предложения-высказывания. Важно сообщить, что в русском языке возможна постановка логического ударения на определенном компоненте фразы без изменения словоупорядка или синтаксической модели, а изменения синтаксической модели, как и в КЯ, связаны с актуализацией компонентов предложения-высказывания и механизмом текстообразования. Этот вопрос требует дополнительного изучения. Так, при глаголе «гордиться» возможна постановка логического ударения на определении к дополнению только при наличии выбора объекта: *Они гордятся своим **старшим** сыном, хотя и младший у них хорош.* Но не: **Нелка гордится своими **длинными** ногами.* При возможности: *...гордится **длинной** своих ног* (других ног у нее нет).

Важнейшим способом актуализации выступает механизм конверсии. Требуется соотнесение МП РЯ и КЯ, связанных залоговыми отношениями. Необходим пересмотр всей системы презентации категории русского залога с целью максимально адекватного и полного отражения синтаксической деривации. Рассмотрев роль залоговых отношений в механизме конверсии в русском, китайском и английском языках, мы сделали методический вывод о необходимости обучения инофонов механизмам синтаксических трансформаций и предложили грамматические и коммуникативные модификации моделей предложения активного и пассивного типов, поставив в соответствие каждому русскому коммуникативно-

му варианту предложение-высказывание китайского языка. Это позволяет методически осмыслить семантику различий формального уровня, что необходимо для создания по-настоящему объяснительной грамматики. Обратим внимание на то, что фактор текстовой связности оказывает значительное интерферирующее влияние и потому заслуживает более пристального внимания лингвистов.

Принципиальные различия языкового кода русского и китайского языков — это объективные факторы, препятствующие более свободному обращению китайских учащихся с учебным материалом на русском языке, и данный фактор должен быть учтен в отечественной лингводидактике. Статус члена предложения и наличие форманта-показателя (пассивизации или актуализации) позволяет в китайском языке устанавливать синтаксические связи, выражаемые в русском языке при помощи предложно-падежных форм (синтаксем). Очевидно, что плодотворным при изучении темы «Залог» будет подход «от функции». Вероятно, при объяснении явлений такого рода необходимо выходить на понятия «порядок слов» и «конверсия» как категорий более высокого уровня, с помощью которых можно наводить ракурс подачи ситуации и достигать коммуникативных целей.

Заключение

Пути оптимизации обучения необходимо искать как в методике предъявления лингвистического материала, так и в самом моделировании языка как функционально-коммуникативной системы в дидактических целях. Проблема так называемой функциональной грамматики, или грамматики «от содержания к выражению», — это проблема осуществления программы речевого действия» [3. С. 153]. «Переход с одного языка на другой с психологической точки зрения есть смена правил перехода от программы к ее реализации» [3. С. 253—257]. В связи с этим предлагается «построить такой алгоритм осознания грамматической структуры родного языка, который мог бы быть в дальнейшем автоматизирован и перенесен на иностранный». Осуществление такой программы — общее дело отечественной и национальных школ русистики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. М.: Издательство МГУ, 2000. 502 с.
- [2] *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
- [3] *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2003. 312 с.
- [4] *Шор И.О.* Кризис современной лингвистики / Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология / составление и комментарий В.Н. Базылева и В.П. Нерознака; под общ. ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 2001. 576 с. С. 41—46.

Для цитирования: Акимова И.И. К вопросу оптимизации обучения РКИ: уровневое описание предложения-высказывания в лингводидактике // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 17—23.

ON THE PROBLEM OF OPTIMIZATION: TRAINING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (PROPOSAL LEVELS OF LINGUO-DIDACTICAL REPRESENTATION)

I.I. Akimova

Russian State University of Justice, Far East Institute (Khabarovsk)
Gerasimov str., 31, Khabarovsk, Russia, 680021

The article substantiates necessity of the proposals tiered analysis for foreign students for the purpose to detect denotative and significate components in content. The theory of speech activity (psycholinguistics) by A. Leontiev should be considered as a methodological basis of teaching Russian syntax for foreigners.

In this article are related, on the one hand, the stages of speech production and, on the other hand, levels of proposals as remarks in Linguo-didactical language model in M. Vsevolodova's concept. It is *concluded* that there is a complete correspondence between the Linguo-didactical description of sentence as a remark in functional-communicative grammar (M. Vsevolodova's and others approach) and the Theory of Speech activity by A. Leontiev. Explanation syntactic semantics should be done not only "from the form" (specify the type of "follow the pattern"), but also taking into the denotative roles account, that is, the way from content. This Linguo-methodical approach is communicative in nature, since it corresponds to the mechanism of human speech production.

Key words: Functional-Communicative Linguo-Didactical (Pedagogical) Language Model, Theory of Speech Activity, Russian language as a foreign one

REFERENCES

- [1] Vsevolodova M.V. Teoriya funkcional'no-kommunikativnogo sintaksisa: fragment prikladnoj (pedagogicheskoy) modeli yazyka: uchebnik. M.: MGU, 2000. 502 s. [Vsevolodova M. Theory of functional-communicative syntax: fragment of applied (pedagogical) model of Language. Moscow: Moscow State University Press, 2000. 502 p.]
- [2] Kubryakova E.S. Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti. M.: Nauka, 1986. 159 s. [Kubryakova E. Nominative aspect of speech activity. Moscow: Science, 1986. 159 p.]
- [3] Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya. Izd. 2-e, ster. M.: URSS, 2003. 312 s. [Leontiev A. Psycholinguistic units and generating of verbal expression. Moscow: URSS, 2003. 312 p.]
- [4] Shor I.O. Krizis sovremennoj lingvistiki. Sumerki lingvistiki. Iz istorii otechestvennogo yazykoznanija. Antologiya. Sostavlenie i kommentarij V. N. Bazylevai, V.P. Neroznaka; pod obshch. red. V.P. Neroznaka. M.: Academia, 2001, 576 s. [Shor I. The crisis of modern linguistics. Ed. by V.P. Neroznak. Moscow: Academia, 2001. 576 p.]

For citation: Akimova I.I. *K voprosu optimizacii obucheniya RKI: urovnevoe opisaniye predlozheniya-vyskazyvaniya v lingvodidaktike* [On the problem of optimization: training Russian as a foreign language (proposal levels of linguo-didactical representation)]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 17–23. (In Russian)

RESISTING GLOBALIZATION THROUGH GRAMMATICAL TOOLS: USING SOME ASPECTS OF RUSSIAN GRAMMAR AS A CASE STUDY

Dr. Albert Antwi Boasiako

Department of Modern Languages
University of Ghana, P O Box LG 207, Legon

The paper examines globalization within the framework of translation. The paper maintain that with technological advancement in the world, translation acts perfectly as an agent to disseminate information to all the corners of the dynamically changing world.

As an interconnectivity between cultures, languages, and businesses, information cannot be conveyed to these sectors of society only through one international lingua franca. Much as the influence of the English language in global communication network is evident, it maintains that translation makes it easier for many languages access the bulk of information that results from various interactions in society as a result of globalization. Translation resists globalization of the international lingua franca through the use of grammatical structures of the source language (SL) and the translated language (TL).

It maintains that there are typological differences between languages manifested through its grammatical features. These differences are manifested through the source language and the translated text.

Key words: globalization, translation, lingua, franca, grammar, grammatical, structure, resisting, Russian, English, bilingual

Research methodology

The theory of equivalence, The Grammar Translation Method, Communication approach .Data for analysis were gathered from my interaction with the level 300 students of Russian. Data were gathered through a classroom interaction and outside the classroom as well. The grammar translation method which allowed students to enhance on their writing skills was complimented by the communication approach which allowed students to test their oral skills in translation.

Introduction

Globalization in the language sense would mean a communication link between people cultures, business. Translation can facilitate the promotion of this link between people from different countries, tribes and nationalities. Translation has accelerated globalization processes and globalization processes have also accelerated translation activities. Translation activities increase as a result of increase in goods, services and production.

Unfortunately, globalization seems to be associated with Americanization and for that matter ‘Anglicization’ which seems to counteract the promotion of multilingualism and multiculturalism. Translation offers an opportunity for speakers in the minority languages to have access to the global information bank. The only indiscriminate means that allows people to be involved in the global communicative network is translation.

Translation promotes intercultural relations and pushes the world from the rails of cultural uniformity. Translation itself implies globalization, since it allows diversification of means through which information can be disseminated.

Specifically it points to the need to resist the influence of the international lingua franca, the English language through the application of grammatical skills required to be distinct between Russian and the English Language. This will also require reading, vocabulary and translation skills.

Globalization means the removal of linguistic barriers between people. Translation removes this barrier and establishes a common platform for communication through the proper and correct application of grammatical forms in Russian and English languages.

The paper discusses the need for the Russian language to resist globalization of the international lingua franca, the English language. It draws our attention to the typological differences between the Russian and English grammar in the translation process. Languages have developed along different historical lines and that no global linguistic revolution can change the concept, typology.

Theoretical framework

The study focuses on translation and globalization with special emphasis on using grammatical tools to resist globalization of what has been termed the “international lingua franca”. Anthony Pynn defines globalization as “a consequence of reducing the costs of communication.” This reduction has led to the rise of English as the international lingua franca [8. P. 1]. The study accepts that globalization attempts to bridge the gap between cultures. The concept of translation in a globalized world is evident. The impact of translation in the globalization process is manifested through the diverse and easier ways global communication has been enhanced. The notion that languages change as a result of technological advancement is partially in the context of this study (Said M. Shiyab, Marilyn Gaddis Rose, Juliane House and John Duval) [3]. The fact remains that in the context of lexis, languages could change in accordance with the translation market. The market needs reflects on the language and the translation of the materials. The degree of threat the international lingua franca poses to language and globalization is limited by the role of translation, specifically the role of grammar in the translation process.

Grammar is the vehicle that catalyses good communication in the globalized world. Not under any circumstantial linguistic consideration can globalization influence the grammar of any language. The communicative competence of every bilingual depends on his excellent construction of sentences in the two languages. In written or oral interaction, the bilingual must have a good command of the languages under study, could be two or more languages.

Effective communication in the globalization process will require competent bilinguals who have acquired grammatical skills and knowledge in the languages to be used in all spheres endeavours; political, economic, pedagogical and other areas.

In our global communication network, the translator who is a bilingual must attain sufficient control, competence and knowledge of the languages intended to be used in global communication network [9]. Globalization can be defined as “the intensification of worldwide social relations which link distant localities in such a way that local happenings are shaped by events occurring many miles away and vice versa” [3. P. 61]

The intensification of worldwide social relations thrives on language, the main vehicle for global communication. Translation serves as a process that connects various ideas, in all our human activities. Against this background, Mazmi defines globalization as “process by which regions of the world become linked at various levels of society, through an expanding network of exchange of peoples, goods, services, ideas, traditions, etc. across vast distances” [6. P. 1]

To achieve this result in the globalization process, translation becomes a cornerstone. Translation which disseminate information through the receptor language requires that information that should accelerate the development of science and technology, trade and various trade relations, political and international relations should conform to certain rules and norms of the language involved.

A better way to achieve an effective communication network is through the use of appropriate grammatical rules and regulations in our various interactions with people. Grammar is defined as “a set of rules that define how words are combined or changed to form acceptable units of meaning within a language” [10].

The phrase in acceptance units of meaning within a language implies that grammatical structures of languages differ. Words are combined to form sentences that are acceptable in the language in question. This characteristics of grammar makes every language unique. One cannot be imported into another language in most cases. The translator has a dual roletwoto play in the globalization process. He or she must preserve the original nature of the grammatical structure of the source language and the translated language (receptor language). Because of the importance of the grammar in the global communication process, translators attach much importance to grammar. Grammatical structure of Russian and English languages attests to the originality of the two languages.

A translator becomes a native or a native-speaker of the receptor language. It is his duty to protect the originality of the two languages making sure that there is no interference from the other language. In the case of this study, the English language.

The purpose of study

Globalization is to be seen as an excellent phenomenon. Resistance does not mean in this paper, resisting the influence of globalization in all its facets, it points to the need to resist the influence of the International lingua franca, which is the English language.

Translation has been seen as a strong weapon to resist the seemingly overwhelming influence of the English language in the global communication network.

The paper aims at limiting he seemingly overwhelming influence of the English language. While there is the thirst to learn this international lingua franca, it does not negate the application of the right grammatical forms in the translation of Russian to English. and vice versa. The International lingua franca has even become a prestigious language, and with the advancement of technologies communication costs have been reduced with the larger population of the world speaking English language. While this fact has been established, it is also important to accept the fact that the interconnectivity between Russian and the English languages can be accomplished through translation. The paper does not intend to give holistic analysis of the Grammar Translation Method.

Indeed authors like Brandl [1], Lightbown and Spada [5], Omaggio Hadley [11], V Cook [2], Rutherford and Sharwood Smith [12], Rivers [13] and Lado [4], do not treat translation independent from the treatment of the Grammar Translation Method. In spite of the fact that this method does not enhance students' communicative ability in the two languages (Brown, 2007), the Communicative approach has been employed. The exercises given to the students exhibit the characteristics of the two methods. While the main purpose of the paper is not to elaborate and teach students the two mentioned approaches, it aims at preparing students as present and future players in translating and interpretation in the globalization process. This will be complemented by bilingual competence which will mean the removal of linguistic and communication barriers between people. Translation promotes the interests of all nations through globalization. Globalization necessitates translation.

The relationship between Grammar and the Translation process

Grammar is the yardstick with which to measure a correct translation. A good translation implies a sentence with a good grammar. The grammar of the source language is independent from the grammar of the translated text. A proper arrangement of certain grammatical elements makes the translation a proper one. All languages have their codes and it is always important to know what codes the source language possess and how it can be effectively used to transmit a meaning to the receptor.

Some examples to prove the resistance process

This section deals with the resistance process, simple phrases and sentences below are some examples.

1. Я читаю книгу. — I am reading a book.
Он читал книгу. — He read a book.
Она читала книгу. — She read the book.
Мы читали книгу. — We read a book.
Они читали книгу. — They read a book.

In the Russian language, the past tense of the verb “read” changes with gender, it changes with the singular and changes with the plural. In the English language (T.T) or target language the verb “read” is stagnant and does not change according to gender, singular or plural. The second observation is that ‘книга’ book changes to ‘книгу’. It is however important to note that much as English verbs are not marked for singular or plural, in the third person singular, it is always said he//she reads. For example,

2. Я вижу девушку. — I see a girl.
Он видит девушку. — He sees a girl.
Она видит девушку. — She sees a girl.
Мы видим девушку. — We see a girl.
Они видят девушку. — They see a girl.

The conjugation of the verb changes with the personal pronouns in the Russian language: вижу, видит, видят.

In the English translation or the T.T, the changes that we observe have to do with the personal pronouns, I, he or she, we, they.

The conjugation is typical of Russian and the French languages. Such conjugations are absent in the English Language. The other case study that helps to drive home our position is the grammatical functions of the particle ‘ся’ in the Russian language. The particle “ся” is used to form the passive of the imperfective verbs.

3. Президент читал доклад на съезде. В нем говорится о том, что работники должны работать с самоотдачей. — President spoke at the session. In his speech, he said that workers should sincerely work.

Another form of translation could be:

The President spoke at the session and he mentioned the need for workers to work sincerely.

4. Сокровища охраняются государством. — The wealth is preserved by the state or The state preserves the wealth.

5. Двери закрываются, следующая станция — «Калужская». — The door is closing the next station is “Kaluyskaya” (Metro or underground station in Moscow).

The fact remains that transitive and intransitive verbs are grammatical features in the English language. The fact that the action is being accomplished by the subject in both languages is identical with the two languages in all the examples. Whereas for instance in the first example ‘дверь закрывается.’ Implies ‘the door closes,’ or the door is closing, there is the presupposition that the door’s closure is caused by somebody, but the subject has not been named. In the English language, one could say “the door closes”. This can be referred to an opportunity missed. It has been used metaphorically. “The door closes by itself”. The use of the particle ‘ся’ in the Russian language brings out a meaning embedded in the ‘ся’. It implies that the “metro” door has been closed by a means not mentioned. Particle ‘ся’ is stagnant and cannot be done away. The English language has various ways of expressing the meaning in the translated text. The other examples maintain the same standards in Russian, that is the particle ‘ся’ is stagnant and cannot be isolated. That is the norm and that is the standard that has been established by the history of the language.

The particle ‘ся’ is linguistically and grammatically obliged to be connected to perfective or imperfective transitive verbs where no object can be used in the given context. In this perspective its action is directed at the subject. The fact has also been established that such verbs with the particle have only the 3rd person form which brings them closer to the passive [7. P. 17].

6. Урок начинается в 9 часов. — The lesson starts at 9 am.

These examples are derived from the general information of the verb.

Specific cases of aspectual usage

This part deals with imperfective aspect and perfective aspect. The import of the imperfective aspect is to convey customary actions; for instance, “Обычно он берет (брал) книги в библиотеке, быстро их читает (читал) сдает (сдавал)”.

The other part deals with the perfective, specifically it is used to convey single concrete facts. For instance:

Вчера он взял в библиотеке книгу, прочитал ее и написал статью. — Yesterday, he took a book from the library, read it and wrote an article.

Other functions of the participle “-ся”

(A) The participle “-ся” shows that the subject performs the action for himself, herself or itself in his, her or its own interest. The following verbs belong to that category: *учить-ся, заниматься, интересоваться*.

В прошлом году я хорошо учился. — Last year I studied well.

На ошибках мы учимся. — We learn from our mistakes.

(B) The other function of the participle “-ся” shows that the speaker’s entire attention is directed to the subject, specifically his state.

Мы собираемся на экскурсию [7. P. 18]. — We are gathering for the excursion *or* We are preparing to go for an excursion.

Мы радуемся солнцу [Ibd 18]. — We enjoy the sunshine.

Some of the verbs that belong to this category are: *собираться* — to gather, *отправляться* — to go, to set off, *возвращаться* — to return, *волноваться* — to be afraid, to shiver, *удивляться* — to be surprised:

Группа должна собираться. — The group must gather.

Ты должен обязательно вернуться. — By all means or at all cost, you should return.

Я удивился тому, что меня не избрали. — I was surprised that I was not chosen.

(C) The particle “-ся” has the potential of changing the meaning of some verbs. For example,

Книга состоит из трёх глав. — The book comprises of three chapters.

Собрание состоится завтра. — The meeting takes place tomorrow.

Вещи занимают много места. — The things occupy a lot of space *or* The things occupy bigger space.

Они занимаются литературой. — They study literature *or* They are studying literature.

Он всегда находит время для разговора. — He always has time for talks.

Спортзал находится на первом этаже. — The sports hall is found on the first floor *or* The sports hall is situated on the first floor.

Учитель обратил внимание ученика на ошибку. — The teacher drew the attention of the pupil to the mistake *or* The teacher drew the pupil’s attention to the mistake.

Учитель обратился к ученикам. — The teacher spoke to the pupils *or* The teacher related to the pupil.

Родители прощают детям их ошибки. — Parents forgive children their mistakes.

После занятия они прощаются с преподавателем. — After the lectures, they parted with the teacher.

Looking at the grammatical function of the participle “-ся”, it is observed that “-ся” is added to perfective and imperfective transitive **verbs**. In this instance its action is directed

at the subject. Such verbs have only the 3rd person form and it brings them closer to the passive:

Урок был начат учителем в 9 часов. — The lesson was started by the teacher at 9 o'clock
or The lesson started at 9 o'clock.

Translation resists globalization, and that is expressed in the definition of translation which states that the process involves the understanding of a text, and expressing the text in another language (Lederer, 2003). The concept transitive and intransitive is present in the English and Russian grammar but the morphological specifics differ from each other.

The function of every grammatical element should be clearly defined, *what it is about?*, *what does it represent in the meaning of the sentence?*

Globalization has to deal with communication and translation in a globalized world calls for exchange of ideas, goods and services.

The language is to facilitate interaction between people in business, politics, and other social set ups.

1. Я не могу спать. — I cannot sleep.
2. Мне не спится. — I cannot sleep.

1 and 2 have the same communication agenda. “Мне не спится” or “Я не могу спать” is the norm accepted by Russian speakers.

The semantic significance of the participle “-ся” is clearly manifested in all the examples given. Piragov gives five semantic functions of the participle “-ся” and goes on at the sixth stage to denote how the participle “-ся” changes the meaning of some verbs.

It is observed that each of the points represent a specific semantic meaning coming to the sixth point words change their meanings. For instance,

- Книга состоит из трёх глав. — The book has three chapters.
Собрание состоится завтра. — The meeting comes on tomorrow.
Вещи занимают много места. — The goods are taking a lot of space.
Они занимаются литературой. — They are studying literature.

There is a wider disparity between these two sentences. The same word has been used but with completely different meaning, the meaning changed entirely as a result of the participle “-ся”.

Exercises given to level 300 students of Russian to test the resisting Globalization through translation

From Russian to English

1. “Я из семьи сильных людей. Мой дед, по рассказам родственников, боролся с Иваном Поддубным, отец был неслаб физически” (Самозащита без оружия, № 6 (35) 2008:2). — “I come from a strong family, my grandfather upon the story narrated to me by my relatives, fought with Ivan Paddubniy, my father was not weak physically” (Ibid).

2. “Он вокруг бегал, а я только поворачивалась” (Ibid 2). — “He run around me, but I just turned around” (Ibid 2).

3. В России тренируются более 100 тысяч футболистов. — Russia is training more than 100 thousand football players.

4. “Я защищаю не преступника, а человека” (Ibid 10). — “I don’t defend a criminal but a person” (Ibid 10).

5. “Противоречия между Россией и США по поводу грузин” (РБК, 2008:18). — “The controversy between Russia and the United States on Grusin (Georgia)” (Ibid 18).

6. Те, кто управляет страной, не учли тот факт, что инвестиционный климат во всем мире заметно ухудшился (Ibid 50). — Those who govern this country; have not taken into consideration that, investment climax in the whole world is getting worse (Ibid 50).

7. Наш класс сильный, мы хорошо учились в прошлом году. — Our class is a strong class, last year we studied very well.

8. Кофи решил писать такие же письма, как Кваме. — Kofi decided to write the same letters as written by Kwame.

9. Амма решила писать такие же письма, как Афуа. — Amma decided to write the same letters as written by Afua.

10. В конечном счёте, существует лишь одна раса: человечество. — In summation, we only have one race: humanity.

From English to Russian

1. — The meeting started at 10 am. — Собрание началось в 9 часов.

2. — Janet and her friends are preparing to go to the theater. She wants to invite Stephen to join them. — В воскресенье Жанет с друзьями собирается пойти в театр. Она хочет пригласить Стивена пойти с ними.

3. — Marina, I met Kirill yesterday. — Марина, я вчера встретила Кирилла.

— Who is that Kirill? — Какого Кирилла?

— The one we got acquainted with yesterday at the apartment meant for people who need resting. — С которым мы познакомились в доме отдыха.

4. — There is yet one question Americans are interested in — freedom in Russia. — Но есть и ещё один вопрос, который интересует Америку: свобода в России.

5. — Where is the university? — Где университет?

— The university is situated closer to your house. — Университет находится поблизости от вашего дома.

6. — Kofi, I want to buy a new shirt. Yesterday I was in the shop but I was not interested in the shirts displayed. — Кофи, я хочу купить новую рубашку. Вчера я был в магазине, но мне там не понравились рубашки.

7. — James, will you be attending the lectures of Professor Johnson today? — Джемс, ты сегодня идёшь на лекцию профессора Джонсона?

8. — You have written three books from the notes in your/diaries. — Вы написали три книги по материалам дневников. (Самозащита, № 6(35), 2008:41).

9. — We are working for you and your victory. — Мы работаем для вас и вашей победы (Ibid 49).

10. — You have never seen my wife? I will show you her photograph. — Ты никогда не видел мою жену? Я покажу тебе её фотографию.

Analyses of the translated exercises in the context of the resisting process.

Translation was performed bearing in mind Russian and English grammatical rules. Translation is basically a change of form but meaning is maintained. The form of a language refers to words, phrases clauses, and sentences (Bell, 1991).

What makes translation complete is that all the structures are in place, the sentences constructed are intelligible both to the receptor and translator. Grammatical functions of all the words are in place.

In example 1, from Russian to English, "... с ИВАНОМ" corresponds to "...with Ivan", understanding clearly that the form of the source language is replaced by the form of the receptor language implies that meaning has been preserved, but no other case could replace the instrumental case which put the source language, Russian into the correct perspective. The preservation of form implies the preservation of the right grammatical structure. Meaning is transferred from the source language to the receptor language not relegating to the background the right grammatical elements that makes both the source and the receptor language intelligible to bilinguals. Translation process separates the two languages.

In example 2, "... толькопо вращивался" corresponds to "... just turned around." In example 3, "... тренируются более 100 тысяч..." is translated "... training more than 100 thousand..."

Meaning is being transferred and there must be consistency in the transfer. The form of the source language is maintained but the meaning is transferred to the column of the receptor language. It is important to reiterate the definition of translation again, "Translation, then consists of studying the lexicon, *grammatical structure*, communication situation and the cultural context of the source language text, analyzing it in order to determine its meaning and then reconstructing this same meaning using the lexicon and the grammatical structure which are appropriate in the receptor language", according to Larson.

Students did not compose "тренируются" and training, though they have a lot of things in common as far as lexical semantic sense is concerned. They have identified the function of the participle "-ся". They have differentiated between what is present and what is past "поворачивался".

Students are bilinguals, and bilinguals are supposed to use the two languages in such a way that they can be considered as native speakers or native-like speakers, as Bloomfield notes.

A good knowledge in the grammar of the source language and the translated texts is a sufficient testimony of one's bilingual competence. He or she must have a sufficient and specific knowledge of the source and the receptor language. He must have reading skills, and writing skills in both the source language (SL) and the receptor language. Writing skills implies that the performer has a good and sufficient knowledge in the grammar of the two languages.

In example 4, "я защищаю не преступника" "I do not defend a criminal". In Russian, the conjugation of 'defend' tells or indicates to every reader that, the issue is about singular, the English version also gives the same grammatical indication. In example 6, "инвестиционный климат" "investment climate" is clearly defined in both the source language text and the translated text. Orthographically, students were able to differentiate

between the two languages, sticking to the prescribed grammatical rules and regulations in the two languages. Though the same words are found in the two languages, there is no confusion on the part of the students to mismatch the source language text to the translated language text. As speakers of the English language, “investment climate” is clearly explained, and the ability to do a written translation in Russian without interference from the English alphabets indicates the level of the resistance process. There is no distortion of facts.

In example 5, it is observed that the word “противоречия” is used in connection with the instrumental case. The use of “Between Russia” the morphological status of “Россия” to “Россией” indicating that it is almost impossible for any translator to produce a text in the source language which grammatically and lexically matches with the translated text. It is important to note that Russian language in terms of the way grammatical devices are used to express meaning. Students ability to differentiate between what is masculine and feminine in relation to the instrumental case is also significant. The word “between” could have been joined with any other word without any special grammatical or syntactic feature.

For instance, “between boys” “between girls” “between men”. The word “between” does not have any significant grammatical effect on boys, girls, and men, as compared to Russian. In Russian, all the translations would have to take into consideration the gender aspect of the word.

From English to Russian

Translation revolves around a basic principle, the principle of equivalence. It means therefore that translation from English to Russian is still based on the same principle as from Russian to English. Analysis is carried out in the context of translation and globalization. The central issue comprises of the study and the application of the right grammatical rules and regulations while translating a text from the source language to the translated language.

Two methods were employed in this exercise because in globalization, there are two issues, the volume of materials increases corresponding to the demand for translation. Translation of materials in the area of commerce, business, politics, medicine, religion, and other sectors of our society should be put in the right grammatical perspective. It will be required that translation should be in a written form. The other side is that because of the development of science and technology, education, economic issues, climate change, and many other areas, conferences and seminars, and other group meetings are held, and there will be the need for conference interpretation or oral translation. For instance, with the emergence of market economy in Russia, Russians will need some English materials translated into the Russian language while the West or English speaking business community would have materials translated from Russian to English.

At the level of interactions between persons with different linguistic backgrounds, the requirement for interpretation or interpreters is evident.

With the growing multiplicity of global problems, conference interpretation, becomes an agenda of priority in globalization. The demand goes with the need to train translators

and interpreters, and the training of interpreters requires that the individual achieves a level of interpretation skills. Whether written translation or interpretation which is invariably termed as oral translation, bilingual competence is a requirement. Bilingual competence implies excellent knowledge in the grammar of the two languages, excellent knowledge in the right choice of words to suit the receptor's understanding.

Anything short of these is a failure in the field of translation and interpretation.

In interpretation, the interpreter may not be able to grasp the meaning of a particular word, from the source language, he may quickly come back to interpret after interpreting the previous sentence from the source language or from the speaker producing the source language.

Written translations are seen in print, and any grammatical error can be easily detected. This will not auger well for important documents, such as, government papers, committee reports on global issues, report on international economic issues, et cetera. In either way, translation and interpretation plays a vital role in the globalization process, and all are achieved on the basis of good grammar, proficiency in the two languages implying proficiency in grammar. There is a wider opinion that globalization is linked with business, politics, scientific issues, technological advancements, and issues relating to culture.

These phenomena can triumph within the domain of language. Exchange of ideas with people with different linguistic background can be achieved through translation. All the terminologies that emanates from the above listed areas, can be properly expressed to the global village through language, irrespective of its syntactic structure. Looking at the examples in the translation exercises given to the level 300 students, it is observed that each of the assignments is related to some circumstance, others could be related to more than one circumstance.

The first assignment could be related to a meeting dealing with socio-political and economic issues, it could be related to cultural issues. The third instance deals with an ordinary conversation, that is the first expression but Kirill could be an international figure, engaged in climate issues, once nothing has been said about his profile. There can be any assumption about him. On number four, it is evident that it is dealing with human right issues, which takes a global character. On question number five, the university could be situated in Japan, probably the United Nations University. This of course is at the centre of globalization. Wherever the university is situated, it is linked with globalization. On number six, buying of shirt is linked with trade, business, exchange of goods. This is linked with globalization. On the face value, one may think it is just ordinary.

On number seven, there is no information about the discipline the professor teaches, in any case it is related to globalization. To write "three books from your diaries" could imply that oneth of the books talk about marriage, one about politics, the other about religion. On number nine, "working for you and your victory" could mean anything including the victory of globalization in a particular sector. And finally, "You have never seen my wife? I will show you her picture." Who could she be, a house wife, a human rights activist, a business woman. All are linked with globalization. The diagram indicates a "GLOBALIZED WORLD OF LANGUAGES" indicates that there are no specific lexicon related to globalization. All human activities are made transparent through the use of languages in the era of globalization. In our daily communication network, language serves as the web of relationship and translation accelerates the globalization process. To

bring meaning to the doorsteps of people involved in the globalization process, communicators must have a good command over the grammar of the language to be used.

Analyses in the context of the resistance

Translation theories are debatable, there are many pioneer theories whose position have met with bitter scholastic opposition. This does not mean that their position is out of the “conceptual rails” as far as translation is concerned but that the “intellectual bank” in the world of knowledge and the new theories are being mentioned, and new theories are attempting to replace old theories.

Classical theories are always resisting “intellectual assaults”. There is no old theory but rather new theories to complement the old ones. As a result of the history of languages, grammatical structures are strictly intertwined with the development of every language. Languages as at their present form might have metamorphosized to reach their present state. The history of the language grammar is strictly linked with the history of those languages. At a point in time, scholars have to accept why we have “ого” in Russian, why should we use “видеть” in connection with the accusative case, why “купить” is used in connection with the dative case, why should “читал” be used for the masculine gender and “читала” be used for the feminine. There are so many questions one could ask. There are some of them that one could find answers to, for others, scholars have to accept them as they see or as they are being used. Grammar has become a formula that has been carved out by grammarians or experts decades ago and contemporary scholars will have to conform to that. Why should it be “I read”, “He reads”, “We read”, “I saw the girls”, “They saw the boys”. “I am eating”, “He is eating”, “They are eating”, all in the same English grammar. The same applies to all languages.

Through new terminology, words, and phrases have surfaced in the lexicon of Russian and English as a result of socio-political and economic processes in the society they have no influence on Russian and English grammar.

In example one “собрание” corresponds to “началось” the ending of the word dictates the conditions of the infinitive “начаться”. It could have been “2 часа” instead of 10 часов, but “two o’clock” and “10 o’clock” in the English language. In the English and Russian, the speakers or writers representing the source language (SL) and the hearers and the readers representing the translated text (TT) are aware of the facts being unfolded (Bell, 1991) In the grammatical sense, there are no options for “2 часа” and “10 часов”. In the second example, “она хочет пригласить” “wants to invite” conforms to a grammatical model in Russian and in the English languages. The suffix “ить”, “ать” in Russian indicates perfection of imperfection. In example number three “мы познакомились” corresponds to “we got acquainted with”. This reminds the translator of the participle “СЯ”. In this instance, the plural form avoids “СЯ”. In number four, “один вопрос”, “два вопроса”, “пять вопросов”, “one question”, “two questions”, “five questions”. No interaction in any conference can change the status quo in the Russian or English grammar.

It is important for the translator, a bilingual to identify the meaning of an idea, opinion expressed through the grammatical structures of the source language text and be able to render an appropriate translation in the receptor language (Bell, 1991). In the semantic sense, meaning has been preserved in the two languages, while the grammatical models

remain peculiar to the Russian and English languages. In meaning, the words, phrases, and structure must be aligned, while preserving their **forms**. The roles of the grammatical structures are converted to suit that of the English language.

In number 5 and 6, “поблизости от вашего дома” “closer to your house”, “я хочу купить новую рубашку” “I want to buy a new shirt”. There are two important things to consider in any translation; first, the translator must accept the fact that grammar is not separated from semantics. The second thing one has to consider is that, a misunderstanding of a word may lead to a wrong grammatical application of that word in a sentence formation. In Russian language words are related to cases, the use of words are equated to a special grammatical formula. It is therefore important to understand first the word, then identify each case the word is related to. In Russian once “поблизости” is used must correspond to “вашего”, “нашего” et cetera. This is in the genitive and there is no explanation of why “его” is equated to the application of the genitive case.

In the same vein “купить”, “to buy” is related to the accusative case “купить рубашку” “to buy a shirt”. There is the need to have significant linguistic knowledge to articulate the meaning of these words and to be well-versed in its application. “Идёте на лекцию” or “going to lecture” on number 8. “по материалам дневников” “from the notes in your diaries” in other words, “taking some information from your diaries to write three books”.

In the semantic sense there could be other ways to express the idea to the English language or in the English language as the receptor language. There is no alternative in Russian than to use ‘no’. This is a requirement of the dative case in Russian and to attempt to bring in other alternatives may render the whole idea senseless.

In the context of bilingualism, there is a persistent demand from the natives of the source language and the translated text to create a cohesive text. The two languages with their grammatical structures are distinct: source language (Russian) and the receptor language (English) have their distinct forms manifested through the use of the grammar.

On assignments 9, “Мы работаем для вас” “We are working for you” on assignment number ten, “не видел мою жену”, “have not seen my wife”, “я покажу тебе её фотографию”. The goal of every translation process is to achieve equivalence. The equivalence can be achieved through the communicative competence of the performer of the translation act. Translation offers communicative opportunities for the two sides, the beneficiary of the source language (SL) and the translated text.

Examples to bring out correct grammatical usage and right pronunciation through pairing method:

GROUP A (SOURCE LANGUAGE); GROUP B (TRANSLATED LANGUAGE)

GA — Я давно мечтал увидеть Соединенные Штаты, и вот я нахожусь в Вашингтоне.

GB — I have been dreaming to see the United States, now here I am in Washington.

GA — Мне повезло, я теперь студент Вашингтонского университета.

GB — I am lucky, now I am a student of Washington University.

GA — Слава Богу.

GB — Thanks be to God

GA — Отец Небесный, благодарю Тебя!

GB — Heavenly father, thank you.

GA — Учеба на Гуманитарном Факультете интересна.

GB — Studying at the Faculty of Humanities is more interesting.

GA — Жизнь и учеба иностранного студента в США очень интересна.

GB — Life and studying as a foreign student in the United States is more interesting.

Here two approaches have been employed; the grammar translation method and the communicative approach. The GTM deals basically with written translation and the communicative approach deals with the application of grammatical skills in oral translation known as interpretation. In our interactions with people in the globalization process, we deal with written or oral translation. In each case grammatical rules if properly applied convey meaning from the source language to the receptor language. The grammatical rules in the Russian language distinguishes it from the English language

Conclusion

Globalization which has been seen as an economic process has a direct relation with languages. Languages have become the vehicle on which globalization can triumph. The success of globalization will depend on an effective global communicative network which should not be monopolized by a single global lingua franca.

Translation provides an antidote for this growing apprehension among scholars of languages and linguistics. With the growing multiplicity of global trade, economic and political activities, scientific and industrial activities and other socio-cultural activities translation has become the inevitable agent to accelerate the dissemination of information. Translation from and into Russian resists the influence of the global lingua franca. Translation promotes linguistic and cultural diversity that neutralizes the bubbling influence of the global lingua franca.

On the basis of the definition of translation' as changing the form of the source language without changing the meaning, Russian and many other language are not disadvantaged. The resisting process lies in the definition, while there will ever be a source language and a translated text, Russian language will not be marginalized.

A greater number of the world's population uses English language as their first language and a greater number uses the English language as their second language. With the advancement of technology in this information age, communication costs have been reduced. In any case, the interconnectivity between cultures and people in this information age cannot be achieved only through the international lingua franca, the English language.

Translation in the globalization process resolves the language conflict. The promotion of one language definitely leads to the promotion of one culture over others. Transparency in the world socio-political and economic relations could be achieved through the translation of materials into various languages in the world.

Resisting the influence of the global lingua franca implies strengthening the concept of identification. The concept of identification is strengthened through the application of the right grammatical rules in Russian and English in translation. Both source and target languages identifies a group of people, specifically an ethnic group. The Russian language as a source language and the English language as the receptor language exhibits some grammatical features that makes the two language what they are. Morphological, lexical and other features of the language, does not change.

The term globalization connotes economic, media, technological and social relations. In contrast to the development of languages, languages have developed along different historical lines. Russian language and many other languages have their specifications that cannot be evolved by the process of globalization. A translated text maintains elements or features of the language carved out by scholars. Grammatical features and semantics have been used to enhance on the concept of resistance. Grammatical features of the source language can never be represented on the receptor language. Syntactic structure of the Russian language can never be the same as the English language.

Translation deals with the study of the lexicon, the grammatical structures and the communicative situation of the source language text. The elements in the Russian language text as enumerated should be analysed and reconstructed using the lexicon and grammatical structure which is accepted in the English Language. Once there is the idea of 'acceptability', it goes without saying that not any grammatical construction can be accepted in Russian and English. Therefore there cannot be any imposition from any language.

No foreignization can be accepted in grammatical terms in the translation process. Grammar Translation Method and the Communicative approach were referred. The import of the paper is not to give a holistic unfolding of these methods, but to say that in dealing with translation at any level one cannot escape these methods. Level 300 students of Russian were used as a case study to test the translation and interpretation process in globalization. The students themselves are agents of globalization. The fact that the syntactic features of Russian in the source language cannot replace that of the English language underpins the limitation of the influence of the international lingua franca. Meaning as linguistic concept is universal and can be communicated through the use of the right grammatical forms.

Russian language has got its lexical and grammatical specifics that identify it as a language for Russians. Russian grammar is embedded in the Russian language and whether it takes the position of the source language or the translated text, its unique linguistic elements are maintained.

Foreignizing in the translation of the Russian language, even if it is permitted, especially from English to Russian should be accompanied by the use of the right grammatical forms of Russian. Bilingual competence backed by the acquisition of the right grammatical skills in translation of the Russian language and many other languages to other languages including the international lingua franca makes it easier for people to communicate easily and efficiently in their day to day activities. Gaining mastery over the Russian grammar can limit the bubbling influence of the international lingua franca.

The theory of equivalence was employed in the study. The Grammar Translation Method was used through exercises given to Level 300 students of Russian. The Communicative Grammar Method was also employed. These methods were employed not precisely for the purpose of teaching, but to build in students grammatical skills for effective translation in the globalization process.

REFERENCES

- [1] Brandl K. *Communicative Language Teaching in Action: Putting Principles to Work*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2008.
- [2] Cook V. *Second Language Learning and Language Teaching*, Third Edition. London: Arnold, 2001.

- [3] Giddens A. *The Consequence of Modernity*: Cambridge: Policy. Globalization and Aspects of Translation. 2010. Edited by Said M. Shiyab, Marlyn Gaddis Rose, Juliane House and John Duval. Cambridge scholars Publishing.
- [4] Lado R. *Language Teaching: A Scientific Approach*. New York: McGraw-Hill, 1964.
- [5] Lightbown P., and Spada N. *How Languages are Learned*, Third Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- [6] Mazmi A. *English in Africa after the Cold War*. Clevedon. Multilingual Matters.
- [7] Pirogova L. *Conjugation of Russian verbs*, second edition, revised and enlarged RUSSKIY YAZYK PUBLISHERS, MOSCOW, 1988.
- [8] Pym A. *Globalization and the Politics of Translation Studies*. Paper delivered to the conference “*Translation and Globalization*” (*Canadian Association of Translation Studies*), Canada, 29 May, 2003.
- [9] Presas M. *Bilingual Competence and Translation Competence, Developing Translation Competence* edited by Schaffner, Ch&Adab, Amaterdam and Philadelphia: John Benjamin’s Publishing Company, p.21.
- [10] Penny R. *Variation and Change in Spanish*. Cambridge University Press, 2003.
- [11] Omaggio Hadley A. *Teaching Language in Context*, Third Edition. Boston: Thomson Heinle, 2001.
- [12] Rutherford W, and Sharwood Smith M., eds. *Grammar and Second Language Teaching: A Book of Readings*. New York: Newbury House, 1988.
- [13] Rivers W. *Teaching Foreign Language Skills*. Chicago: The University of Chicago Press, 1968.
- [14] <http://www.englishraven.com/methodgramtrns.html>

СОПРОТИВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ С ПОМОЩЬЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ: НАГЛЯДНЫЕ АСПЕКТЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ

Др. Альберт Антви Босиако

Кафедра современных языков
Университет Ганы, Р О Почтовый ящик LG 207, Легон

Процесс глобализации рассматривается в статье в аспекте теории перевода. Главный тезис работы — утверждение о том, что в условиях глобального технического прогресса перевод является основным средством распространения информации в динамично меняющемся мире.

С учетом взаимосвязи между культурами, языками, экономическими отношениями информация не может быть передана в каждый из этих секторов общества через один международный лингва франка. Хотя влияние английского языка в глобальной коммуникативной сети очевидно, перевод предоставляет многим языкам доступ к информации, которая является результатом социальных взаимодействий в контексте глобализации. Перевод «сопротивляется» глобализации и диктату международного языка через использование грамматических структур языка оригинала (ЯО) и переводимого языка (ПЯ).

Такой подход предполагает, что существуют типологические различия между языками, которые проявляются через определенные грамматические признаки. Эти различия выявляются через язык оригинала и через перевод текста.

Ключевые слова: глобализация, перевод, лингва франка, грамматика, грамматическая структура, сопротивляемость, русский, английский, билингвизм

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Brandl K. *Communicative Language Teaching in Action: Putting Principles to Work*. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2008.
- [2] Cook V. *Second Language Learning and Language Teaching*, Third Edition. London: Arnold, 2001.
- [3] Giddens A. *The Consequence of Modernity*. Cambridge: Policy. *Globalization and Aspects of Translation*. 2010. Edited by Said M. Shiyab, Marlyn Gaddis Rose, Juliane House and John Duval. Cambridge scholars Publishing.
- [4] Lado R. *Language Teaching: A Scientific Approach*. New York: McGraw-Hill, 1964.
- [5] Lightbown P., and Spada N. *How Languages are Learned*, Third Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- [6] Mazmi A. *English in Africa after the Cold War*. Clevedon. *Multilingual Matters*.
- [7] Pirogova L. *Conjugation of Russian verbs*, second edition, revised and enlarged RUSSKIYAZYK PUBLISHERS, MOSCOW, 1988.
- [8] Pym A. *Globalization and the Politics of Translation Studies*. Paper delivered to the conference “*Translation and Globalization*” (*Canadian Association of Translation Studies*), Canada, 29 May, 2003.
- [9] Presas M. *Bilingual Competence and Translation Competence*, *Developing Translation Competence* edited by Schaffner, Ch&Adab, Amsterdam and Philadelphia: John Benjamin’s Publishing Company, p.21.
- [10] Penny R. *Variation and Change in Spanish*. Cambridge University Press, 2003.
- [11] Omaggio Hadley A. *Teaching Language in Context*, Third Edition. Boston: Thomson Heinle, 2001.
- [12] Rutherford W, and Sharwood Smith M., eds. *Grammar and Second Language Teaching: A Book of Readings*. New York: Newbury House, 1988.
- [13] Rivers W. *Teaching Foreign Language Skills*. Chicago: The University of Chicago Press, 1968.
- [14] <http://www.englishraven.com/methodgramtrns.html>

For citation: Boasiako A.A. Resisting globalization through grammatical tools: using some aspects of Russian grammar as a case study. *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 4, pp. 24—40. (In English)

ОБЩАЯ ЧАСТОТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛО- И РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

О.О. Туринова

Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, д. 38, Москва, Россия, 119034

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью функционирования личных (ЛМ) и притяжательных местоимений (ПМ) в произведениях художественной литературы и их переводах в языковой паре русский-английский. Автор ставит перед собой цель на примере частотно-статистического анализа произведений англоязычной литературы, их качественно выполненных переводов и оригинальных русскоязычных произведений доказать, что количество ЛМ и ПМ в таких добротных переводах всегда ниже, чем в оригиналах, причем последний показатель коррелирует с частотностью ЛМ и ПМ в текстах, созданных носителями русского языка. В ходе исследования применялись квантитативный метод и оценка корреляционной зависимости. Результатом исследования стало подтверждение рабочей гипотезы. В перспективе полученные выводы станут материалом для дальнейшего изучения функционирования и частотности ЛМ и ПМ и выработки рекомендаций для переводчиков художественной литературы во избежание распространенных ошибок и с целью повышения общего качества переводов.

Ключевые слова: перевод и переводоведение, личные местоимения, притяжательные местоимения, русский язык, английский язык, частотность, частотно-статистический анализ

Введение

Согласно законам стандартизации, сформулированным известным переводоведом Моной Бейкер, переводные тексты тяготеют к «центру континуума» [6. Р. 181]. Это означает, что в своем языковом своеобразии и средствах выражения они тем или иным образом проигрывают оригинальным текстам, созданным носителями переводящего языка. Это проявляется как в нивелировании индивидуально-авторской специфики, так и в упрощении и конвенционализации языка перевода. Тем не менее под воздействием другого основополагающего закона перевода, закона интерференции переводчик (особенно, если речь идет о неопытном начинающем специалисте) может забывать о различиях в функционировании и частотности употребления тех или иных элементов в языке оригинала и языке перевода, т.е., испытывая сильное давление со стороны языка оригинала, по сути воспроизводит в той или иной мере в переводном тексте черты, свойственные языку оригинала.

Цель данной статьи — рассмотреть проблему с точки зрения частотности употребления личных (ЛМ) и притяжательных местоимений (ПМ) в английском и русском языках на материале художественной прозы, что еще не было сделано в известной нам отечественной и зарубежной научной литературе.

В исследовании мы будем опираться на квантитативный метод, обратимся к параметрическому методу Стьюдента и построим графики корреляционной за-

висимости ЛМ и ПМ в оригинальных англоязычных текстах и их переводах на русский язык. Ядром исследования станет следующая рабочая гипотеза: англоязычным художественным произведениям (АЯ) свойственно более частотное употребление ЛМ и ПМ, чем русскоязычным (РЯ), из чего следует, что в добротных переводах на русский язык, созданных в соответствии с нормами и узусом языка перевода, частотность ЛМ и ПМ также должна быть ниже, чем в англоязычных оригиналах.

Местоимение как высокоупотребительная часть речи

По мнению З.З. Толгуровой, «местоимение часто выглядит как просто подсобный материал... на самом деле являющиеся интереснейшим, оригинальным и достойным образцом, в котором скрыта глубина, гармоничность и мудрость языка» [5. С. 170]. В силу привычки мы порой не замечаем, насколько «высоко-частотно употребляемой частью речи» [5. С. 4] является местоимение. Это доказывают и результаты анализа, представленные в различных частотных словарях литературного русского языка [приводится по: 3, 7], на основании которых можно сделать следующие выводы:

— местоимения как класс — самые распространенные и частотные слова в письменном художественном тексте;

— ядром употребительности ЛМ и ПМ являются местоимения «я», «он» и «она»;

— ПМ употребляются гораздо реже, чем ЛМ, причем среди них можно особо отметить уникальное для русского языка местоимение «свой»;

— ЛМ «оно» имеет на общем фоне ЛМ и даже ПМ относительно низкую частотность (ср. с употребительностью английского 'it').

Сделанные выводы и разнообразие частотных словарей подводят нас к заключению о важности при работе с языковым материалом частотно-статистического, или квантитативного, метода, который С.В. Серебрякова характеризует как «операционную исследовательскую универсалию» и «надежный инструмент лингвистического анализа» [4. С. 10]. Анализ такого типа является формальным, т.е. осуществляется без обращения к семантике анализируемых форм и содержанию текста в целом. Целью использования квантитативного метода служит получение объективных количественных данных об исследуемых единицах, а также выявление меры связи между их особенностями в англоязычных художественных текстах и их переводах.

Анализ рабочего материала: критерии отбора и результаты

Насколько нам известно, ЛМ и ПМ пока не подвергались специальному квантитативному исследованию в рамках лингвистического переводоведения. Основным материалом для нашей работы послужила художественная проза первой и второй половины XX в.: английская (Д.Г. Лоуренс, Дж. Фаулз, С. Моэм, А. Мердок, У. Бойд и др.), американская (Дж. Лондон, Ф.С. Фитцджеральд, Э. Хемингуэй, Г. Миллер и др.), русско-советская (А. Куприн, М. Булгаков, А. Платонов, С. Гандлевский и др.), а также переводы некоторых англоязычных произведений на русский язык, выполненные признанными мастерами художественного пере-

вода (М.Ф. Лорие, М.Д. Литвинова, Б.Н. Кузьминский, Е.Д. Калашникова). Объектом анализа являются личные и притяжательные местоимения, извлеченные из указанных текстов путем сплошной выборки.

Исходя из простого наблюдения, зачастую в переводах англоязычных текстов на русский язык (в данной статье переводы с РЯ на АЯ не рассматриваются, однако отметим перспективность подобного исследования), особенно переводов не самого высокого качества, можно заметить избыточность местоимений именно этих двух классов, вызванную упомянутыми нами законами стандартизации и интерференции. Поскольку выводы, сделанные на основе простых наблюдений, не являются научно достоверными, было решено проверить гипотезу с помощью частотно-сравнительного анализа, для чего мы установили следующие параметры анализа:

- объем выборки— 22 англоязычных произведения с переводами на русский язык, 22 русскоязычных произведения (всего 66 исследуемых единиц);
- объем текстов — 15 000 знаков (включая пробелы), а именно по три отрезка длиной 5 000 знаков из начала, середины и конца каждого произведения (для повышения чистоты эксперимента). Для оригинальных текстов отрезки для подсчета ЛМ и ПМ выбираются случайно, для переводных — соответствуют по объему и содержанию отобранным отрывкам из оригиналов;
- тип текста — повествование с элементами описания;
- отсутствие развернутых диалогов, минимальное количество одиночных реплик;
- эпоха — современная литература от начала до конца XX в.

При подсчете учитываются разговорные и диалектные формы местоимений (евоинный, маво, ихний, 'im, 'em), но не включаются формы, входящие в состав междометий местоимения (ах ты, вот те на).

Отметим, что выбор произведений обусловлен чисто практическими соображениями (признанность автора и произведения, наличие опубликованных переводов), поэтому не может быть признан единообразным: в выборке представлены разные жанры художественной прозы (роман, повесть, рассказ), повествование как от 3-го, так и от 1-го лица.

Тем не менее, как мы увидим из таблиц 1, 2 и 3, разницы тенденций в зависимости от хронологии, жанра или типа повествования не наблюдается. Для наглядности в скобках указан процент, который ЛМ и ПМ составляют от общего объема исследуемого текста у каждого автора.

Таблица 1

Частотность личных местоимений в англоязычных произведениях и их переводов на русский язык

Произведение	Год создания	Английские авторы	
		Английский оригинал	Перевод на РЯ
1. Lady Chatterley's lover (Lawrence)	1928	190 (7%)	98 (4,5%)
2. Theatre (Maugham)	1937	369 (13%)	205 (10%)
3. Lord of the flies (Golding)	1954	151 (5%)	113 (4,9%)
4. Quiet American (Greene)	1955	112 (4%)	100 (4%)
5. Island (Huxley)	1962	138 (5%)	80 (4%)
6. Magus (Fowles)	1965	220 (8%)	154 (6,6%)

Окончание табл. 1

Произведение	Год создания	Английские авторы	
		Английский оригинал	Перевод на РЯ
7. The sea, the sea (Murdoch)	1978	218 (7,7%)	159 (7%)
8. Waterland (Swift)	1983	109 (4%)	89 (3,4%)
9. London Fields (Amis)	1989	188 (6,8%)	162 (5,8%)
10. Possession (Byatt)	1990	124 (4,7%)	89 (3,6%)
11. Restless (Boyd)	2006	214 (8%)	131 (5,7%)
Произведение	Год создания	Американские авторы	
1. Call of the Wild (London)	1903	161 (5,8%)	137 (5,6%)
2. The Great Gatsby (Fitzgerald)	1925	160 (6%)	137 (5,6%)
3. A Farewell to arms (Hemingway)	1929	143 (5%)	105 (4,6%)
4. Light in August (Faulkner)	1932	228 (8,4%)	145 (6,7%)
5. Tropic of Cancer (Miller)	1934	271 (10%)	198 (9%)
6. Grapes of Wrath (Steinbeck)	1939	175 (6%)	151 (6%)
7. You can't go home again (Wolfe)	1940	164 (6%)	115 (5%)
8. On the road (Kerouac)	1957	226 (8%)	195 (7,8%)
9. A Confederate General from Big Sur (Brautigam)	1964	246 (8,7%)	172 (7,6%)
10. Cider House Rules (Irving)	1985	155 (5,7%)	105 (5%)
11. The New-York Trilogy (Auster)	1986	260 (9%)	160 (7,5%)

Таблица 2

**Частотность притяжательных местоимений в англоязычных произведениях
и их переводов на русский язык**

Произведение	Год создания	Английские авторы	
		Английский оригинал	Перевод на РЯ
1. Lady Chatterley's lover (Lawrence)	1928	59 (2%)	29 (1,3%)
2. Theatre (Maugham)	1937	58 (2%)	32 (1,3%)
3. Lord of the flies (Golding)	1954	74 (2,6%)	13 (0,6%)
4. Quiet American (Greene)	1955	50 (1,8%)	34 (1,5%)
5. Island (Huxley)	1962	58 (2%)	25 (1,3%)
6. Magus (Fowles)	1965	64 (2%)	30 (1,3%)
7. The sea, the sea (Murdoch)	1978	39 (1,4%)	24 (1%)
8. Waterland (Swift)	1983	60 (2%)	29 (1,1%)
9. London Fields (Amis)	1989	70 (2,5%)	54 (2%)
10. Possession (Byatt)	1990	81 (3%)	41 (1,6%)
11. Restless (Boyd)	2006	72 (2,7%)	31 (1,3%)
Произведение	Год создания	Американские авторы	
1. Call of the Wild (London)	1903	62 (2%)	49 (1,9%)
2. The Great Gatsby (Fitzgerald)	1925	50 (1,8%)	31 (1,2%)
3. A Farewell to arms (Hemingway)	1929	16 (0,5%)	15 (0,6%)
4. Light in August (Faulkner)	1932	44 (1,6%)	18 (0,8%)
5. Tropic of Cancer (Miller)	1934	75 (2,6%)	46 (2%)
6. Grapes of Wrath (Steinbeck)	1939	61 (2%)	30 (1,2%)
7. You can't go home again (Wolfe)	1940	70 (2,5%)	35 (1,5%)
8. On the road (Kerouac)	1957	57 (2%)	33 (1,3%)
9. A Confederate General from Big Sur (Brautigam)	1964	95 (3%)	34 (1,5%)
10. Cider House Rule (Irving)	1985	57 (2%)	25 (1,2%)
11. The New-York Trilogy (Auster)	1986	56 (2%)	25 (1%)

Таблица 3

Частотность личных и притяжательность местоимений в русскоязычных произведениях

Произведение	Год создания	Русская оригинальная	
		ЛМ	ПМ
1. Хожение по мукам (Толстой)	1921—1941	63 (3%)	17 (0,8%)
2. Поединок (Куприн)	1921	81 (4%)	37 (2%)
3. Одесские рассказы (Бабель)	1923—1924	136 (6%)	54 (2,3%)
4. Тихий Дон (Шолохов)	1925—1932	73 (3,3%)	25 (1,1%)
5. Белая гвардия (Булгаков)	1925	49 (2%)	15 (0,6%)
6. Котлован (Платонов)	1930	77 (3,5%)	38 (2%)
7. Защита Лужина (Набоков)	1930	102 (5%)	29 (1,3%)
8. Как закалялась сталь (Островский)	1934	77 (3,5%)	25 (1,1%)
9. Доктор Живаго (Пастернак)	1945—1955	128 (5,6%)	27 (1,2%)
10. Молодая гвардия (Фадеев)	1946	104 (4,5%)	26 (1,1%)
11. Жизнь и судьба (Гроссман)	1950—1959	133 (6%)	25 (1,1%)
12. Живые и мертвые, ч.1 (Симонов)	1959	91 (4%)	37 (1,6%)
13. Любавины (Шукшин)	1965	96 (4%)	19 (0,8%)
14. В круге первом (Солженицын)	1968	66 (3%)	22 (1%)
15. Пикник на обочине (Стругацкие)	1972	139 (6%)	14 (0,6%)
16. Школа для дураков (Соколов)	1976	141 (6%)	31 (1,3%)
17. Пушкинский дом (Битов)	1977—1978	115 (5%)	30 (1,3%)
18. Заповедник (Довлатов)	1983	125 (6%)	24 (1,1%)
19. Дети Арбата (Рыбаков)	1987	112 (5%)	39 (2%)
20. Год великого перелома (Белов)	1989—1991	69 (3%)	13 (0,6%)
21. Алька (Абрамов)	1989	106 (4,5%)	30 (1,2%)
22. Трепанация черепа (Гандлевский)	1996	141 (6%)	23 (1%)

Из таблицы 3 видно, что частотность ЛМ (6%) и ПМ (2%) в оригинальных англоязычных текстах превышает их частотность в переводах (4,5% и 1%) соответственно, однако, чтобы убедиться в неслучайности полученных нами результатов, осуществим проверку статистической значимости при помощи простейших элементов теории вероятностей. Для этого воспользуемся параметрическим методом Стьюдента, который применяют для проверки гипотез о достоверности разницы средних значений в нескольких выборках [1. С. 52]. Применяем следующую формулу:

$$t = \frac{M_1 - M_2}{\sqrt{m_1^2 + m_2^2}},$$

где M_1 — средняя арифметическая первой сравниваемой группы; M_2 — средняя арифметическая второй сравниваемой группы; m_1 — средняя ошибка первой средней арифметической; m_2 — средняя ошибка второй средней арифметической.

Порядок наших подсчетов приведем на примере ЛМ.

Согласно выдвинутой нами гипотезе, в «хороших» переводах на русский язык количество ЛМ должно быть меньше, чем в английском оригинале, и коррелировать оно должно с тем же показателем в русскоязычных оригиналах.

$$M_1 = 192; M_2 = 136.$$

Вычисляем в обеих группах стандартное (квадратическое) отклонение:

$$\delta_1 = 68; \delta_2 = 33.$$

Следующий этап — вычисление стандартной ошибки среднего арифметического значения (m) по формуле

$$m = \frac{\delta}{\sqrt{n-1}}, \text{ когда } n < 30;$$

$$m_1 = 15; m_2 = 7;$$

$$t = \frac{192-136}{\sqrt{15^2 + 7^2}} = 3,39.$$

Чтобы верно интерпретировать полученное значение t -критерия, находим число степеней свободы f по формуле: $f = (n_1 + n_2) - 2$:

$$f = (22 + 22) - 2 = 42.$$

Далее в таблице t -критерия находим значение, соответствующее рассчитанной степени свободы при $p = 0,05$ (вероятность 5%). Получаем, что $t = 2,018$.

Так как полученный нами критерий больше табличного, принимаем величины как статистически значимые и считаем рабочую гипотезу подтвержденной.

По тому же принципу рассчитываем t -критерий для данных по ПМ.

$$t = \frac{60-31}{\sqrt{4,6^2 + 2,4^2}} = 5,8.$$

Поскольку $5,8 > 2,018$, наша гипотеза подтверждается.

Обратим внимание, что результаты анализа ЛМ и ПМ в «хороших» переводах и оригинальных русскоязычных текстах действительно довольно близки (4,5% и 1% против 4% и 1% соответственно).

Делая поправку на то, что мы сопоставляем разные тексты разных авторов, по методу Стьюдента подтверждаем также предположение, что в силу различного характера языков англоязычные авторы употребляют ЛМ и ПМ в своих произведениях чаще, русскоязычные ($t = 5,7 > 2,018$ и $t = 6,6 > 2,018$ соответственно).

Корреляционная оценка достоверности

Наконец, помимо такого критерия продуктивности, как частотность, прибежем к корреляционной оценке достоверности полученных данных. Для изучения силы связи между элементами рассматриваемых выборок построим графики корреляционной зависимости для англоязычных текстов и их переводов (ЛМ и ПМ) при среднем квадратичном отклонении S , коэффициенте вариации S/R_{cp} , который для доказательства наличия связи должен быть меньше 15, и коэффициенте корреляции r , который должен быть больше 0,7 [2. С. 60] (рис. 1, 2).

S = 17,84
S/R_{ср} (%) = 13,36 < 15
r = 0,87 > 0,7

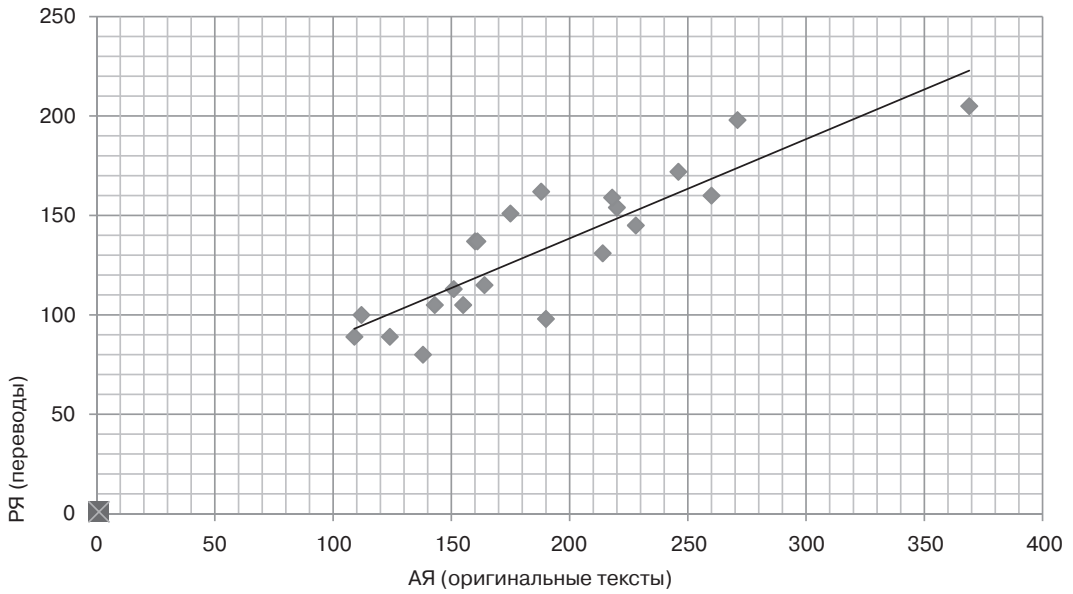

Рис. 1. Корреляционная связь ЛМ в оригинальных англоязычных текстах и их переводах (без сомнительных точек)

S = 4,28
S/R_{ср} (%) = 14,65 < 15
r = 0,73 > 0,7

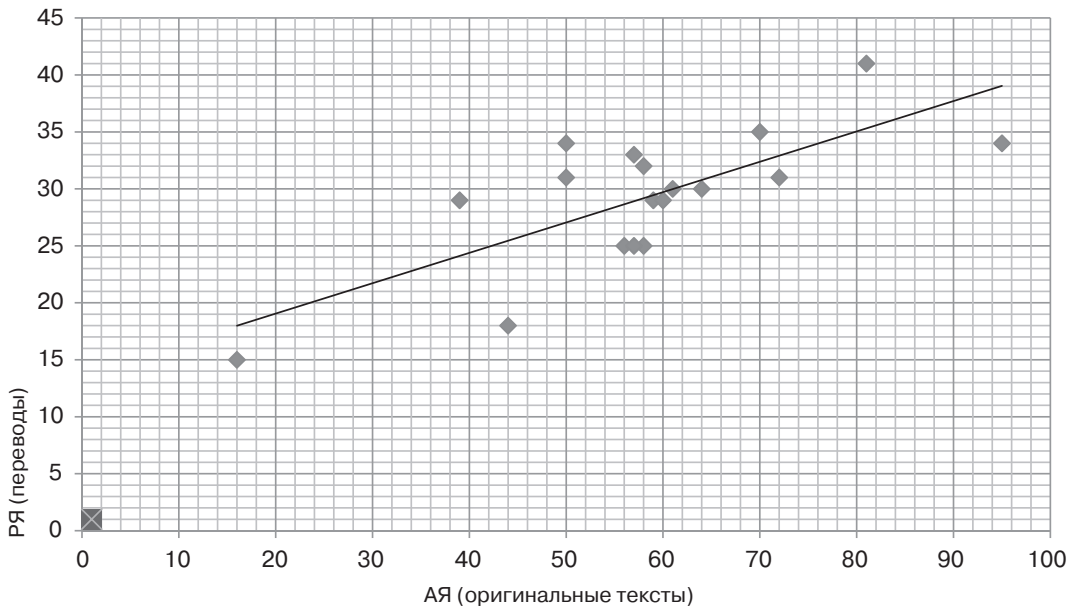

Рис. 2. Корреляционная связь ПМ в оригинальных англоязычных текстах и их переводах (без сомнительных точек)

Что вполне логично, связь между двумя величинами есть. По графику можно рассчитать примерное количество ЛМ и ПМ, соответствующее заданному количеству этих местоимений в английском. Тем не менее необходимо помнить, что это лишь общая тенденция, не принимающая во внимание уникальный авторский стиль и уникальные переводческие решения, специфика которых в полной мере не поддается статистическим прогнозам.

Заключение

Проведенный анализ подводит нас к следующему выводу: в добротных переводах англоязычных текстов художественной литературы ЛМ и ПМ меньше, чем в оригиналах, причем эти показатели коррелирует с количеством ЛМ и ПМ в русских оригинальных произведениях. Последнее представляется нам закономерным, если учесть, что при работе переводчики ориентируются на нормы, узус и структуру русского языка, стараясь создать у реципиентов перевода восприятие, близкое к восприятию ими произведений русской литературы. Однако наши наблюдения позволяют предположить, что переводы, на первый взгляд не совсем удачные, в плане частотности и функционирования ЛМ и ПМ будут коррелировать с русскими оригиналами в меньшей степени, чем «хорошие». Исходя из этого определим задачи для следующего этапа нашего исследования:

- установить критерии определения не вполне благополучных переводов;
- применив механизмы, описанные в данной статье, установить количественное соотношение ЛМ и ПМ в англоязычных оригиналах и их «неблагополучных» переводах;
- сопоставить полученные результаты с нашими выводами о частотности ЛМ и ПМ в «хороших» переводах.

Поставленные задачи лишней раз подчеркивают глубину предмета исследования и необходимость его дальнейшего изучения в рамках комплексного подхода.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Вентцель Е.С.* Теория вероятностей. 10-е изд., стер. М.: Академия, 2005. 576 с.
- [2] *Леонтьев Н.Л.* Техника статистических вычислений. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Лесная промышленность, 1966. 250 с.
- [3] *Ляшевская О.Н., Шаров С.А.* Частотный словарь современного русского языка (на материалах национального корпуса русского языка). Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Словари.ру, 2015. 1087 с.
- [4] *Серебрякова С.В.* Дистрибутивность семантики лексических параметров знака: дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2002. 285 с.
- [5] *Толгурова З.З.* Эксклюзивные значения личных местоимений в русском и английском языках: дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997. 203 с.
- [6] *Baker M.* Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead // H. Sommers (ed.) Festschrift for Juan Sager. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1996. 250 p.
- [7] *Steinfeldt E.* Russian Word Count. 2500 Words Most Commonly Used in Modern Literary Russian (Guide for Teachers of Russian) Progress Publishers. Moscow, 1965. 312 p.

Для цитирования: Туринова О.О. Общая частотная характеристика употребления личных и притяжательных местоимений в англо- и русскоязычной литературе // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 41—49.

IMPLICATION OF DIFFERENCES IN GENERAL FREQUENCY OF PERSONAL AND POSSESSIVE PRONOUNS IN RUSSIAN AND ENGLISH FICTION

O.O. Turinova

Moscow State Linguistic University
Ostozhenka str., 38, Moscow, Russia, 119034

The scientific relevance of the paper is justified by the lack of known research on frequency and functioning of the Russian and English personal and possessive pronouns in authentic and translated fiction (from English into Russian). The paper deliberates on the differences in frequency named pronouns, by conducting a statistical analysis of British and American fiction with its high-quality Russian translations, along with original Russian fiction of the same period. By means of quantitative and correlation dependency analyses, the author assumes that 'good' Russian translations contain fewer personal and possessive pronouns than their English originals, while the figure correlates with the pronoun rate in original texts by Russian authors. The paper concludes with corroborating the proposed hypothesis and setting goals for future research based on the achieved results, which will enable us to further examine frequency and functioning of the Russian and English personal and possessive pronouns and formulate recommendations for fiction translators, which might help them to avoid common mistakes and improve the overall quality of their translations.

Key words: translation theory and practice, personal pronouns, possessive pronouns, Russian, English, frequency, statistical frequency analysis

REFERENCES

- [1] Ventcel E.S. *Teorija verojatnostej*. Izd. 10, M.: Akademija, 2005. 576 s. [Ventcel E. Theory of relativities. Moscow: Academy Publ., 2005. 576 p.]
- [2] Leontjev N.L. *Tehnika statisticheskikh vychislenij*. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Lesnaja promyshlennost, 1966. 250 s. [Leontjev N. Statistical calculations techniques. Ed. 2, revised and enlarged edition. Moscow: Forestry Publ., 1966. 250 p.]
- [3] Ljashevskaja O.N., Sharov S.A. *Chastotnyj slovar sovremennogo russkogo jazyka (na materialah nacionalnogo korpusa russkogo jazyka)*. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.: Slovari.ru, 2015. 1087 s. [Ljashevskaja O., Sharov S. Frequency dictionary of contemporary Russian, based on Russian Language National Corpus data. Ed. 2, revised and enlarged edition. Moscow: Dictionaries.ru Ltd., 2015. 1087 p.]
- [4] Serebrjakova S.V. *Distributivnost semantiki leksicheskikh parametrov znaka*: Diss. dokt. filol. nauk. Krasnodar, 2002. 285 s. [Serebrjakova S. Distribution of sign lexical parameters semantics. Dr. philol. sci. Krasnodar, 2002. 285 p.]
- [5] Tolgurova Z.Z. *Jekskljuzivnye znachenija lichnyh mestoimenij v russkom i anglijskom jazykah*: Diss. kand. filol. nauk. M., 1997. 203 s. [Tolgurova Z. Exclusive semantics of Russian and English personal pronouns. PhD. phil. sci. Moscow: 1997. 203 p.]
- [6] Baker M. *Corpus-Based Translation Studies: The Challenges That Lie Ahead*. H. Sommers (ed.) Festschrift for Juan Sager. Amsterdam and Philadelphia: Benjamins, 1996. 250 p.
- [7] Steinfeldt E. *Russian Word Count. 2500 Words Most Commonly Used in Modern Literary Russian (Guide for Teachers of Russian)* Progress Publishers. Moscow, 1965. 312 p.

For citation: Turinova O.O. Obschaya chastotnaya harakteristika upotrebleniya lichnyh i prityzhatelnyh mestoimenij v anglo- i russkoyazychnoy literatureya perevoda [Implication of Differences in General Frequency of Personal and Possessive Pronouns in Russian and English Fiction]. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 41—49. (In Russian)

DEVELOPMENT OF LANGUAGES IN KAZAKHSTAN

**Shara Mazhitayeva¹, Akbota Akhmetova²,
Altnai Zhunusova², Saltanat Azhigenova²**

Karaganda State University named after E.A. Buketov
Mukanov str., 1, Karaganda, Kazakhstan, 100026

The language policy of Kazakhstan is aimed at creating conditions for the full development of the personality of a young person, providing guarantees in the sphere of education, labor, employment and social protection. Therefore a new generation of Kazakhstani should be trilingual, fluent in Kazakh, Russian and English.

Therefore, formation of trilingualism in the training of young professionals initiated by the President of the country and proclaimed one of the most important components of the state language policy was understood by Kazakh society.

However, in our opinion, some aspects of formation of trilingualism require more in-depth analysis and rational approach.

Key words: the language policy, the problem of trilingualism, the national language, ethnic constancy, ethnic difference, language levels

Introduction

The state language policy of Kazakhstan on the functioning and development of languages in the country is aimed at further development of important scientific directions. It contributes to the formation of various skills of professional communication, solution of the fundamental issues of the science of language as the primary means of human communication, as well as the problems of teaching and learning of languages and national cultures in Kazakhstan.

Kazakh (national) language becomes the unifying factor of multinational Kazakhstan. The Law “On languages in the Republic of Kazakhstan” [9. P. 30] noted that the “national” and all the other languages in the Republic of Kazakhstan are under state protection. Government agencies create the necessary conditions for functioning and development of these languages”.

An experiment in multilingual education on the students of non-linguistic faculties was put into practice on the basis of Karaganda State University named after academician Y.A. Buketov in 2008. The concept of multilingual education has been focused on in-depth study of the national Kazakh, international Russian language and English as the language of international communication. Particular attention is paid to professionally oriented language training in order to prepare professionals who are fluent in three languages, which corresponds to the Law “On languages in the Republic of Kazakhstan” [6. P. 8—9], and will undoubtedly increase the competitiveness of specialists.

A search method, method of literature and statistics data systematization and analysis, descriptive method can be regarded as the primary methods of analysis and presentation of final research results.

Language situation in Kazakhstan society

Case study on Russian language proficiency in its literary and non-literary forms of existence shows that 96.2% of all Kazakhstan respondents speak Russian, i.e. can speak and read, or speak, read and write. Among the Kazakhs, those who are able to speak, read and write in Russian is nearly 77.8%. If you attach to this category 9.2% of the Kazakhs fluent in speaking and reading, but having problems with writing, as well as the 6.8% who can express themselves, it is possible to conclude that 93.8% of Kazakhs know Russian language. When using the media and literature the entire population of the Republic is dominated by Russian, and Kazakh-Russian bilingualism prevail for Kazakhs [1. P. 11].

Russian language is the native language of ethnic Russian in the Republic of Kazakhstan functions at full capacity. It has the largest number of speakers in the country (this includes people who speak Russian as a second language), has a developed structure and broad functional area of consumption. Its main functions are: 1) the function of political integration; 2) the function of the language of management; 3) regulatory function; 4) the function of storage and retrieval of scientific and technical information; 5) the function of multi-ethnic inclusiveness; 6) the function of language of industrial service lines [8. P. 11–12].

Russian language in the Republic of Kazakhstan is polyfunctional. It is the dominant means of relations in all spheres of public life.

Modern educational paradigm has demanded intertwined language learning through the lens of culture from specialists within linguistic and didactic aspect, which can be interpreted as the acquisition of language through the study of culture of native people of the target language. Consequently, core competencies that teachers' methodological tools rely on in groups of multilingual education are professional, communicative, linguistic and cross-cultural.

Necessity for the formation of professional competence of students of experimental groups demanded solid preparation of educational and methodical base. Since the linguistic identity of the trilingual specialist is focused primarily on successful communication in business, normative framework has been developed and academic base of training [5; 11; 12; 13] has been provided by teachers for this purpose: adjustment of curricula, the development of standard programs in accordance with the language level certification training, teaching materials for the level based training of students (variative levels of A1, A2, the main — B1, B2, advanced — C1), multimedia presentation material, electronic textbooks, trilingual Kazakh-Russian-English, English-Russian-Kazakh terminological dictionaries on branch-wise knowledge, conversation books, etc. are published. Academic basis of the linguistic material in the initial training courses is intended to ensure preparation for the perception of specialization subjects in three languages.

Questions of functioning of languages of Kazakhstan are reflected in the State program of development and functioning of languages in which along with the development of the state language “Development of linguistic capital of Kazakhstani people” is considered, involving the organization of system work on preserving the functioning of the Russian language in communicative language space of Kazakhstan, creation of favorable conditions for the study, preservation and development of languages of ethnic groups living in

Kazakhstan, as well as assisting in the study of English and other foreign languages as the means of international business communication. Such work takes place in three stages: stage 1 between 2011—2013 — improvement of the normative, legal and methodological basis for further functioning and development of languages; stage 2 between 2014—2016 — implementation of a set of practical measures for the introduction of new technologies and methods in the field of studying and use of the national language and the preservation of linguistic diversity; stage 3 between 2017—2020 — consolidation of results through systematic monitoring of the degree of relevance of the national language in all spheres of public life, the quality of its proper application and the level of proficiency with further preservation of the positions of other languages [2. P. 8].

According to State Compulsory Educational Standard of the Republic of Kazakhstan, the main purpose of teaching a foreign language is to teach the basic level of foreign languages, as under market conditions knowledge of foreign language is necessary, including knowledge of the English language. “Young graduates of higher educational institutions with the knowledge of English should become the professionals in demand in every corner of the globe and be able to provide successful development and well-being for Kazakhstan in the XXI century” [7. P. 1713].

English in the minds of the younger generation is associated with the possibility of receiving a prestigious education abroad, working in foreign companies, easily navigating in a foreign reality and feeling oneself comfortable in any company of people from other countries during the tourist trips and business trips abroad, getting new information from English language sources (literature, mass media, the Internet). And these factors are the motive for young people to seriously engage and deeply study English. Therefore, the danger of Anglification of parts of young people, especially urban is quite real. This is facilitated by a well developed, globally tested method of teaching English to all age groups, beautiful, well-illustrated books, a huge number of audio-visual aids and etc. That is why we consider it necessary to identify specific areas of functioning of English in Kazakhstan.

Within the framework of the State Program of functioning of languages in the Republic of Kazakhstan it is necessary to develop a set of measures facilitating the implementation of the main provisions of the Program in the next decade in order to create and improve polylingual environment that is able to meet all the growing needs of the individual and society in a globalized world community.

In the era of the information society and domination of knowledge, the world can no longer operate as separate, unrelated parts. Currently, all the peoples and cultures of the world have become much closer to each other and are in need of full communion.

The problem of a bilingualism and multilingualism has been studied for a long time in foreign linguistics. Literature review of the article of P.F.P., Toassi & M.B., Mota [10. P. 393] and many others researchers proves that.

The first issue we want to emphasize, is the term of introduction of the second, the third languages in the education system, namely, what is the best age to start teaching second/ third language? According to professor Z.K. Akhmetzhanova [2. P. 8] language currently observed imbalance in teaching foreign languages when a child begins to learn English language almost from kindergarten, and in many schools from 1-2 grades is considered a dangerous phenomenon. Currently parents are concerned about the fact

that on the 2-3 year of teaching children try to speak more in English than in their native. Knowledge of two or more languages is emphasized as a progressive phenomenon, it facilitates accelerated intellectual development, forms flexibility of thinking. At the same time bilingualism and trilingualism are complex phenomena which should be thoroughly understood, especially when we talk not only about the intellectual development of bi- and tri-lingual personality, but also about the issues of his/her ethno-psychological and ethno-cultural development as a representative of a particular ethnic group.

One of the prominent Kazakh sociolinguistic scholars Bahytzhan Khasanuly [4. P. 356—357] writes about the consequences of the reverse phenomenon: “Trilingualism originated on the basis of mother tongue and developed in combination with other languages is a phenomenon that is always progressive. Trilingualism that originated on the basis of the widespread non-native language ... is regressive and temporary phenomenon, and in the end, it will lead to “glottophagy”, the absorption of one language by others, to the alienation of the native language. Unilateral bilingualism becomes a springboard to monolingualism”.

Alexander Bitis says of multilingual Education in Kazakhstan: “As for the trilingual policy it makes perfect sense to me as a concept.

I am tempted to say that Kazakhstan is linguistically the ‘Switzerland of Asia’ but this would be incorrect. It does not have three languages for three ethnic groups — it has one language for national identity, one for the region and one for globalization.

Kazakhstan’s trilingualism can also serve as a model for other post-Soviet states. It would be however unfair for me to give a conclusion on the actual progress of the trilingual project during such a short stay. My impression was that Russian is thriving, at least in the two capitals, and that the general knowledge of English is at least acceptable amongst the younger generation.

The only thing I know for sure is that the overall practical ramifications of a trilingual policy are both vast and hugely challenging. I sense that during my time in Kazakhstan I was able to glimpse only the tip of a large linguistic iceberg” [3].

Conclusion

The problem of multilingualism is developed in Kazakhstan for the last two decades due to the prevalence of two, three, four and five languages in modern society that has great importance for the theory of language contacts and for solving many tasks of applied character. Kazakh language, being the national language of the Republic of Kazakhstan, performs the most important functions in the state and public life. Russian remains as the lingua franca for the people of our Republic, English is the most prestigious and common language, and has global significance.

Policy of trilingual competitive personality’s formation is pursued on the state level as normative. Since 2011 subjects as “Professional Kazakh (Russian) language” and “Professional foreign language” have been introduced into standard curricula of undergraduate studies in accordance with State Compulsory Educational Standard.

The process of introducing a new model at the E.A. Buketov Karaganda SU was preceded by extensive preparatory work. First of all, it is teachers’ acquisition of the methods of level model of teaching foreign languages through participation in methodical

seminars, qualification upgrading courses, at workshops organized by DAAD, French Embassy, US Embassy in Kazakhstan.

Nowadays, training of specialists in three languages is carried out not only in the undergraduate studies, but in Master's programme as well. Subjects of the curriculum are conducted in three languages.

REFERENCES

- [1] *Abisheva K.M.* Socio-linguistic contactology. Almaty: Gylym, 2001. 426 p.
- [2] *Ahmetzhanova Z.K.* On some aspects of trilingualism. Threeunity of Languages: problems and prospects. The materials of the Republican scientific-practical conference devoted to the 20-th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. Karaganda, 2011. P. 7—10.
- [3] *Bitis A.* Musings from Kazakhstan: the Trilingual Policy. http://aitmatov-academy.org.uk/events/multilingual_education_in_kazakhstan.html
- [4] *Khasanuly B.* Languages of the peoples of Kazakhstan: from silence to the development strategy (socio-psycholinguistic aspects). Almaty: Arda, 2007. Pp. 356—357.
- [5] *Kubeyev Y., Zhetpisbayeva B. & etc.* The concept of multilingual education. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2008. 38 p.
- [6] Law of the republic of Kazakhstan. On languages in the Republic of Kazakhstan (as of the legislation on March 13, 2000). Astana: IKF «Foliant», 2000. P. 8—9.
- [7] *Mazhitaeva Sh., Balmagambetova J. & Khan N.* Competence in multilingual Education. European Researcher. Vol. 31. № 10-1. P. 1713—1716.
- [8] *Shayakhmetova A.* Formation of polylingual educational environment within the higher educational system. Threeunity of Languages: problems and prospects. The materials of the Republican scientific-practical conference devoted to the 20-th anniversary of Independence of Republic of Kazakhstan. Karaganda, 2011. P. 10—12.
- [9] State Program of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2011—2020. Astana, 2011.
- [10] *Toassi P.F.P. & Mota M.B.* Lexical access of bilinguals and multilinguals. Acta Scientiarum. Language and Culture. 2015. Vol. 37. № 4. P. 393—404.
- [11] *Zhetpisbayeva B., Khan N. & etc.* The standard program in basic Russian language for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2010. 57 p.
- [12] *Zhetpisbayeva B., Aitpayeva B. & etc.* The standard program in basic Kazakh language for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2010. 59 p.
- [13] *Zhetpisbayeva B., Asanova D. and etc.* The standard program in basic English for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of KarSU, 2010. 57 p.

РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ В КАЗАХСТАНЕ

Мажитаева Шара¹, Жунусова Алтнай², Ажигенова Салтанат², Ахметова Акбота²

Карагандинский госуниверситет им. Е.А. Букетова
ул. Муканова, 1, корпус 8, Караганда, Казахстан, 100026

Языковая политика Казахстана направлена на создание условий для полноценного развития личности молодого человека, обеспечения гарантии в сфере образования, труда, занятости, социальной защиты, и потому новое поколение казахстанцев должно быть трехязычным, свободно владеть казахским, русским и английским языками.

Поэтому инициированное президентом страны и провозглашенное одним из значимых компонентов государственной языковой политики формирование трехязычия в сфере подготовки молодых специалистов было встречено казахстанским обществом с пониманием.

Однако, на наш взгляд, некоторые аспекты формирования трехязычия требуют более глубокого анализа и рационального подхода.

Ключевые слова: языковая политика, проблема трехязычия, государственный язык, этническая константность, этническая особенность

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Abisheva K.M.* Socio-linguistic contactology. Almaty: Gylm, 2001. 426 p. [Абишева К.М. Социо-лингвистическая контактология. Алматы: Галым, 2001. 426 с.]
- [2] *Ahmetzhanova Z.K.* On some aspects of trilingualism. Threeunity of Languages: problems and prospects. The materials of the Republican scientific-practical conference devoted to the 20-th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan. Karaganda, 2011. P. 7—10. [Ахметжанова З.К. О некоторых аспектах транслингвизма // Триязычие: проблемы и перспективы. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 2011. С. 7—10.]
- [3] *Bitis A.* Musings from Kazakhstan: the Trilingual Policy. http://aitmatov-academy.org.uk/events/multilingual_education_in_kazakhstan.html
- [4] *Khasanuly B.* Languages of the peoples of Kazakhstan: from silence to the development strategy (socio-psycholinguistic aspects). Almaty: Arda, 2007. Pp. 356—357. [Хасанулы Б. Языки и народы Казахстана. От молчания к стратегии развития (социо-лингвистические аспекты). Алматы: Арда, 2007. С. 356—357].
- [5] *Kubeyev Y., Zhetpisbayeva B. & etc.* The concept of multilingual education. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2008. 38 p. [Кубеев Ю., Жетпызбаева Б. Концепция мультилингвального образования. Караганда: Издательство Карагандинского ун-та, 2008. 38 с.]
- [6] Law of the republic of Kazakhstan. On languages in the Republic of Kazakhstan (as of the legislation on March 13, 2000). Astana: IKF «Foliant», 2000. P. 8—9. [Законодательство Республики Казахстан. О языках Республики Казахстан. Астана: Фолиант, 2000. С. 8—9.]
- [7] *Mazhitaeva Sh., Balmagambetova J. & Khan N.* Competence in multilingual Education. European Researcher. Vol. 31. № 10-1. P. 1713—1716.
- [8] *Shayakhmetova A.* Formation of polylingual educational environment within the higher educational system. Threeunity of Languages: problems and prospects. The materials of the Republican scientific-practical conference devoted to the 20-th anniversary of Independence of Republic of Kazakhstan. Karaganda, 2011. P. 10—12. [Шаяхметова А. Формирование полилингвальной образовательной среды в системе высшего образования // Триязычие: проблемы и перспективы. Материалы республиканской научно-практической конференции, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан. Караганда, 2011. С. 10—12.]
- [9] State Program of Education Development in the Republic of Kazakhstan for 2011—2020. Astana, 2011. [Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011—2020 годы. Астана, 2011.]
- [10] *Toassi P.F.P. & Mota M.B.* Lexical access of bilinguals and multilinguals. Acta Scientiarum. Language and Culture. 2015. Vol. 37. № 4. P. 393—404.
- [11] *Zhetpisbayeva B., Khan, N. & etc.* The standard program in basic Russian language for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2010. 57 p. [Жетпызбаева Б., Хан Т. Типовая программа базового русского языка для неязыковых специальностей. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2010. 57 с.]
- [12] *Zhetpisbayeva B., Aitpayeva B. & etc.* The standard program in basic Kazakh language for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of Karaganda SU, 2010. 59 p. [Жетпызбаева Б., Айтпайева Б. & etc. Типовая программа базового казахского языка для неязыковых специальностей. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2010. 59 с.]

ва Б., Айтпаева Т. Типовая программа базового казахского языка для неязыковых специальностей. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2010. 59 с.]

- [13] Zhetpisbayeva B., Asanova D. and etc. The standard program in basic English for non-language specialties. Karaganda: Publishing house of KarSU, 2010. 57 p. [Жетпызбаева Б., Асанова Д. Типовая программа базового английского языка для неязыковых специальностей. Караганда: Изд-во Карагандинского ун-та, 2010. 57 с.]

For citation: Mazhitayeva Sh., Akhmetova A., Zhunusova A., Azhigenova S. On development of Languages in Kazakhstan. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 50—56. (In English)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

ЭКВИВАЛЕНТНЫЕ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ НАЗВАНИЯ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ В КАЗАХСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.М. Омашева

Карагандинский государственный медицинский университет
ул. Гоголя, 40, Караганда, Казахстан, 1000008

Статья посвящена сопоставительному изучению названий лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках. Цель работы — установление основных способов передачи и сохранения смыслов при переключении межъязыковых кодов. Результат: проанализированы способы передачи в казахском языке эквивалентных и безэквивалентных наименований — транслитерация и калькирование (полное и частичное). Выявлены культурно-специфические мотивы безэквивалентных номинаций.

Ключевые слова: названия лекарственных травянистых растений, безэквивалентная лексика, безэквивалентная лексика, реалии, лакуна, культура

Введение

Наименования реалий, отражающих особенности природно-географической среды, культуры, быта, нравов, обычаев, традиций, связанных с народными поверьями, фольклором, мифологией, в любом языке входят в его основной словарный состав. При всей общности условий в жизни каждого народа есть свои собственные только ему реалии культуры и быта, которым в иной культуре (и понятийной системе) соответствуют полные или частичные пробелы (Г.Д. Томахин, М.В. Никитин, Г.В. Колшанский, С.Г. Тер-Минасова). В.Н. Манакин писал: «Описание языковых картин мира в аспектах контрастивной лексикологии и семасиологии — это осознание самих себя, своих языков, своего видения мира не в меньшей, а быть может в большей мере, чем знакомство с другими культурами» [4. С. 18].

Культурно-специфичные слова, по мнению А. Вежбицкой, являются понятийными орудиями, отражающими прошлый опыт нации относительно действий и размышлений о различных вещах определенными способами; они способствуют увековечиванию этих способов. Проявление несовпадения или отсутствия реалий в другой культурной среде описывается с помощью понятия «лакуна».

Одной из важнейших задач сопоставительной лексикологии является исследование путей и способов передачи полных и частичных лакун в другом языке. Для обозначения наименований, отражающих национальные особенности культуры народа — носителя конкретного языка — разработан ряд терминов: «безэквивалентная, неполно-эквивалентная лексика» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов), «реалии» (Г.Д. Томахин, В.В. Ощепкова, С. Влахов, С. Флорин), «лакуны» (В.А. Муравьев, Ю.А. Сорокин), «фоновая лексика» (Г.Д. Томахин, Ю.А. Воробьев, В.В. Ощепкова), «национальные словесные образы» (В.В. Ощепкова), «экзотическая лексика» (В.П. Берков), «культуремы» (В.В. Воробьев). Семантический аспект этих наименований рассматривается исследователями как область соприкосновения языка и культуры. В.В. Ощепкова пишет о том, что «лексические единицы (безэквивалентная, коннотативная, фоновая лексика и ключевые слова), являясь образными наименованиями, представляют собой “лингвокультуремы”, концентрированно выражающие особенности семантики языка и требующие для своего распрямления сочетания лингвострановедческих знаний, “фоновых знаний”. Подобную лексику принято называть безэквивалентной лексикой. К безэквивалентной лексике относят денотативные реалии, не имеющие словарных соответствий в других языках либо из-за отсутствия в общественной практике данной социокультурной общности соответствующих реалий, либо из-за отсутствия лексических единиц, обозначающих эти реалии. Такая лексика или заимствуется, или переводится описательно» [5. С. 95].

Систематическое исследование национально-культурного аспекта лексического значения было представлено в лингвострановедческой теории слова, разработанной Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым на материале русского языка, продолженной затем в трудах Г.Д. Томахи на материале английского языка.

Г.В. Колшанский, описывая виды языковых соответствий и несоответствий, вызванных отсутствием эквивалента, выделяет восемь разных групп безэквивалентной лексики в зависимости от конкретных причин, определяющих их безэквивалентность:

- отсутствие отдельных языковых единиц для именованного того или иного явления;
- различия во внутренней этимологии, влияющие на характер восприятия самого объекта и возникающие отсюда концептуальные особенности семантики;
- несовпадение семантики языковых единиц в области перечисления особенностей и обозначения общего признака в различных подъязыках (например, сельскохозяйственная лексика);
- различия в номинации явления, указывающие на принципиально иной выбор соответствующих признаков для формирования семантики единиц (например, система единиц);
- концептуально значимое разбиение по классам, влияющее на описание соответствующих объектов (морфологические классы, семантические классы, объединение слов по принципу «пол», «цвет» и т.д.);
- грамматические особенности, обусловленные своим набором категорий (вид, время, модальность и т.д.), представленные в каждой языковой системе;

— стилевые особенности языка, дифференцирующие разные жанры (сферы) общения (формы вежливости, мужской и женский языки, речевой этикет, терминология, подязыки);

— семантические коннотации, зависящие от сложившихся традиций и особенностей жизни общества и фиксирующие в сознании людей соответствующую объективную структуру общественных отношений и особенности индивидуального воспитания (культурно-эстетические ассоциации, индивидуальные образные ассоциации и т.д.)» [3. С. 81].

В зависимости от формального соотношения безэквивалентной единицы и ее соответствия в другом языке выделяют универбы, т.е. однокорневые наименования, не имеющие эквивалента в виде лексемы в другом языке, и перифразы, т.е. соответствующие им описательные наименования. Под перифразом понимается сочетание двух и более лексем, характеризующееся функцией замены слова, синонимичностью по отношению к заменяемому слову, номинативным характером, отсутствием образности, переносного значения [1. С. 81].

А.О. Иванов различает такие типы безэквивалентности, как референциальную, если отсутствие соответствия в лексике другого языка касается денотативного плана лексического значения единицы; прагматическую, когда безэквивалентность касается прагматических типов значения. В зависимости от этих типов он выделяет следующие группы безэквивалентной лексики:

— референциально-безэквивалентная лексика: реалии; термины; фразеологизмы; индивидуальные авторские неологизмы; семантические (понятийные) лакуны; слова широкой семантики, употребленные в тексте в своем самом широком значении; сложные слова различных типов, значения которых могут быть переданы на языке перевода только описательным путем или различными трансформациями;

— прагматически-безэквивалентная лексика, включающая в себя: отклонения от общезыковой нормы языка, включая как территориальные, так и социальные диалекты; иноязычные вкрапления; аббревиатуры, прагматика которых не всегда вписывается в структуру значения соответствия в языке перевода; слова с суффиксами субъективной оценки; междометия; звукоподражания; ассоциативные лакуны;

— альтернативно-безэквивалентная лексика, состоящая из следующих групп: имена собственные (антропонимы, топонимы, фирменные названия, названия книг, фильмов и т.д.), реалии и фразеологизмы, специфика которых заключается в том, что, в зависимости от избранного способа передачи в языке, их безэквивалентность будет либо референциальной, либо прагматической [2. С. 75].

Способы передачи эквивалентной и безэквивалентной лексики в казахском языке

Задачей нашей статьи является исследование способов передачи в казахском языке наименований лекарственных травянистых растений (НЛТР) русского языка, которые относятся к эквивалентной и безэквивалентной лексике, в частности к референциально-безэквивалентной лексике. В ходе сплошной выборки из биологических и энциклопедических словарей, специальной медицинской литера-

туры научного и научно-популярного характера нами были отобрано 82 казахских наименования лекарственных травянистых растений и соотносительных с ними русских наименований.

Часть лексических единиц в исследуемой нами группе представляет собой слова с латино-греческой основой, которые передаются путем транслитерации: *Ammi* — амми — амми; *Rauwolfia* — раувольфия — раувольфия; *Ruta* — рута — рута. Как мы видим, они все имеют близкие или тождественные звуковые оболочки, восходящие к греческому или латинскому наименованию. Эту подгруппу наименований лекарственных трав можно отнести к эквивалентной лексике, имеющей сходные обозначения в казахском и русском языках в силу того, что они восходят к общим греческим или латинским словам, которые являются основой научной терминологии, например, в ботанике. Путем транслитерации передаются как односоставные, так и составные НЛТР, где видовой эпитет указывает на наличие топонимов или антропонимов: *Glycyrrhiza Korshinsleyi* — солодка Коржинского — Коржинский мясы; *Polygala sibirica* — истод сибирский — сибір полигаласы (мекеті); *Althaea armeniaca* — алтей армянский — армян жалбызтікені. Как показывает проанализированный материал, указанный способ характерен для эквивалентных научных НЛТР. В количественном отношении путем транслитерации переданы 9 слов из 82, что составляет 11% от общего количества анализируемых НЛТР. В отдельных случаях мы отметили одновременное использование как эквивалентных, так и безэквивалентных наименований, т.е. использования народных названий наряду с научными терминами: *arachis* — арахис — жержанғақ (жер жаңғақы).

Для передачи безэквивалентных НЛТР в казахском языке также широко используется калькирование. Казахские НЛТР, образованные таким способом, подразделяются на полные или частичные кальки. При полном калькировании НЛТР образуется в результате перевода на казахский язык отдельных значащих частей русского языка, например: *грудница* — төскей (төс «грудь» + кей «-ница»), *черно-корень* — қаратамыр (қара «черный» + тамыр «корень»). Неполные кальки (полукальки) возникают в том случае, когда отдельные части слова не переводятся на казахский язык. Так, суффиксы русского языка -ик(а), -анк(а)/-янк(а), -овк(а), -ник, -овник, -ниц (а), -к(а), -ак/-як, -юх(а), -ец и др. передаются словом *шөп* (травя), *гүл* (цветок), *от* (травя), например: *морозник* — қысшөп (қыс «зима» + шөп «травя»), *мыльнянка* — сабыншөп (сабын «мыло» + шөп «травя»), *орляк* — қыранот (қыран «орел» + от «травя»), *синюха* — көкшегүл (көкше «синеватый» + гүл «цветок»), *душица* — жұпаргүл (жұпар «душистый» + гүл «цветок»). НЛТР, построенные в русском языке по типу корень + корень + ник, на казахский язык передаются конструкцией корень + корень. Например, *змееголовник* — жыланбас (жылан «змея» + бас «голова»), *былокопытник* — ақбақай (ақ «белый» + бақай «надкопытная косточка у парнокопытных»). Все рассмотренные нами кальки и полукальки являются универбами.

Калькирование относится к основным способам передачи безэквивалентных НЛТР в казахском языке (18 наименований) и составляет 22% от общего числа анализируемых нами лексических единиц, обозначающих лекарственные травы.

Процесс калькирования наблюдается и при передаче греко-латинских наименований на русском языке. Например, *atropa belladonna* — *белладонна* — *итжи-дек*. Видовое понятие в дословном переводе означает «красавка» от итальянского «bella» — красивая, «donna» — женщина. Это связано с тем, что в Древнем Риме красавка была распространенным косметическим средством. Соком из ее ягод румянили щеки, а также закапывали сок в глаза, отчего зрачки расширялись, что придавало женщинам неотразимость. Как видно из примера, культурно значимая информация воплощена в денотативном аспекте значения.

В народной этимологии отражается семантическая мотивировка этимологически изолированного, непрозрачного слова на основе его сближения с близкими по звучанию словами, что внешне может выражаться в его звуковой или семантической модификации. Например, слово *пижма* древнегерманского происхождения, вошедшее в русский через язык-посредник — польский. Русское название — *дикая рябинка, пуговочник*. На казахский язык переводится универбом *түймешетен*, мотивирующей основой которого также выступает слово *түйме* (пуговица). Названия *аир, цикорий, фасоль, ревен, сельдерей, кермек, кунжут, сабур, калган, бадан* также относятся к заимствованиям из польского, немецкого, турецкого, персидского и тюркского языков. К примеру, наименование *ревен* встречается с XV в., от турецкого *ravent* — ревен, восходит к персидскому *ravend* [9. С. 386]. Слово *цикорий* заимствовано в XVIII в. из польского языка. Польское *sukoria* — цикорий из латинского языка [9. С. 518]. «Сельдерей заимствовано в XVIII веке из немецкого *sellerie*, восходящее к латинскому *selinum*» [9. С. 405].

Анализ этимологических словарей под ред. Н.М. Шанского, М. Фасмера, Р.Г. Ахметьянова показал, что некоторые НЛТР этимологически восходят к индоиранским языкам. К примеру, слово *дурман* пришло в русский язык через тюркский (каз. *дәрі* «лекарство», башк. *турман* «лекарство для лошадей», татар. *дарман, дәрмен*, чув. *тарман* «способ, средство, сила, мочь, «лекарство», турец. *derman* «лекарство» происходит от перс., инд. *darman* «лекарство» [8. С. 555]. В русском языке это слово получило более широкое значение «нечто одуряющее», так как все части растения ядовиты и могут вызвать сильное возбуждение, галлюцинации. К древнейшим заимствованиям относятся и парсизмы, среди которых мы отметили следующие слова: *бадьян* (бадйан), *ревен* (риванд), *шафран* (зафаран), *кунжут* (конджед). Наличие в тюркизмах-фитонимах слов индийского и персидского происхождения, вероятно, свидетельствует о том, что процесс взаимообмена лексикой был обусловлен интенсивными этнолингвистическими взаимосвязями в период массового передвижения тюркских племен и племенных объединений в ирано- и арабоязычную среду, начиная с V—VI вв., что способствовало продвижению тюрков в Византию, Хорезм, Поволжье, Кавказ и Крым и развитию торговли с народностями и племенами, проживающими там.

Анализ внутренней формы некоторых НЛТР позволил выявить наличие культурной информации, отражающей мифологические представления, народные поверья и легенды, исторические факты, обычаи и традиции. К примеру, название травы «прострел» по древним поверьям возникло оттого, что один из ангелов прострелил это растение насквозь громовой стрелой, когда в этом цветке нашла себе прибежище нечистая сила. С тех пор бесы боятся прострела. В научном на-

звании «вероника лекарственная» имеется указание на имя собственное Вероника, буквально означающее «несущая победу». Согласно христианской легенде, когда Христос нес свой крест на Голгофу, набожная Вероника отерла пот с его лица и на льняном платке чудесным образом запечатлелось изображение Спасителя. Что касается казахского эквивалента, то мотивом номинации выступают другие признаки, например, существующая в казахском языковом сознании функциональная связь растения с животным или птицей. См., например: *құндызшөп* «прострел» — (кұндыз «бобер» + шөп «трава»), *дәрілік бәденешөп* «вероника лекарственная» — (бәдене «перепелка» + шөп «трава»), т.е. трава, используемая в качестве корма бобрами или перепелками. З.К. Темиргазина относит подобные номинации к безэквивалентным единицам, «обладающим денотативно-референтной соотнесенностью в другой культуре, т.е. называющим явления, понятия, бытующие и в другом национально-культурном континууме, но имеющим специфически национальный языковой способ репрезентации» [6. С. 40].

Объективацией русского народного культурно-языкового сознания следует считать и названия *василек, иван-чай, марьянник дубравный, анютины глазки, плакун-трава, чертополох, петров крест, кузьмичева трава, богородская трава* и др. В некоторых наименованиях лекарственных растений мы также находим актуализацию фрагментов архаической ментальности древних греков, например: *адонис весенний*. «Древние греки создали миф о прекрасном юноше Адонисе, сыне царя Кипра. Его любила вечно юная златокудрая Афродита, богиня любви, дочь Зевса. Она охотилась с ним на оленей и кротких ланей, но избегала свирепых зверей и просила Адониса остерегаться их в ее отсутствие. Но легкомысленный юноша, увлеченный охотой, погнался за диким кабаном. Адонис не успел пронзить кабана копьем, разъяренный зверь бросился на охотника и смертельно ранил его клыками. Горько плакала Афродита над телом любимого юноши и в память о нем вырастила из его крови прекрасный цветок (Адонис весенний), распускающийся каждую весну» [7. С. 9].

Заключение

Итак, как показало исследование, основным способом передачи эквивалентных наименований лекарственных трав в казахском языке является транслитерация (11%), что объясняется единообразием научно-терминологической лексики, базой которой выступают латинские и греческие слова. Безэквивалентные наименования передаются главным образом путем калькирования — полного или частичного (21%), которое в силу разноструктурности русского и казахского языков имеет определенную специфику.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахметжанова З.К., Валиханова Р.Е.* Сопоставительно-функциональное исследование лексико-фразеологических систем казахского и русского языков. Алматы, 1999. 183 с.
- [2] *Иванов А.О.* Безэквивалентная лексика. СПб.: Типография издательства СПбГУ, 2006. 200 с.
- [3] *Кошанский Г.В.* Объективная картина мира в познании и в языке. М.: Наука, 1990. 245 с.

- [4] *Манакин В.Н.* Языковые картины мира в перспективах контрастивной лингвистики // *Язык и культура: Материалы II Международной конференции.* Киев, 1994. С. 74—77.
- [5] *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. М.; СПб.: Глосса КАРО, 2004. 336 с.
- [6] *Темиргазина З.К.* Современные теории в отечественной и зарубежной лингвистике. Павлодар: ПГПИ, 2009. 135 с.
- [7] *Ушбаев К.У.* Целебные травы. Алматы: Қайнар, 1975. 200 с.
- [8] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1973. Т. 4. 852 с.
- [9] *Шанский Н.М., Иванов В.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. М.: Просвещение, 1975. 543 с.

Для цитирования: Омашева Ж.М. Эквивалентные и безэквивалентные названия лекарственных травянистых растений в казахском и русском языках // *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность.* 2016. № 4. С. 57—64.

EQUIVALENT AND NON-EQUIVALENT NAMES OF MEDICAL HERBAL PLANTS IN KAZAKH AND RUSSIAN LANGUAGES

Zhanar M. Omasheva

Karaganda State Medical University
Gogol str., 40, Karaganda, Kazakhstan, 1000008

The article is devoted to a comparative study of medical herbal plants names in the Kazakh and Russian languages.

Our purpose — to establish the main modes of transmission and conservation of meanings in case of switching interlanguage codes. The result: the ways of transformation of equivalent and non-equivalent names in the Kazakh language — transliteration and calquing (full and partial) have been analyzed. The author reveals cultural and specific grounds of non-equivalent names.

Key words: medical herbal plants names, non-equivalent vocabulary, realia, lexical gap, culture

REFERENCES

- [1] *Ahmetzhanova Z.K., Valihanova R.E.* Sopotavitel'no-funkcional'noe issledovanie leksiko-frazeologicheskikh sistem kazahskogo i russkogo yazykov. Almaty, 1999. 183 s. [*Ahmetzhanova Z., Valihanova R.* Comparative and functional study of lexical and phraseological systems of the Kazakh and Russian languages. Almaty, 1999. 183 p.]
- [2] *Ivanov A.O.* Bezhkvivalentnaya leksika. SPb.: Tipografiya izdatel'stva SPbGU, 2006. 200 s. [*Ivanov I.* Non-equivalent lexics. Saint Petersburg State University Press, 2006. 22 p.]
- [3] *Kolshanskij G.V.* Ob'ektivnaya kartina mira v poznanii i v yazyke. M.: Nauka, 1990. 245 s. [*Kolshanskij G.* An objective picture of the world in knowledge and language. Moscow: Science, 1990. 245 p.]
- [4] *Manakin V.N.* Yazykovye kartiny mira v perspektivah kontrastivnoj lingvistiki. Yazyk i kul'tura: Materialy II mezhdunarodnoj konferencii. Kiev, 1994. S. 74—77. [*Manakin V.* Language pictures of the world in the prospects of contrastive linguistics. Kiev, 1994. P. 74—77.]

- [5] Oshchepkova V.V. *Yazyk i kul'tura Velikobritanii, SSHA, Kanady, Avstralii, Novoj Zelandii*. M.; SPb.: Glossa KARO, 2004. 336 s. [Oshchepkova V. *Language and Culture of Great Britain, USA, Canada, Australia, New Zeland*. Moscow; SPb.: Glossa KARO, 2004. 336 p.]
- [6] Temirgazina Z.K. *Sovremennye teorii v otechestvennoj i zarubezhnoj lingvistike*. Pavlodar: PGPI, 2009. 135 s. [Temirgazina Z. *Modern theories in domestic and foreign linguistics*. Pavlodar: Pavlodar State Pedagogical Institute, 2009. 135 p.]
- [7] Ushbaev K.U. *Celebnye travy*. Almaty: Kajnar, 1975. 200 s. [Ushbaev K. *Herbs*. Almaty: Kajnar, 1975. 200 p.]
- [8] Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. M.: Progress, 1973. T. 4. 852 s. [Vasmer M. *Etymological dictionary of Russian Language*. Moscow: Progress, 1973. Vol. 4. 852 p.]
- [9] Shanskij N.M., Ivanov V.V. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka*. Pod red. S.G. Barhudarova. M.: Prosveshchenie, 1975. 543 s. [Shanskij N., Ivanov V. *Brief etymological dictionary of Russian language*. Moscow: Education, 1975. 543 p.]

For citation: Omasheva Zh. M. *Ekvivalentnye i bezekvivalentnye nazvaniya lekarstvennyh travyanistyh rastenij v kazahskom i russkom yazykah* [Equivalent and Non-equivalent names of medical herbal plants in Kazakh and Russian Languages]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty*. 2016, no. 4, pp. 57–64. (In Russian)

ПЕРЕХОД ОТ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ К ПОЛЮ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМУ («ГОРЕЦ / HIGHLANDER»)

Н.М. Непомнящих

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117187

В статье рассматриваются лингвокультуры «горец» / «highlander» и их семантические и лингвокультурологические поля. Предпринята попытка систематизировать данные из построенных лингвокультурологических полей для более продуктивного сравнительно-сопоставительного анализа.

Ключевые слова: семантическое поле, лингвокультурологическое поле, лингвокультурология, лингвокультуремы «горец» / «highlander»

Введение

С начала двухтысячных годов в лингвистике наметилась новая тенденция — дополнить семантическое поле рассматриваемого понятия полем лингвокультурологическим и тем самым выйти в область реальной действительности, воспринимаемой отдельным человеком и всем социумом. Интерес к исследованию семантических полей в ряде работ по сопоставительному языкознанию очевиден, ведь ученый может не просто описать то или иное понятие в сопоставляемых языках, но и рассмотреть соответствующую лингвокультуру в языковом сознании носителей определенных языков и в контексте исторически сложившихся лингвокультур.

В.В. Воробьев, представив концепцию лингвокультурологического поля, исходил из того, что метод полевого исследования важен при изучении языка в его взаимосвязи с культурой. При этом была введена новая категория лингвокультурологического поля, в котором выбор и взаимосвязь его структурных составляющих обусловлены не только языком, но и культурой. При этом взаимосвязь элементов такого поля предстает как более сложное и многомерное явление [2. С. 63—64]. В.В. Воробьевым было предложено определение лингвокультурологического поля как «иерархической структуры множества лингвокультурем, обладающих общим (инвариантным) смыслом, характеризующих определенную культурную сферу» [2. С. 65].

Последующий переход от семантического поля к полю лингвокультурологическому сопровождался актуализацией различных аспектов полевого метода: лексико-семантического, фразео-семантического, вариационного, грамматико-лексического и некоторых других.

Избрав предметом нашего исследования лингвокультуремы «горец / highlander» в русской и британской лингвокультурах, мы сосредоточили внимание на описании их лингвокультурологических полей. С этой целью были проанализирова-

ны энциклопедические и публицистические источники, а также тексты художественной литературы (произведения М.Ю. Лермонтова и В. Скотта).

Семантическая экспликация понятий «горец» и «highlander»

Под номинацией «горец» мы понимаем жителя горных районов, скорее Кавказских гор; абрека. В свою очередь, «highlander» — это житель горных районов Шотландии, гаэльского происхождения, которому присущ воинственный и суровый нрав; чаще всего он является представителем действующей шотландской армии.

Проведенный дефиниционный анализ лексем «горец» / «highlander», а также изучение теоретических положений о семантическом поле позволило построить лексико-семантические поля рассматриваемых лексем (рис.).

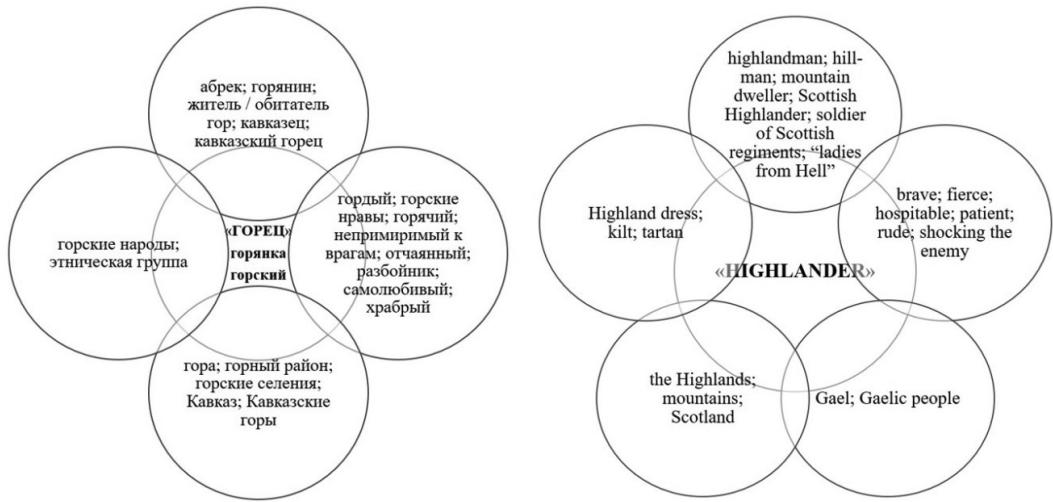

Рис. Лексико-семантические поля лексем «горец» и «highlander»

Были выявлены исходные сходства лексем «горец» / «highlander» (обе лексемы являются этнонимами; ядерные полевые лексемы чаще всего уточняются однокоренными лексемами; дефиниции обеих лексем включает понятие «горы» («Highlands»); кроме того, данное понятие является корневым у обеих рассматриваемых лексем), установлена их культурная маркированность, что является еще одним доказательством методологической целесообразности лингвокультурного подхода к исследованию.

Избрав теорию лингвокультурологических полей В.В. Воробьева в качестве базовой, вслед за О.А. Дмитриевой и В.И. Карасиком мы опирались в ходе анализа лингвокультурем «горец» / «highlander» на методику паспортизации лингвокультурного типажа [3; 4], которая позволяет систематизировать полученные данные. Согласно этой модели, паспорт рассматриваемого типажа включает в себя *внешний образ, одежду, возраст, гендерные признаки, происхождение, место жительства и характер жилища, сферу деятельности, досуг, семейное положение, окружение и речевые особенности.*

Нами было проанализировано 11 произведений М.Ю. Лермонтова, действие которых происходит на Северном Кавказе или связано с ним, и 23 произведения В. Скотта о Шотландии и ее коренном населении. В результате было отобрано 217 цитат, связанных с лингвокультуремой «горец», и 379 цитат, связанных с лингвокультуремой «highlander». На базе данных текстовых фрагментов были построены их поля.

Приведенные лингвокультурологические поля избранных лексем параметризованы следующим образом: *место жительства, времяпрепровождение, внешность, окружение, атрибуты, устои и ценности, религиозные взгляды, отношение к горцам, язык*. Подобный подход позволил системно представить отобранный языковой материал.

Рассмотрим исследуемые лингвокультуры подробнее.

1. Место жительства «горца/Highlander». Номинации «горец» и «Highlander» этимологически восходят к лексемам «горы» и «Highlands» соответственно. Как следствие, их лингвокультурологические поля обнаруживают различные пересечения, связанные с местом жительства. Например, географическое местоположение определяет ряд природных особенностей, свойственных горным районам (*снега/snow, лес/wood* и т. д.). Можно предположить, что образы жизни «горца/Highlander» очень похожи. Они принадлежат к определенной *семье (роду)/clan* и живут сообща в родовом *селенье/village*, либо *крепости/fortress* (в зависимости от статуса семьи или клана). В произведениях М.Ю. Лермонтова и В. Скотта было обнаружено немало эпитетов, описывающих жилище «горца/Highlander».

Однако сходство присутствует лишь в центральном параметре нашего анализа: *географические и природные особенности среды обитания*. Интересны и отличия. Если у лексемы «горец» это определение *пустынный*, то у «Highlander» — это *civilized*. Предположим, что расстояния между селеньями «горец» и «Highlander» различны. «Горские» селенья стоят в отдалении друг от друга, в отличие от поселений «Highlanders».

2. Времяпрепровождение «горца / Highlander». Основная деятельность представителей, относящихся к обеим рассматриваемым лингвокультурам, — *военная*. И «горец», и «Highlander» защищают свою территорию от вторжений, угрожающих ее независимости (*битва/battle, бой/struggle, перестреливаться/выстрелы/shots, нападать/attack* и др.). Оба резки и дерзки в битве, ведут суровый и безжалостный бой, используют похожее оружие, в их полках есть кавалерия и пехота. Естественно, что их образ жизни также имеет немало сходных черт. Пирь, песни, всевозможные традиционные торжества (*свадьба*) — неотъемлемая сторона их жизни, полной самобытными обрядами. Кроме того, «горцы» и «Highlanders» очень общительны (*шумные обсуждения/chatter*) и проводят много времени в кругу своей семьи и друзей.

3. Внешность «горца / Highlander». Проанализированный текстовый материал из произведений М.Ю. Лермонтова и В. Скотта позволил не только установить значительное количество описаний обеих лингвокультур, но и наметить «портрет» типичного представителя обеих лингвокультурных общностей. Так, для представителей обеих лингвокультур свойственно самобытное одеяние: тради-

ционный костюм (*одеться по-черкесски/the Highland dress*), национальные атрибуты (*архалук; широкие шелковые шаровары/clothed in a purple, red and green plaid; a jacket of bull's hide; a bonnet*). Это подчеркивает любовь и уважение «горца / Highlander» к их предкам, традициям, обычаям и культуре.

Авторы применяют различные эпитеты при описании «горца / Highlander». Любопытно, что, несмотря на то, что с точки зрения внешнего облика и темперамента они схожи, характерные для них определения не совпадают. Исключение составляют лишь *блестящий/ruddy glow of health and animation*.

4. Окружение «горца / Highlander». В ходе сопоставительного анализа наибольшее количество сходств «горец / Highlander» было обнаружено в пунктах, связанных с их семьями и друзьями. Отметим, что состав семьи у «горца / Highlander» схож, семьи большие, обычно состоят из родителей и детей. Подозреваем, что это связано с их культурными традициями, убеждениями и образом жизни. Враги для «горца» и «Highlander» — чужестранцы, люди из другого мира. В произведениях В. Скотта, в отличие от произведений М.Ю. Лермонтова, можно встретить и ряд наименований врагов по их месту жительства и национальной принадлежности (*Lowlander, Boarder-man, Irish*).

5. Атрибуты «горца / Highlander». Обоим, и «горцу», и «Highlander», присущ ряд типичных атрибутов. Основные атрибуты связаны с национальным оружием, одеждой, головными уборами (*клинок/broadsword, бурка/plaid, чалма/bonnet* и др.). В силу существования конницы в армиях «горцев» и «Highlander» лошадь — их неперенный спутник. Представители обеих лингвокультур относятся к своим типичным традиционным атрибутам с особым трепетом, поскольку они представляют для них большую духовную ценность. Ср.:

Люблю тебя, булатный мой кинжал, / Товарищ светлый и холодный [5].

He may well bear us out in a feud with the Highlandmen, and do the part of our provost and leader against them; but whether he that himself wears silk will take our part against broidered cloak and cloth of gold, though he may do so against tartan and Irish frieze, is something to be questioned [9].

6. Нравы «горца / Highlander». Нравы горцев Северного Кавказа и Шотландии очень похожи. «Горцы» и «Highlanders» — свирепый, суровый и буйный народ. Окружающие часто воспринимают их крайне негативно (*буйный/дикий/wild/as the animals/hot-headed/savage, дрянь/disgraceful*). При этом доли негативных номинаций и номинаций сугубо положительных приблизительно одинаковы. Как правило, в обеих лингвокультурах в горце видят варвара, дикого человека с чертами животного. Вместе с тем «горец» может быть *гостеприимным, непьющим, робким*, а «Highlander» — *has the character more adapted to poetry, decisive, disciplined*. Отмеченные свойства характерны для высокообразованных и высококультурных людей, которыми они нередко и являются.

Можно найти ряд интересных особенностей. К примеру, в противовес *неловкому* «горцу» мы обнаруживаем *dexterous* «Highlander». Тем не менее, несмотря на некоторые различия, в целом «горец» и «Highlander» очень похожи по своему темпераменту. Скорее всего, это обусловлено сходными условиями и исторически сложившимся реалиями жизненного уклада.

7. Жизненный уклад и ценности «горца / Highlander». На основе проведенного анализа можно заключить, что «горец» ценит *боевые традиции, свободу/волю, семью и род, прошлое, Родину, любовь, дружбу, традиционный образ жизни и обычаи, судьбу/долю*, при этом «Highlander» ценит *пирры (feasts), традиционный быт и обычаи (traditions and customs), свободу (freedom), Родину (native land), монарха (King), бой (battle), национальное оружие (traditional arms), национальную одежду (Highland dress), семью (family), клан (clan), друзей (friends), предков и прошлое (ancestors and old time), данное слово (keeping promise), противостояние врагам (fighting with the enemy), родной язык (language)*:

Три нежных дочери, три сына / Мне бог на старость подарил [7].

The young eagle must learn from the old how to stoop on his foes [8].

Очевидно, что сходство ценностных представлений и утвердившегося жизненного уклада «горца» и «Highlander» превалирует при сравнении над имеющимися отличиями. Удивительно, что в далеких друг от друга странах, с разными культурными и историческими традициями, «горец» и «Highlander» обладают общими чертами и укладом жизни.

8. Вера «горца / Highlander». Религиозные взгляды «горца» и «Highlander» базируются на долговременных языческих верованиях, но различаются принятым монотеистическим вероучением. В конечном итоге это обусловило различное отношение к Другому и специфику диалогических отношений [1 С. 44—46].

Так, «горец» — мусульманин:

Из сакли кто-то выбегает, / Идет — великий Магомет / К нам гостя, верно, посылает [6].

«Highlander» — язычник, начавший недавно приобщаться к католической церкви:

For my part, I believe these Highlanders to be no better than absolute pagans [8].

9. Отношение окружающих к «горцам / Highlanders». Отношение окружающих к «горцам» и «Highlanders» в произведениях М.Ю. Лермонтова и В. Скотта смешанное: от крайне негативного (*как злые духи, народ дикий/high-spirited race, brave to romance*) до подчеркнуто положительного (*человек удивительный, гостеприимный/as the animals, furious and eager for spoil*). Действительно, интересующие нас представители обеих лингвокультур вызывают у людей смешанные чувства. Часто при первом знакомстве они кажутся дикарями и агрессорами, однако при более близком общении открываются их страстная натура, уважение к старшим, любовь к традиционной культуре и семейным ценностям.

10. Язык «горца / Highlander». Кавказ стал родиной для множества народностей, и поэтому в рассматриваемых произведениях «горцы» разговаривают на кабардинском, абхазском, грузинском и других языках. «Highlander» — потомок гаэльцев, и его родной язык гаэльский, который он высоко ценит и прибегает к нему во многих жизненных ситуациях:

Small parties of two or three entered or left the place, without any other ceremony than a few words in Gaelic to the principal outlaw, and, when he fell asleep, to a tall Highlander who acted as his lieutenant, and seemed to keep watch during his repose [10]; The Highlander eyed

the blue vault, but far from blessing the useful light with Homer's, or rather Pope's benighted peasant, he muttered a Gaelic curse upon the unseasonable splendour of MacFarlane's boat [10].

Заключение

Сравнительно-сопоставительный анализ лингвокультурологических полей «горец» и «Highlander» приводит к выводу о значительно большей области их пересечений, чем области их специфических различий, обусловленных не только языковыми и этнокультурными факторами, но также природно-климатическими, географическими и историческими особенностями их жизни. Кроме того, при всех видимых противоречиях становится очевидно, насколько близки рассматриваемые образы. Эти воины, вызывающие первоначально негативное впечатление у окружающих, оказываются носителями традиционного воспитания, с почтением относящимися к своей семье, с особой нежностью — к жене и детям. «Горец» и «Highlander» предпочитают носить традиционные костюмы, а оружие для них имеет особую сакральную ценность. Поэтому их литературные образы на страницах произведений М.Ю. Лермонтова и В. Скотта также уникальны и внутренне близки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Владимирова Т.Е.* Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 304 с.
- [2] *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы): монография. М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
- [3] *Дмитриева О.А.* Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 307 с.
- [4] *Карасик В.И., Дмитриева О.А.* Лингвокультурный типаж: к определению понятия. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. трудов. Волгоград, 2005.
- [5] Кинжал // М.Ю. Лермонтов // Все стихи // Русская поэзия. URL: <http://rurоem.ru/lermontov/all.aspx> (дата обращения: 11:09:2016).
- [6] Измаил-бей // М.Ю. Лермонтов. URL: <http://e-libra.ru/read/194489-izmail-bej.html> (дата обращения: 11:09:2016).
- [7] Хаджи Абрек // М.Ю. Лермонтов. URL: <http://e-libra.ru/read/194504-xadzhi-abrek.html> (дата обращения: 11:09:2016).
- [8] A Legend of Montrose // Walter Scott. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1461/1461-h/1461-h.htm> (дата обращения: 11:09:2016).
- [9] The Fair Maid of Perth; Or, St. Valentine's Day // Walter Scott. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/7987?msg=welcome_stranger (дата обращения: 11:09:2016).
- [10] Waverly or 'Tis sixty years since // Walter Scott. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2034/2034-h/2034-h.htm> (дата обращения: 11:09:2016).

Для цитирования: Непомнящих Р.М. От семантического поля к лингвокультурологическому («ГОРЕЦ»/ «HIGHLANDER») // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 65—71.

«CAUCASIAN MOUNTAINEER / SCOTTISH HIGHLANDER»: FROM SEMANTIC TO LINGUO-CULTURAL FIELD

N.M. Nepomniashchikh

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 1171198

The article is devoted to linguocultures' «CAUCASIAN MOUNTAINEER / SCOTTISH HIGHLANDER» analysis. Their semantic and linguocultural fields are under consideration. In the article presented the effort to systematize the data from the constructed fields is taken so as to make the comparative-contrastive analysis more efficient.

Key words: semantic field, linguocultural field, cultural linguistics, linguocultures «CAUCASIAN MOUNTAINEER / SCOTTISH HIGHLANDER»

REFERENCES

- [1] Vladimirova T.E. *Prizvanie v obschenie: Russkii discours v mezhkulturnoj kommunikacii* [Engaged into the communication: Russian discourse in multicultural communication]. Izd. 2, ispr. i dop. M.: Librokom, 2010. S. 304. [Vladimirova T. Mission and communication: Russian Discourse in Intercultural Communication. Moscow: Book House "Librokom", 2010. P. 304.]
- [2] Vorobjov V.V. *Lingvokulturologia (teoria i metodi): monographia*. M.: Izd-vo PFUR, 1997. S. 331. [Vorobjov V. Cultural linguistics (theory and methods). Monograph. Moscow: PFUR Press, 1997. P. 331.]
- [3] Dmitrieva O.A. *Lingvoculturnie tipazhi Rossii i Francii XIX veka: monographia*. Volgograd: Peremena, 2007. S. 307. [Dmitrieva O. Linguocultural types of Russia and France in the XIX century. Monograph. Volgograd: Peremena, 2007. P. 307.]
- [4] Karasik V.I., Dmitrieva O.A. *Lingvoculturnij tipazh: k opredeleniu poniatia. Aksiologicheskaia lingvistica: lingvoculturnie tipazhi. Sbornik nauchnih trudov*. Volgograd, 2005. P. 310. [Karasik V., Dmitrieva O. Linguocultural types: to the definition of the notion: Axiological Linguistics: linguocultural types. Volgograd, 2005. P. 307.]
- [5] Kinzhal [Dagger]. *Lermontov M. Lyrics. Russian Poetry*. URL: <http://rupoem.ru/lermontov/all.aspx> (accessed 11 September 2016).
- [6] Izmail-bej. *Lermontov M.* URL: <http://e-libra.ru/read/194489-izmail-bej.html> (accessed 11 September 2016).
- [7] Hadzhi-Abreck. M.U. *Lermontov*. URL: <http://e-libra.ru/read/194504-xadzhi-abrek.html> (accessed 11 September 2016).
- [8] *A Legend of Montrose*. Walter Scott. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1461/1461-h/1461-h.htm> (accessed 11 September 2016).
- [9] *The Fair Maid of Perth; Or, St. Valentine's Day*. Walter Scott. URL: http://www.gutenberg.org/ebooks/7987?msg=welcome_stranger (accessed 11 September 2016).
- [10] *Waverly or 'Tis sixty years since*. Walter Scott. URL: <http://www.gutenberg.org/files/2034/2034-h/2034-h.htm> (accessed 11 September 2016).

For citation: Nepomniashchikh N.M. Ot semanticheskogo k lingvokul'turologicheskomu polyu («GOREC» / «HIGHLANDER») [«CAUCASIAN MOUNTAINEER / SCOTTISH HIGHLANDER»: from semantic to linguo-cultural field] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 65–71. (In Russian)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КИТАЙСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА ПО КРОВИ

Юян Цюй

Санкт-Петербургский государственный университет
ул. Нахимова, д. 7, Санкт-Петербург, Россия, 199034

В статье рассматривается история исследования терминов родства по крови в китайском языке. Термины родства являются одной из базовых единиц в организации речевого общения. Они широко представлены даже в современном письменном общении на китайском языке. Данные единицы представляют трудность для понимания, так как в большей степени лакунарны, т.е. не соответствуют фоновым знаниям представителей других этносов, в том числе русского. Описание системы терминов родства полезно для исследования разговорной и письменной речи, составления толковых словарей, а также для преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: термины родства, элементарные термины родства, термины родства входящих поколений, термины родства нулевого поколения, термины родства нисходящих поколений

Введение

В языке любого народа есть группа слов, служащих для обозначения родственных отношений между людьми. Это так называемые термины родства [9. С. 3]. Будучи частью лексического состава языка, они представляют собой характерный языковой массив, и их особенности определяются как внутренними законами развития языка, так и сложившимися социокультурными отношениями в обществе. Данная статья посвящена изучению терминов родства в китайском языке.

Описания систем терминов родства по отдельным языкам и народам, сопоставление языкового выражения разных элементов систем родства в отдельных языках и сравнительно-исторический анализ ряда терминов родства по-прежнему остаются весьма актуальной научной задачей как для описания конкретного языкового материала, так и для изучения этнической культуры. Это в полной мере относится и к описанию указанных единиц таких далеких в социально-культурном и в языковом планах систем, как русский и китайский языки.

Следует отметить, что в нашей статье термины родства понимаются ограниченно. Как известно, «у одного и того же народа существует не одна, а несколько систем родства, тесно связанных между собой, но все же не аналогичных друг другу» [1. С. 27]. Дело в том, что человек, находясь в различных ситуациях, в зависимости от того, кем является его собеседник, может назвать своего собеседника различными терминами. В книге «Сельская жизнь в Китае» известный китайский социолог Ху Шиюнь выделяет следующие ситуативные контексты по поводу употребления терминов родства [13. С. 205]:

— контекст, в котором лицо непосредственно обращается к своему родственнику;

- контекст, в котором лицо называет своего родственника в разговоре с третьим лицом;
- контекст, в котором лицо описывает отношение родства как таковое в разговорном языке;
- контекст, в котором лицо описывает отношение родства как таковое в письменном языке.

Таким образом, термины родства разделяются соответственно на следующие категории: термины при обращении; термины при обозначении; термины при описании в разговорной речи; термины при описании в письменной речи. В данной работе мы не будем рассматривать все категории терминов родства в китайском языке, выбрав в качестве материала для исследования лишь последний пункт классификации (письменный язык).

Материалом для исследования в данной статье послужил список китайских терминов родства, представленный Цзя Яндэ [14. С. 289] и частично уточненный М.В. Крюковым.

Элементарные термины родства

Абсолютное большинство китайских терминов кровного родства является структурно сложным. Существует лишь 10 терминов, отличающихся своей простой структурой [10. С. 111]:

фу (父) — отец, му (母) — мать, сюн (兄) — старший брат, ди (弟) — младший брат, цзе (姐) — старшая сестра, мэй (妹) — младшая сестра, цзы (子) — сын, нюй (女) — дочь, чжи (侄) — племянник, сунь (孙) — внук.

Все эти термины грамматически односложные, семантически самостоятельные, структурно простые, они не включают никаких детерминативов и сами по себе обозначают родственников по крови, которые имеют наиболее близкие степени родства. Такие термины мы условно называем «элементарными» [3. С. 190]. Остальные китайские термины кровного родства состоят, как правило, из двух частей: из одного элементарного термина и одного или нескольких детерминативов. Такие термины мы условно называются «составными».

Элементарный термин, включенный в структуру составного термина, теряет свое исходное значение и приобретает значение более широкое, классификационное. Так, первые элементарные термины «фу» и «му» в сочетании с соответствующими детерминативами не обозначают «отца» и «мать», но служат для обозначения любого родственника из восходящих поколений:

гаоцзу-фу — прапрадед, гаоцзу-му — мать прадеда, цзэнцзу-фу — прадед, цзэецзу-му — прабабушка, цзу-фу — дед, цзу-му — бабушка, вайцзу-фу — дед по матери, вайцзу-му — бабушка по матери, бо-фу — старший брат отца, шу-фу — младший брат отца, гу-му — сестра отца, и-му — сестра матери [2. С. 205].

Компоненты «фу» и «му» в этих составных терминах родства употребляются лишь для обозначения пола соответствующих денотатов: составной термин, оканчивающийся элементом «фу», обозначает мужского родственника из восходящих

поколений; составным термином, кончающимся «му», обозначается родственник женского пола из любого восходящего поколения.

Остальные китайские термины нуклеарного типа также являются активными участниками в построении комбинационных терминов, единственным исключением оказывается элементарный термин «цзы» (子), который употребляется только самостоятельно и только в своем первоначальном значении. Так, термины «сюн» (старший брат) и «ди» (младший брат), сочетаясь с определенными детерминативами, обозначает любого родственника мужского пола из нулевого поколения (относительно старшего):

тан-сюн/ди — старший/младший двоюродный брат, губяо-сюн/ди — старший/младший двоюродный брат, цзюбяо-сюн/ди — старший/младший двоюродный брат по матери, ибяо-сюн/ди — старший/младший двоюродный брат по матери.

При этом «сюн» и «ди» в таких составных терминах различаются между собой относительным возрастом: в частности, «сюн» служит для обозначения любого родственника из нулевого поколения, относительно старше; термин «ди», в отличие от предыдущего термина «сюн», в терминах обозначает родственника мужского пола из нулевого поколения, относительно младше [6. С. 79].

Термины «цзе» (姐, старшая сестра) и «мэй» (妹, младшая сестра) употребляются в составных терминах для обозначения тоже родственников нулевого поколения, но женского пола. Термин «цзе», находящийся в конце составных терминов, указывает на то, что обозначаемая родственница по возрасту старше, а нуклеарный термин «мэй» в составных терминах указывает на то, что обозначаемая родственница относительно младше.

Термины нуклеарного типа «нью» (女, дочь), «чжи» (侄, сын брата) и «сунь» (孙, внук), сочетаясь с соответствующими детерминативами и тем самым образуя составные термины, обозначают родственников, относящихся к нисходящим поколениям. При этом «чжи», находясь в конце комбинационных терминов, обозначает мужских родственников из первого нисходящего поколения, «сунь» — мужских родственников из второго нисходящего, третьего нисходящего и четвертого нисходящего поколений, в зависимости от того, с какими детерминативами он сочетается в составе образуемого комбинационного термина, а термин «нью» может включаться в состав любого комбинационного термина, обозначающего родственницу из нисходящих поколений, независимо от того, к какому поколению относится обозначаемая родственница — первому нисходящему, второму нисходящему, третьему нисходящему или четвертому нисходящему поколению [6. С. 87].

Таким образом, в китайском языке существует 10 элементарных терминов родства, обозначающих самых близких родственников по крови: «фу», «му», «сюн», «ди», «цзе», «мэй», «цзы», «нью», «чжи», «сунь». Кроме термина «цзы», все единицы активно принимают участие в формировании остальных составных терминов, обозначающих более отдаленных родственников по крови. В данном случае они теряют свое первоначальное значение и служат лишь для показателя пола обозначаемых родственников.

Термины родства восходящих поколений

Абсолютное большинство китайских терминов родства являются составными. Когда речь идет о терминах, обозначающих родственников из восходящих поколений, они тоже имеют сложную структуру, состоящую из элементарного термина «фу» (父) или «му» (母), и одного или нескольких детерминативов. В том числе «фу» и «му» указывают пол обозначающих родственников: «фу» является показателем мужского пола, а «му» — показателем женского пола. В то же время детерминативы определяют, к какому поколению относится обозначаемый родственник, его относительный возраст и т.д. Поэтому можно разделять детерминативы в составных терминах, обозначающих родственников из восходящих поколений, на следующие категории.

1. Детерминативы, указывающие на принадлежность обозначаемых родственников к отцовской или материнской линии родства: «вай» (外, внешний), «цзю» (舅), «и» (姨), «гу» (姑) [3. С. 341].

Среди них «вай», «цзю» и «и» в составных терминах указывают на то, что обозначаемые родственники относятся к материнской линии:

Вай-цзюфу (外祖父) — дед по матери, Вай-цзюму (外祖母) — бабушка по матери, Цзю-фу (舅父) — брат матери, И-му (姨母) — сестра матери [11. С. 174].

Один детерминатив «гу» указывает на то, что обозначаемые родственники относятся к отцовской линии:

Цзэн-гу-цзюму (曾姑祖母) — сестра прадеда, Гу-цзюму (姑祖母) — сестра деда, Гу-му (姑母) — сестра отца.

2. Детерминативы, показывающие родственные степени по прямой линии. К ряду таких детерминативов относятся следующие: «гао» (高, высокий) — четвертое восходящее поколение. Это самая отдаленная степень родства по прямой линии. Эта линия определяется только для родственников отцовской линии.

Гао-цзюфу (高祖父) — отец прадеда, Гао-цзюму (高祖母) — мать прадеда
«цзэн» (曾, добавленный) — *третье восходящее поколение:*

Цзэн-цзюфу (曾祖父) — прадед, Цзэн-цзюму (曾祖母) — прабабушка, Вай-цзэн-цзюфу (外曾祖父) — прадед по матери, Вай-цзэн-цзюму (外曾祖母) — прабабушка по матери
«цзю» (祖) — *второе восходящее поколение:*

Цзю-фу (祖父) — дед, Цзю-му (祖母) — бабушка, Вай-цзю-фу (外祖父) — дед по матери, Вай-цзю-му (外祖母) — бабушка по матери

«бо», «шу», «гу», «цзю», «и» — *первое восходящее поколение:*

Бо-фу (伯父) — старший брат отца, Шу-фу (叔父) — младший брат отца

Тан-бо-фу (堂伯父) — старший двоюродный брат отца, Тан-шу-фу (堂叔父) — младший двоюродный брат отца, Гу-му (姑母) — сестра отца, Цзю-фу (舅父) — брат матери, И-му (姨母) — сестра матери.

3. Детерминативы, служащие для разграничения боковых линий родства: «бо», «шу», «гу», «цзю», «и» — показатель первой степени бокового родства.

Детерминативы «бо», «шу», «гу» употребляются в составных терминах, обозначающих родственников отцовской линии:

Цзэн-бо-цзюфу (曾伯祖父) — старший брат прадеда, Цзэн-шу-цзюфу (曾叔祖父) — младший брат прадеда, Цзэн-гу-цзюму (曾姑祖母) — сестра прадеда, Бо-цзю-фу (伯祖

父) — старший брат деда, Шу-цзу-фу (叔祖父) — младший брат деда, Гу-цзу-му (姑祖母) — сестра деда, Бо-фу (伯父) — старший брат отца, Шу-фу (叔父) — младший брат отца, Гу-му (姑母) — сестра отца.

Детерминативы «цзю» и «и» — показатели *первой степени бокового родства* по материнской линии: Цзю-фу (舅父) — брат матери, И-му (姨母) — сестра матери. *Вторая степень бокового родства* показывается путем детерминативов — «тан» (堂) и «губяо» (姑表). Буквальное значение детерминатива «тан» — относящийся к одному храму предков, а «губяо» — внешний родственник со стороны тетки по отцу. Так, «тан» употребляется в составных терминах, обозначающих тех родственников, кто имеет одного общего предка, тогда как «губяо» — в терминах, которые обозначают родственников, имеющих частичную генеалогическую связь с эго [8. С. 96].

На основе проведенного анализа терминов восходящего поколения по крови также видно, что мужчина является ориентировочной точкой родственных отношений. Это выражается следующим образом:

— родственники материнской линии обозначаются особыми детерминативами, например, «вай», «и», «цзю», «ибяо», «цзюбяо» и т.д. При этом обнаруживается превосходство родственников отцовской линии над родственниками материнской линии с точки зрения численности;

— самая далекая степень прямого родства, терминированная в китайском языке, — четвертое восходящее поколение, а самая далекая степень бокового родства — третья боковая линия. При этом для родственников материнской линии, относящихся к четвертому восходящему поколению и третьей степени бокового родства, отсутствуют соответственные термины [4. С. 367];

— мужские родственники отцовской линии разграничиваются по признаку относительного возраста, в то время как родственники женского пола из восходящих поколений, а также родственники мужского пола, одновременно принадлежащие к материнской линии, в китайской терминологии родства не разграничиваются относительным возрастом.

Термины родства нулевого поколения

Кроме терминов «сюн» (兄), «ди» (弟), «цзэ» (姐), «мэй» (妹) все термины родства нулевого поколения комбинационные, т.е. состоят из двух частей — перечисленных выше элементарных терминов и детерминативов. «Сюн» и «ди» служат в качестве показателя мужского пола, «цзэ» и «мэй» — атрибуты женского пола. «Сюн» и «цзэ» употребляются в составных терминах, которыми обозначаются родственники старше поколения, а «ди» и «мэй» — младшего. Детерминативы в составных терминах нулевого поколения выполняют функцию разграничения боковой линии родства.

1. Детерминативы, использующиеся в составных терминах, обозначающие родственников второй степени боковой линии: «тан», «губяо», «цзюбяо», «ибяо», например: тан-сюн (堂兄), губяо-сюн (姑表兄), цзюбяо-сюн (舅表兄), ибяо-сюн (姨表兄).

При этом «тан» и «губяо» употребляются в терминах, обозначающих родственников отцовской линии, тогда как «цзюбяо» и «ибяо» — показатель материнской

линии. Кроме того, эти детерминативы выбирают в зависимости от того, кто является связывающим родственником: если связывающим родственником является «бофу или шуфу, т.е. мужчина, то в данном случае вторая степень бокового родства обозначается детерминативом “тан”, если связывающим родственником является “гуму”, т.е. женщина, то вторая степень бокового родства обозначается “губяо”» [7. С. 156]. То же самое правило распространяется на «цзюбяо» и «ибяо»: «цзюбяо» указывает на вторую степень бокового родства, где находятся родственники, связывающим лицом между которыми является мужчина («цзю»), тогда как «ибяо» указывает ту же степень бокового родства, к которой относятся родственники, связывающим лицом между которыми является женщина («и»).

2. Детерминативы, служащие для обозначения третьей степени бокового родства в нулевом поколении. К числу таких детерминативов относятся «тан-губяо», «тан-цзюбяо» и «цзэцун».

Среди них «тан-губяо» и «тан-цзюбяо», соответственно, состоят из «тан» и «губяо», «тан» и «цзюбяо», которые в отдельности указывают на вторую степень бокового родства и тем самым обозначают третью степень родства.

Разница между тремя вышеперечисленными детерминативами заключается в том, что «тан-губяо» — показатель детей двоюродной сестры отца, «тан-цзюбяо» — показатель детей двоюродного брата матери, тогда «цзэцун» — показатель детей двоюродного брата отца.

Иными словами, «тан-губяо» и «цзэцун» указывают на то, что обозначаемые родственники третьей степени бокового родства относятся к отцовской линии, а «тан-цзюбяо» — показатель родственников по материнской линии [12. С. 269], например, «тангубяо-ди» — младший сын двоюродной сестры отца, а «цзэцун-ди» — младший сын двоюродного брата отца, «танцзюбяо-ди» — младший сын двоюродного брата матери.

3. Детерминатив «цзу» (族) служит для обозначения четвертой степени бокового родства, т.е. самой отдаленной степени: цзу-сюн (族兄) — старший внук двоюродного брата деда, цзу-ди (族弟) — младший внук двоюродного брата деда, цзу-цзэ (族姐) — старшая внучка двоюродного брата деда, цзу-мэй (族妹) — младшая внучка двоюродного брата деда.

Все родственники, обозначаемые вышеперечисленными терминами, относятся к отцовской линии. Таким образом, самая отдаленная степень бокового родства для родственников материнской линии — третья, а для родственников отцовской линии — четвертая.

Выводы

В связи с тем, что появились новые нуклеарные термины, служащие не только для обозначения пола родственников (родственников), но и для разграничения их по признаку относительного возраста, все родственники (родственницы) полностью терминырованы в китайском языке.

Родственники в нулевом поколении являются более дифференцированными по боковым линиям родства. Так, «тан» и «губяо» указывают на вторую боковую линию, к которой относятся родственники отцовской линии, в то время как «цзю-

бюа» и «ибяо» — на вторую боковую линию, к которой относятся родственники материнской линии. «Цзайцун» и «тангубяо» представляют собой показатели третьей степени бокового родства, где находятся родственники отцовской линии, а «танцзюбяо» — третьей степени бокового родства, где находятся родственники материнской линии.

Хотя в терминах нулевого поколения родственники женского пола разграничиваются между собой по относительному возрасту, это не отрицает тот же принцип образования состава китайских терминов родства, в котором родственники мужского пола являются ориентировочной точкой. Так, среди родственников, относящихся к четвертой степени бокового родства, только родственники отцовской линии могут быть терминированными с помощью детерминатива «цзу». Кроме того, для родственников материнской линии, находящихся на третьей степени бокового родства и связанных с эго через родственника женского пола, в китайском языке не существует терминов, которые могли бы данных родственников обозначать. А родственники той же боковой степени, связанные с эго посредством родственника мужского пола, в китайском языке обозначаются детерминативом «тан-цзюбяо».

Среди терминов, обозначающих родственников из нисходящих поколений, отмечены четыре элементарных термина: цзы (子), нью (女), чжи (侄), сунь (孙). Первые три термина обозначают родственников первого нисходящего поколения, тогда как последний — второго нисходящего поколения. Остальные термины нисходящего поколения являются составными, которые состоят из двух частей: элементарных терминов и соответствующих детерминативов. Так же как и другие китайские термины нуклеарного типа, перечисленные термины в остальных составных терминах родства нисходящих поколений теряют свое первоначальное значение в качестве показателей пола обозначаемых родственников. Детерминативы, входящие в состав терминов нисходящих поколений, остаются такими же, какими были в терминах нулевого поколения, в частности, «тан» и «губяо» — показатели второй степени бокового родства (отцовской линии); «цзюбяо» и «ибяо» — показатели второй степени бокового родства (материнской линии); «тан-цзюбяо» — показатель третьей степени бокового родства (материнской линии); «цзайцун» — показатель третьей степени бокового родства (отцовской линии); «цзу» — показатель четвертой степени бокового родства (отцовской линии) [5. С. 392].

Среди составных терминов, обозначающих родственников первого нисходящего поколения, есть один, который является своеобразным с точки зрения построения состава, — «вай-шэн» (外甥). С одной стороны, «вай-шэн» используется как составной термин, в котором присутствует детерминатив «вай» (внешний), для того, чтобы разграничить данного родственника от остальных, наиболее близких родственников по крови. Ведь связывающим родственником между «сыном сестры» и эго является «сестра», т.е. женщина [14. С. 240]. С другой стороны, «вай-шэн» используется как элементарный термин в других составных терминах, выполняет при этом функцию показателя пола обозначаемых родственников, например: вай-шэн (外甥) — сын сестры, вай-шэннью (外甥女) — дочь сестры.

Термины родства второго нисходящего поколения образуются путем сочетания термина «сунь» (в случае мужского пола) или «суньной» (в случае женского пола) с детерминативами, которые употребляются в терминах предыдущих поколений, как «вай», «тан», «цзайцзун», «цзу», «ибяо» и «цзюбяо». Они выполняют те же функции, рассмотренные выше.

Сунь (孙) — внук, Суньной (孙女) — внучка, Вай-сунь (外孙) — внук Вай-суньной (外孙女) — внучка, Чжи-сунь (侄孙) — внук брата, Чжи-суньной (侄孙女) — внучка брата, Вай-шэнсунь (外甥孙) — внук сестры [15. С. 87].

В составе терминов родства третьего нисходящего поколения появляется единственный детерминатив «цзэн» в качестве показателя третьего нисходящего поколения: «цзэн-сунь» (曾孙), «цзэн-суньной» (曾孙女), «цзэн-чжисунь» (曾侄孙), «цзэн-чжисуньной» (曾侄孙女).

В составе терминов родства четвертого нисходящего поколения участвует один детерминатив — «сюань» (буквально «далекий») — в качестве показателя четвертого нисходящего поколения: «сюань-сунь» (玄孙), «сюань-суньной» (玄孙女).

Анализ китайских терминов родства нисходящего поколения показывает следующее.

В современном китайском языке родственники нисходящих поколений не дифференцируются по признаку относительного возраста.

Родственники нисходящего поколения, будучи потомками родственников предыдущего поколения, относятся к определенной боковой линии в зависимости от принадлежности к той или иной боковой линии родственников нулевого поколения.

Анализ китайских терминов родства, лингвистически и культурологически отличающихся от аналогичных русских терминов, позволяет говорить о необходимости специального сопоставительного исследования этих двух терминосистем, а также о создании необходимых справочных и учебно-методических материалов, предназначенных для изучающих русский и китайский языки.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Баскаков А.Н. Особенности формирования терминологии в разных социальных условиях формирования языка. М., 1970. 27 с.
- [2] Бао Хайтао. Толковый словарь терминов родства. Цзилинь: Цзилинь цзяоюй чубаньшэ, 1988. 205 с.
- [3] Бунаков Ю. Термины родства в китайском языке. Л., 1935. 341 с.
- [4] Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970. 367 с.
- [5] Васильев Л.С. История и культура Китая. М., 1974. 392 с.
- [6] Ван Ли. Китайская история языка. Шанхай: Фудань университет чубаньшэ, 2006. 79, 87 с.
- [7] Делюсин Л.П. Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики. М., 1982. 156 с.
- [8] Доменак Ж.Л., Хуа Шанмин. Семейные отношения в Китае. М., 1991. 96 с.
- [9] Крюков М.В. Форма социальной организации древних китайцев. М., 1967. 3 с.
- [10] Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972. 111 с.
- [11] Син Фуи. Культурная лингвистика. Хубэй: Хубэй цзяоюй чубаньшэ, 1991. 174 с.
- [12] Шао Фусинь. Китайская семья и брак. Пекин: Китайское народное издательство, 1989. 269 с.
- [13] Ху Шиюнь. Китайские термины родства. Пекин: Пекинский университет, 2007. 205 с.

- [14] *Цзя Яндэ*. Китайская семантика. Пекин: Пекинский университет, 2005. 240 с.
[15] *Чжао Лян*. Язык и культурология. Шанхай: Шанхайский иностранный язык и образование, 2005. 87 с.

Для цитирования: Цюй Юян. Лингвистический анализ китайских терминов родства // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 72—81.

LINGUISTIC ANALYSES OF CHINESE KINSHIP TERMS

Yuyan Qu

Saint Petersburg State University
Nakhimov str., 7, St. Petersburg, Russia, 199034

This article briefly describes the history of the study of the kinship terms by blood in Chinese language. Kinship terms are the basic unit in spoken communication. Even in modern written communication kinship terms have been widely used, but Russian readers can not fully understand all the terms, because the Chinese and Russian readers have different cultural background knowledge. This study is useful for analyze of spoken and written communication, compiling dictionaries, as well as for the teaching of the Russian language.

Key words: Kinship terms, Basic kinship terms, kinship Terms in the ascending generation kinship Terms generation zero, kinship Terms descending generations

REFERENCES

- [1] Baskakov A.N. Osobennosti formirovaniya terminologii v raznyh social'nyh usloviyah formirovaniya yazyka. M., 1970. S. 27 [Baskakov A. Special features of term-forming in different circumstances of language forming. Moscow, 1970. P. 27]
[2] Bao Hajtao. Tolkovyj slovar' terminov rodstva. Czilin':Czilin' czyaoyuj chuban'sheh, 1988. 205 s. [Bao Hajtao. Explanatory Dictionary of kinship terms. Czilin': Czilin' czyaoyuj chuban'sheh, 1988. 205 p.]
[3] Bunakov Yu. Terminy rodstva v kitajskom yazyke. L., 1935. 341 s. [Bunakov Yu. Kinship terms in Chinese. Leningrad, 1935. 341 p.]
[4] Vasil'ev L.S. Kul'ty, religii, tradicii v Kitae. M., 1970. 367 s. [Vasylijev L. Cults, religions, traditions in China. Moscow, 1970. 367 p.]
[5] Vasil'ev L.S. Istoriya i kul'tura Kitaya. M., 1974. 392 s. [Vasylijev L. History and Culture of China. Moscow, 1974. 392 p.]
[6] Van Li. Kitajskaya istoriya yazyka. Shanhaj:Fudan' universitet chuban'sheh, 2006. S. 79, 87 [Van Li. Chinese history of Language. Shanhaj: Fudan University Press, 2006. P. 79, 87]
[7] Delyusin L. P. Konfucianstvo v Kitae: problemy teorii i praktiki. M., 1982. 156 s. [Delyusin L. Confucianism in China: problems of theory and practice. Moscow, 1982. 156 p.]
[8] Domenak Zh. L., Hua Shanmin. Semejnye otnosheniya v Kitae. M., 1991. 96 s. [Domenak Zh., Hua Sh. Family relations in China. Moscow, 1991. 96 p.]
[9] Kryukov M.V. Forma social'noj organizacii drevnih kitajcev. M., 1967. S.3 [Kryukov M. The form of the social organization of the ancient Chinese. Moscow, 1967. P.3]

- [10] Kryukov M.V. Sistema rodstva kitajcev. M., 1972. S. 111 [Kryukov M. Chinese kinship system. Moscow, 1972. P. 111]
- [11] Sin Fui. Kul'turnaya lingvistika. Hubej: Hubej czyaoyuj chuban'sheh, 1991. 174 s. [Sin Fui. Cultural Linguistics. Hubej: Hubej Press, 1991. 174 p.]
- [12] Shao Fusin'. Kitajskaya sem'ya i brak. Pekin: Kitajskoe narodnoe izdatel'stvo, 1989. 269 s. [Shao Fusin. Chinese Family and Marriage. Beijing: Chinese People's publishing House. 1989. 269 p.]
- [13] Hu Shiyun'. Kitajskie terminy rodstva. Pekin: Pekinskij universitet, 2007. 205 s. [Hu Shiyn. Chinese kinship terms. Beijing: Beijing University, 2007. 205 p.]
- [14] Czya Yandeh. Kitajskaya semantika. Pekin: Pekinskij universitet, 2005. 240 s. [Czya Yandeh. Chinese semantics. Beijing: Beijing University, 2005. 240 p.]
- [15] Chzhao Lyan. YAzyk i kul'turologiya. Shanhaj: Shanhajskij inostrannyj yazyk i obrazovanie, 2005. 87 s. [Chzhao Lyan. Language and Culture. Shanghai: Shanghai Foreign Language and Education, 2005. 87 p.]

For citation: Cyuj Uyan. Lingvisticheskij analiz kitajskih terminov rodstva [Linguistic analyses of Chinese kinship terms] // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 72—81. (In Russian)

ЛИНГВОПРАГМАТИКА И ТЕОРИЯ ДИСКУРСА

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ АДРЕСАНТА В МЕДИЙНОМ ОЧЕРКЕ

О.В. Казиминова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Московский пр-т, 33, г. Витебск, Беларусь, 210038

В статье рассматривается языковая специфика реализации категории адресанта в жанре англоязычного медийного очерка. В частности, определен репертуар прямых и косвенных разноуровневых языковых маркеров репрезентации авторского Я; выявлены их количественные показатели, а также лингвопрагматические характеристики.

Ключевые слова: адресант, медиатекст, прагматическая установка, языковые средства, речевое воздействие

Введение

Одной из ключевых тенденций в сфере публицистического дискурса на современном этапе является субъективизация медийных текстов [1. С. 5], а именно усиление личностного начала в языке СМИ (см. работы Г.Я. Солганика, И.А. Стернина, Т.Г. Добросклонской, М.А. Кормилицыной, И.Т. Вепревой и др.). В этой связи категория автора приобретает особое значение и служит значимым параметром, позволяющим охарактеризовать лингвостилистические особенности того или иного жанра. Осмысление механизма конструирования фактора адресанта есть результат синтеза различных выразительных средств, формирующих смысловую и экспрессивную глубину, многомерность приемов репрезентации авторского замысла. Иными словами, создавая письменный текст, говорящий использует специальные средства и способы «обращения» к предполагаемому адресату. С одной стороны, это *прямой* способ выражения, который означает, что языковые средства обращены к адресату и в точности сообщают то, что имеется в виду, побуждая к ответной реакции. При этом и автор, и читатель четко осознают коммуникативную установку, с другой стороны, это *косвенные* формы, способные «ненавязчиво навязать» адресату конкретный замысел сообщения. Данные средства имеют целью завуалировать чрезмерный субъективизм и открытость авторского самовыражения.

Таким образом, задача проведенного исследования — выявление наиболее характерных прямых и косвенных средств вербализации авторского Я, функционирование которых зависит прежде всего от коммуникативных (прагматических) факторов. Материалом для анализа послужили 200 англоязычных очерков четырех типов (очерк-повествование, комментирующий, исследовательский и рекламный очерки), отобранных из журналов *The New Yorker*, *Time*, *The Spectator*, *Harper's Magazine*, *Reader's Digest* и др.

Средства репрезентации категории автора

Анализ показывает, что **прямые средства актуализации категории автора** многочисленны и представлены в большей степени на уровне морфологии. Так, наиболее частотным прямым средством репрезентации категории автора являются **личные местоимения** 1-го лица ед. и мн. ч. и их производные (*I*, *my*, *we*, *our* и т.д.), которые составляют 1001 местоимение (общее число местоимений — 1325). Их употребление свидетельствует об «открытости», субъективности автора и в значительной степени определяет речевую структуру очеркового текста:

As I sped south on U.S. 93, bittersweet memories flashed through my mind like the sporadic flares... I was also introduced to... Near our town I noted the absence of... (Northwest Travel, 2010).

Приведенные примеры показывают, что адресант широко использует повторение личных и притяжательных местоимений (*I*, *my*, *our*), служащих основным средством реализации тональности и интимизации повествования. Подобное «личное» обращение и присутствие позволяет автору усилить эффект доверия и сопричастности, добиться достоверности в воспроизведении его внутреннего мира. Исследование также выявило наличие **императивных предложений** (494 ед.), в которых грамматическое содержание формы имеет значение побуждения, призыва к действию.

Анализ показывает многократное использование форм настоящего времени со значением ближайшего будущего для выражения побуждения (т.е. прямой императивности) в очерке рекламного типа:

Pack your bathing suits, suntan lotion and towels — a beach bound adventure offers warm memories... Sleep under the stars, cook on a campfire and swim in a bubbling stream... and don't forget to bring marshmallows for a yummy campfire roast (Reader's Digest, 2015).

Прямым способом репрезентации авторского Я являются **глаголы мыслительной деятельности и состояния** (*think*, *know*, *decide*, *remember* и т.д.) в сочетании с местоименным подлежащим первого лица ед./мн. числа *I/we* (399 ед.), что наблюдается преимущественно в очерке-повествовании и исследовательском очерке. Установлено, что указанный тип глаголов однозначно и наиболее точно детерминирует характер иллюкутивного намерения адресанта:

In short, we know, that a significant percentage of children in this country remain monomaniacally unprotected (Reader's Digest, 2014). *I remember Shirley, I decided he still loves her and heads off to Liverpool to find her. Willy said he couldn't write it, but I think it would have been wonderful... I knew I wasn't good enough* (Reader's Digest, 2016).

Как видно из приведенного контекста, глаголы эксплицируют сему мышления и выражают значение ментального процесса.

На лексико-семантическом уровне `большую группу прямых средств выражения авторского Я составляют **атрибутивные словосочетания с положительной/отрицательной коннотацией** (804 ед.). Так, в следующем фрагменте из очерка

Well, I went to the *Alpha Smart* Web site, and, sure enough, the NEO has a *full-sized keyboard, a full-featured word processor, and a complete keyboarding and typing tutor* (Reader's Digest, 2013)

говорящий открыто проявляет восхищение продуктом, употребляя прилагательные с положительной коннотацией *alpha smart, full-sized, full-featured, complete, perfect*, а читающий, в свою очередь, затрачивает минимум усилий для декодирования характера оценки сообщения. В следующем отрывке из очерка описываемая проблема раскрывается посредством противопоставления значений положительного и отрицательного сегментов:

King Abdullah of Jordan has the *good* — or perhaps *bad* — *fortune* to have his *prosaic memoirs* published just as the Middle East is engulfed in *momentous changes* that began in Tunis a month ago, spread to Cairo, and now reverberate in other capitals, including, in a *still-small way*, his own (Newsweek, 2011).

Так, сопоставление положительной смысловой (*good fortune, momentous changes*) и отрицательной (*bad fortune, prosaic memoirs, still-small way*) частей высказываний создает двусмысленные ассоциации, которые возникают при чтении очерка: пока непонятно, приведут ли к лучшему или худшему судьбоносные изменения на Ближнем Востоке.

Синтаксис представлен **вопросительными конструкциями** (за исключением риторических вопросов, нередко выступающих в качестве «замаскированного» утверждения), которые составляют 90 единиц от всех декларативов, имеющих вопросительную форму (всего — 460 ед.). Их употребление зафиксировано, в частности, в рассуждениях и нарративе. Посредством вопросов говорящий инициирует возможные размышления адресата на ту или иную тематику:

But the question is, what kind of humor helps? (Time, 2014).

По нашим наблюдениям, вопросительные конструкции используются и в ситуации совета:

How to replace them? Hit the backyard with scissors and snip blooming branches, such as those from magnolia or cherry trees, and add to the bouquet (Reader's digest, 2015).

Представленность прямых средств актуализации категории автора по языковым уровням, количественные показатели, характерные для каждой группы этих средств, а также их процентное соотношение приведены в табл. 1.

Количественные данные, отраженные в табл. 1, показывают, что прямые средства репрезентации авторского Я (всего — 3585 ед.) выявлены практически на всех уровнях языковой системы: морфологическом, лексико-семантическом, синтаксическом. При сравнении показателей установлено, что морфологический уровень занимает лидирующее место по частоте встречаемости эксплицитного

проявления авторского Я (75,5% местоимений от их общего количества представляют собой прямой способ). Данный факт доказывает, что языковое воплощение личности автора в очерке оказывается чрезвычайно действенным. Автор, открыто заявляя о себе и высказывая личную точку зрения на сообщаемые факты, непосредственно изображает себя и воспроизводит те черты своего облика, которые являются социально значимыми. По результатам анализа, 95% императивных предложений служат прямым способом волеизъявления говорящего для передачи таких частных императивных значений, как призыв, просьба, рекомендация и др. Глаголы мыслительной деятельности и состояния, обозначающие прямой способ экспликации категории адресанта и составляющие 84% от их общего количества, зачастую используются для выражения ментального процесса, обусловленного сущностью его внутренней речи. Что не менее интересно, подавляющее большинство атрибутивных словосочетаний с положительной/отрицательной коннотацией (100%) служат необходимым инструментом для явного выражения позитивного либо негативного отношения автора к сообщаемой информации. И наконец, среди прямых средств экспликации категории автора отмечены вопросы (19,5%), посредством которых говорящий стремится получить новые сведения о предметах и фактах. Установлено, что в функции запрашивания информации у реципиента количество вопросов немногочисленно.

Таблица 1

Представленность прямых средств репрезентации авторского Я

Прямые языковые средства	Всего	Кол-во примеров с прямыми языковыми маркерами	Удельный вес, %
Морфология			
Личн. местоимения 1-го лица ед./мн. ч. и их производные	1 325	1 001	75,5
Императивные предложения	520	494	95
Глаголы (мыслительной деятельности и состояния)	476	399	84
Лексико-семантическая сфера			
Атрибутивные словосочетания с положительной/отрицательной коннотацией	804	804	100
Синтаксис			
Вопросительные конструкции	460	90	19,5

Результаты предпринятого анализа свидетельствуют о том, что ведущим способом актуализации категории автора являются **косвенные языковые средства** (всего — 8228 ед.), позволяющие, во-первых, затруднить восприятие личности автора и тем самым усложнить его воплощение в тексте, во-вторых, обострить внимание читателя и дать понять, что за основным смыслом скрывается дополнительный, имплицитный. Анализ выборки дает возможность заключить, что в выражении косвенных форм авторского «я» задействованы единицы всех языковых уровней.

На морфологическом уровне зафиксированы **наречия-интенсификаторы** (1165 ед.), например:

Such arguments were *never very* strong. Now, in the midst of the biggest crisis of American public finance since the Civil War, they *sadly* collapse. I was agonized by the *dreadfully* stilted dialogue that followed... (Newsweek, 2011).

Здесь наречия *never, dreadfully, sadly* с усилительно-выделительным значением уныния передают негативные чувства и эмоциональное состояние адресанта. Говорящий заблаговременно дает понять, какие эмоции овладеют реципиентом, и косвенно прогнозирует результат описываемого действия. Средствами косвенного проявления Я автора также выступают **временные и пространственные дейксисы** (213 ед.). Установлено, что дейксис осуществляется формальными элементами двух основных типов: именными группами, включающими указательные местоимения или их аналоги (*this year, this month, in this country/city/place* и т.д.), а также элементами наречного типа (*here, there, now, today, ... ago* и т.д.) и нередко служит средством эмоционального реагирования говорящего на факт либо ситуацию. При анализе выявлены случаи употребления автором **сравнительных степеней прилагательных** (179 ед.), которые широко используются в комментирующем очерке для привлечения внимания адресата к объекту комментирования. Так, прилагательные, являясь внешне нейтральным средством, при сопоставлении между собой актуализируют существующие в сознании адресата понятия «хорошо/плохо», «много/мало» и др.:

The garnishment is one of *the most effective* tools bearish IRS has to get you to the bargaining table. *The more* members we have, *the stronger* we are at the bargaining table (Newsweek, 2012).

Несмотря на то, что авторская персонификация в данном случае скрыта, положительная оценочная коннотация выражена посредством сравнительных степеней прилагательных *the most effective, the more... the stronger*. Среди основных приемов косвенного проявления авторской позиции можно также выделить **видо-временные глагольные формы** (96 ед.), которые нередко осуществляют дополнительное, эмоциональное воздействие на адресата, придавая высказыванию экспрессивность:

Big-name strategists *are sitting* on the sidelines, *worrying* about backing a palooka, *trying* to impress the process press, especially Politico, to get some clips they can show donors (Newsweek, 2011).

В данном случае повтор однородных видо-временных форм Present Continuous *sitting, worrying, trying* в одной речевой цепи передает ступенчатое нарастание интенсивности в тексте и используется для передачи фактов, которые субъективно представляются говорящим уже осуществившимся или неизбежными в ближайшем будущем. Анализ показывает небольшую встречаемость **императивных предложений** (26 ед.), представляющих косвенное выражения авторского Я (т.е. косвенную императивность). Несмотря на ограниченность морфологических форм, зафиксированы следующие примеры, которые имеют следующие значения:

— предостережение: *Close down the website! Close the Internet! Close the roads and ban cars!* Everyone wants to ask what's wrong with us. No one wants to ask the important questions (Time, 2011);

— просьбу: For years the train of European integration ran on German subsidies. So as the process of disintegration accelerates this year — as the economies of the periphery languish and their governments topple — *don't blame* the victim (Newsweek, 2011);

— пожелание: *You, remember, life can either be something you embrace or something you hide from. Stop making things complicated and just live your life will you? It would be so much simpler and more enjoyable if we learned to just release certain limitations* (Newsweek, 2013).

Косвенный прием экспликации категории адресанта может представлять и **личное местоимение you 2-го лица** и его производные (324 ед.):

But unless *you* become *your* own boss, *you* probably won't have that power anytime soon. So it's in *your* best interest to become a morning person. And while *you* may worry that *you*'re simply incapable of becoming an early bird, that is not true (Reader's digest, 2015).

В этом случае говорящий убежден в своей правоте и пытается навязать реципиенту свою точку зрения в смягченной, завуалированной форме.

На лексико-семантическом уровне благодаря своей частотности особого внимания заслуживает использование адресантом **оценочных прилагательных** (1231 ед.) через создание (или изменение) оценочной значимости слова в прагматически обусловленном контексте:

You don't want Don Yeomans' job, no matter how appealing it seems. He's an *excellent* astronomer at NASA's jet propulsion lab, which is awfully *cool*. He is never really off duty, and his work is very *straightforward* and *nasty* (Time, 2014).

Здесь автор направляет скрытые креативные усилия на выработку в сознании адресата ассоциаций и чувств посредством прилагательных, несущих позитивную оценочность: *appealing, excellent, cool, straightforward, nasty* (в значении «рискованный»), за счет которых создается образ выдающегося астронавта. Впрочем, следует отметить, что в данном примере престиж его профессии несколько девальвируется, поскольку разговорное, стилистически сниженное выражение *you don't want Don Yeomans' job, no matter how appealing it seems* придает контексту парадоксальный оттенок. При проведении исследования выявлена также **эмоционально окрашенная лексика** (348 ед.), которая играет первостепенную роль в придании сообщению экспрессивности, эмоциональности и передачи скрытого смысла. Анализ языкового материала свидетельствует о характерном использовании многозначности слов. При этом наблюдаются следующие явления: употребление слова в переносном значении, слов-прагмем, слов-коннотаций, метафоризации как средства экспрессии и актуализации оценки. В качестве иллюстрации приведем фрагмент из исследовательского очерка:

Monday morning in Lille, France. At the regional council meeting, Marine Le Pen, *a shock of blonde* in casual black, is *taunting* the chairman. Le Pen, the new leader of the far-right National Front, *has been making mischief* all morning, *sniping* jovially with colleagues when it isn't her turn, just loud enough to be heard across the floor. *The chairman wants to move on* to council business; *she wants to tease* him about the latest gossip, a judge arrested for influence peddling... The chairman is a Socialist, who was ousted by a corruption scandal, and she just can't resist *giving the screws another turn* (Newsweek, 2011).

В данном случае на адресата действует не сила доводов, а броскость и яркость лексемы *a shock of blonde* (копна белых волос) при ее метонимическом употреблении (в значении «женщина-блондинка»); использование синонимичного ряда *taunt — make mischief — snipe* служит целью избежать повтора и транслировать

негативную оценку; лексический повтор слова *want*, осложненный синтаксическим параллелизмом *the chairman wants to move on, she wants to tease*, а также выражение в переносном значении *give the screws another turn* («оказывать давление») усиливают эмоциональность высказывания. Также стоит отметить использование тропов: в большинстве случаев преобладают *эпитеты* (800 ед.) и *метафоры* (638 ед.), позволяющие адресанту апеллировать к эмоциям адресата и создать необходимую психологическую атмосферу для дальнейшего воздействия на него. Приведем пример:

The key to a *successful* draft campaign is to maintain an *aura of deep reluctance*... There are *sound* reasons that even a *deadlocked* convention might not see Ryan as a *unifying* figure. On policy, Ryan represents the opposite of Trumpism on the key issues of free trade, foreign policy, entitlements, and immigration (The New Yorker, 2016).

Здесь образный и оценочный потенциал эпитетов *successful, an aura of deep reluctance, sound, deadlocked, unifying, key* образует ассоциативный ряд, который создает яркие образы в подсознании адресата. Косвенными средствами актуализации авторского Я выступают и *разговорные формулы* (250 ед.), которые представляют собой стилистически сниженную, сленговую лексику и имплицитно воздействуют на адресата в том или ином контексте: (*big wheel* («босс»), *bust* («неудача, провал»), *odds* («шанс») *at-home mom* («мама-домохозяйка»), *in debt, up to the eyes* («по уши в долгах»), *scrape together* («наскрести денег») и др.).

На уровне синтаксиса частотны *вводные слова/конструкции* (564 ед.), которые выполняют оценочную функцию, а также выражают:

- уверенность/неуверенность говорящего (*surely, indeed, probably evidently, obviously, I guess/imagine/believe, it seems to me that, as I see it* и др.);
- авторские чувства и эмоции (*thankfully, happily, unfortunately* и др.);
- источник высказывания (*according to, they say*).

Синтаксической особенностью косвенного выражения авторского Я являются и *модальные глаголы* (480 ед.), актуализирующие обширный круг субъективно-модальных значений:

- прогноз, вероятность свершения событий (*would keep growing, wouldn't get needed, would be strained*);
- настоятельный совет, рекомендацию (*should try, should accept, should issue*);
- намерение и решимость (*will continue, will ban*) и др.

Косвенную передачу самых разных оттенков мыслей и чувств автора может выражать *повтор* (399 ед.). Приведем отрывок из очерка-повествования:

Jane Smiley: It's Funny What You Remember: *Surely*, relationships go on for years and the friends and family members we bump against and move along with seem mostly the same as always, and *indeed* when they change, we don't like it. But all of a sudden, and *just for a moment*, I glimpsed the whole of a single life, and *for that moment*, I loved him (U.S. News and World Report, 2011).

Здесь косвенное речевое воздействие на читателя достигается посредством синтаксических повторов *just for a moment, for that moment*, которые служат средством интенсификации значения высказывания. При этом вводные слова *surely, indeed* служат выражением субъективной модальности и создают эффект «навязывания» скрытого дедуктивного вывода. Более того, они служат особым «от-

влекающим маневром», создающим впечатление убедительности сообщаемого. Для очерка характерно и наличие **противопоставлений** (143 ед.), посредством которых автор использует оппозицию, основанную на контрасте значений, к примеру, *stress* (стресс) — *relaxation* (релаксация); *depression* (депрессия) — *general well-being* (хорошее общее состояние). Так, в следующем примере из рекламного очерка антитеза (*small enough — powerful enough*) позволяет создать эффект преимущества, уникальности, отличительной особенности товара:

Small enough to fit in any room and powerful enough to fill it with lifelike sound, the Wave Sound Touch connects to your existing home Wi-Fi network, so extra equipment is necessary to stream your music (Time, 2014).

Еще одним из наиболее частотных косвенных способов актуализации категории автора является **сравнение** (336 ед.), которое в рамках каждого типа очерка передает те или иные оттенки смысла. Сравнительные конструкции создают колорит и позволяют привлечь внимание читателя к тому, что является наиболее существенным в данном текстовом фрагменте:

The good news is that vibrant health is within our reach—and we don't have to turn our lives upside down to get it. Small changes, practiced every day, are *like money in the bank*: they add up — and pay us back with interest (Newsweek, 2008).

В данном случае посредством сравнения *like money in the bank* создается стилистическая окраска высказывания — в скрытой форме интерпретируется ироническая авторская оценка. Исследуемый материал демонстрирует наличие **вопросительных конструкций** (370 ед.), представленных главным образом риторическими вопросами, которые реализуют побуждение реципиента к действию — неназванному и имплицитному. В каждой конкретной ситуации это побуждение обусловлено особыми намерениями говорящего:

Do we use our wealth, influence and power for good, to help others and make the world a better place? (Newsweek, 2016). So who should the Labour party exist for? Thousands of members or millions of voters? (Newsweek, 2016).

Еще одним из распространенных косвенных средств является стилистическая **инверсия** (211 ед.), предполагающая преднамеренное нарушение сложившегося порядка слов с целью выделения смыслового/эмоционального компонента:

The goal of eating sanely is not to cut calories: it will happen naturally. *Nor is the goal* to cut protein, though again, you'll wind up eating less (Reader's Digest, 2009). *Nor is it* only the banks of Euroland's periphery who are suspects. Equally culpable are the banks of the core (Newsweek, 2011).

Так, отрицательные инверсионные выражения (с частицей *nor* в начале предложения) *nor is the goal*, *nor is it* придают сообщению скрытую негативную оценку произошедшего события. При анализе зафиксированы случаи применения **напратезы** (107 ед.), обладающей наряду с функциями добавочного сообщения и разъяснения, функцией авторской оценки:

The President could have solved this problem yesterday, by cracking heads—and selecting either the existing VA or Pentagon electronic records system. (*Believe it or not, the VA system*

is pretty effective but not up-to-date.) The problem of bureaucratic stagnation at the VA (*and throughout the rest of the government*) could be addressed as well. Think about the lazy clerks Bob Kerrey faced (Time, 2014).

Так, в представленном отрывке явление вставной конструкции *Believe it or not, the VA system is pretty effective but not up-to-date* представляет собой косвенную оценку показателей работы ведомства Министерства по делам ветеранов в США, которую дает автор: система достаточно эффективна (*pretty effective*), но не соответствует современным требованиям (*but not up-to-date*). Наличие парантезы *and throughout the rest of the government* подтверждает косвенное недовольство адресанта по поводу бюрократического застоя в министерстве и в остальной части правительства.

И наконец, косвенным средством репрезентации категории автора на уровне синтаксиса является *парцелляция* (123 ед.). По нашим наблюдениям, с помощью стилистического приема парцелляции автор вызывает у читателя эффект соучастия, оказывая на него эмоциональное воздействие:

So, um. Ladies. I think we need to talk about. Er. You know. Those things?... Don't worry. This is a health-science column, not a meeting of the 1922 Committee (The Spectator, 2016).

В данном случае посредством парцеллятов говорящий успешно вводит реципиента в предстоящую беседу для того, чтобы эффективно описать предстоящие события.

Необходимо подчеркнуть, что среди косвенных средств выражения авторского Я нами выделены *параграфические элементы* (315 ед.), которые служат эффективным способом передачи различных интенциональных состояний автора. Проанализировав тексты-очерки, мы выявили наиболее часто используемые средства передачи авторского намерения: смена шрифта (*When I saw the MY SNORING SOLUTION jaw supporter online*); выделение слов, в частности курсив (*What is it about humans that make us want to laugh when logically we should cry?*); графическая сегментация текста (*Italy's banks — too numerous, too small, undercapitalised and saddled with alarming levels of toxic debt — took the biggest hit*) и др.

Наглядность наиболее часто встречающихся косвенных маркеров актуализации категории адресанта по уровням языковой системы, количественные показатели, характерные для каждой группы языковых средств, их процентное соотношение отражены в табл. 2.

Результаты предпринятого анализа показывают, что репертуар косвенных приемов выражения Я говорящего в медийном очерке количественно вариативен. Синтаксический уровень занимает лидирующее положение по частоте встречаемости косвенных языковых средств (9 выразительных фигур) (табл. 2). Данный факт позволяет утверждать, что именно синтаксис обладает огромными стилистическими возможностями, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие смысловые нюансы и оттенки авторской мысли (подавляющее большинство повторов (94%), модальных глаголов (93%), инверсий (92%), сравнений (92%) являются косвенными средствами).

Таблица 2

Представленность косвенных средств репрезентации авторского Я

Косвенные языковые средства	Всего	Кол-во примеров с косвенными языковыми маркерами	Удельный вес, %
Морфология			
Наречия-интенсификаторы	1 165	1 165	100
Временные и пространственные дейкисы	472	213	45
Сравнительная степень прилагательных	325	179	55
Императивные предложения	520	26	5
Видовременные глагольные формы	248	96	38
Личные местоимения (<i>you</i> и др.)	1 325	324	25
Лексико-семантический уровень			
Эмоционально окрашенная лексика	348	348	100
Эпитеты	800	800	100
Метафоры	638	638	100
Оценочные прилагательные	1 231	1231	100
Разговорные формулы	380	250	65
Синтаксис			
Риторические вопросы	460	370	80
Вводные слова/конструкции	838	564	67
Противопоставления	211	143	67
Модальные глаголы	513	480	93
Повтор	421	399	94
Сравнение	362	336	92
Инверсия	229	211	92
Парантеза	151	107	70
Парцелляция	170	123	72
Графический уровень			
Параграфемы	618	315	50

В анализируемых текстах риторический вопрос также выступает как яркий стилистический прием косвенной вербализации категории адресанта (80% от общего количества), из чего следует, что в очерках эксплицированы признаки собственного диалога автора, учтен фактор адресата с целью воздействия на его восприятие. Установлено, что на лексико-семантическом уровне абсолютное большинство эмоционально окрашенной лексики, эпитетов, метафор, оценочных прилагательных (100%) являются эффективным средством имплицитной авторской заявленности в очерке. Следует также отметить, что на уровне морфологии одним из наиболее употребительных косвенных средств являются наречия-интенсификаторы (100%), которые не только помогают выявить имплицитное содержание ситуативного контекста, но и намерения говорящего, раскрыть его душевное состояние. И наконец, в медийном очерке обнаружены косвенные средства текстовой графики и пунктуации (50% параграфем от общего количества), являющиеся действенным средством отображения авторского скрытого «послания» и коммуникативного намерения.

Заключение

Современный англоязычный медийный очерк выступает как сфера преломления индивидуальных речевых особенностей адресанта. Согласно проведенному исследованию, говорящий наряду с прямыми языковыми маркерами активно

использует косвенные языковые средства, которые в количественном соотношении преобладают над прямыми. Авторской речи в медийном очерке в большей степени свойственно косвенное речевое воздействие. Будучи одновременно сообщениями и действиями, косвенные приемы выражения Я говорящего репрезентируют различные смысловые оттенки авторской речи, а также эффективно представляют выбранную им аргументацию и коммуникативную стратегию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Петрова Н.Е.* Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 155 с.

Для цитирования: Казимилова О.В. Особенности языковой репрезентации категории адресанта в медийном очерке // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 82—92.

THE PECULIARITIES OF THE ADDRESSER'S LANGUAGE REPRESENTATION IN THE MEDIA FEATURE ARTICLE

O.V. Kazimirova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
Moskovsky pr-t, 33, Vitebsk, Belarus, 210038

The article deals with the specific character of the addresser's category and his embodiment in the genre of media feature article. In particular, the repertoire of direct and indirect split-level linguistic markers of the author's ego representation is defined; their quantitative indicators, as well as lingvopragmatic characteristics are revealed.

Key words: addresser, media text, pragmatic purpose, language means, linguistic persuasion

REFERENCES

- [1] Petrova N.E. Jazyk sovremennyh SMI: sredstva rechevoj agressii. M.: Flinta: Nauka, 2011. 155 s. [Petrova N. Language of the modern mass-media: tools of the verbal aggression. Moscow: Flinta, 2011, 155 p.]

For citation: Kazimirova O.V. Osobennosti yazykovoj reprezentacii kategorii adresanta v medijnom очерке [The peculiarities of the Adresser's language representation in the media feature article] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 82—92. (In Russian)

СПЕЦИФИКА И ФУНКЦИИ МИФОДИЗАЙНА В СОВРЕМЕННОМ PR-ДИСКУРСЕ

Д.А. Казиева

Межрегиональная распределительная компания Северного Кавказа
ул. Подстанционная, 13А, Пятигорск, Россия, 357400

В статье рассматривается когнитивная структура PR-дискурса, которая характеризуется функционированием в ее координатах процессов символизации и мифологизации, что наиболее репрезентативно в продуцировании имиджа и бренда. Эти феномены представляют собой культурные тексты, для которых обязательно наличие символического языка, а также социо- и лингвокультурная символика в целом. Символизация и мифологизация манифестирована на всех уровнях PR-дискурса, репрезентирует его синергетический характер, что обусловлено его символической, текстуальной и коммуникативно-диалогической природой.

Ключевые слова: PR-дискурс, символизация, мифологизация, бренд, лингвокультура, имидж, медиадискурс, лингвокогнитивная структура

Введение

Все виды дискурса представляют собой знаковые системы, а значит, могут быть подвергнуты семиотическому структурному анализу. Общая структурная и лингвопрагматическая модель PR-дискурса позволяет объединить в едином теоретико-методологическом комплексе коммуникативный, кратологический и семиотический подходы к его изучению. Очевидно, что PR-дискурс включает три структурированные конструкции: структуру коммуникации, структуру властных отношений, структуру семиотической системы. Данное единство возможно непротиворечиво описать с позиций представления о PR-дискурсе как символическом капитале. Указанный ракурс позволяет ввести в нашу исследовательскую концепцию два важнейших понятия, характеризующих PR-дискурс, — *символизация и мифологизация*.

Наиболее ярко символизация и мифологизация в когнитивной структуре PR-дискурса проявляются в процессе создания имиджа и бренда. Не вдаваясь в подробности пиарологической практики, остановимся здесь на прагмалингвистических и лингвокогнитивных особенностях данных PR-процессов. Реальный прототип «срачивается» в дискурсе имиджа с моделируемым образом для достижения суггестивного эффекта: целевая группа должна поверить в создаваемый имидж, представив его в конкретных пространственно-временных координатах. Брендинг основывается на маркировании конкретного товара путем выделения его специфических черт на фоне других, однородных ему. Тем самым бренд способствует реализации коммуникаций производителя и потребителя и, как следствие, продуцирует новые знания, которые к тому же эмоционально окрашены. В создании бренда символизация и мифологизация также имеют важное значение ввиду того, что продукту приписываются какие-либо качества, потребитель воспринимает

совокупность функциональных и эмоциональных элементов, образующих представление о товаре/услуге в ассоциативном единстве с товаром/услугой.

Лингвокреативный потенциал PR-дискурса

Эмпирические наработки в сфере социологии коммуникаций позволяют рассматривать лишь одну сторону бренда в координатах PR-дискурса — его лингвокогнитивный и смыслообразующий потенциал, что, однако, лишает нас возможности комплексного изучения данного феномена. Отметим в этой связи, что бренд воздействует на языковую картину мира весьма значительно, поскольку оформляет традиционные смыслы и ценности в инновационные когнитивные структуры. Важнейшие социокультурные функции бренда позволяют ему позиционировать и индивидуализировать стиль жизни потребителя, выступая при этом способом манифестирования идентичности и социальной стратификации. Безусловно, бренд в контексте PR-дискурса позволяет продемонстрировать принадлежность человека к конкретной референтной и социально значимой группе, символически оформляя ее систему ценностей.

Очевидно, что в системе социокультурных коммуникаций брендинг может оказывать и негативное влияние: например, бренд способен изменить структуру и мотивацию потребления современного человека, вследствие чего значимость приобретают символические формы, «оболочки» предметов и товаров, а не сами их свойства и функции.

Лингвокогнитивная структура бренда в составе PR-дискурса содержит в качестве определяющего *культурно-символический компонент*, роль которого неизмеримо возрастает последние три-четыре десятилетия в тесной связи с усилением роли процессов национальной идентификации и самоидентификации личности. Бренд как мощный ресурс PR оказывает влияние на традиционную аксиологическую систему, что в целом оказывается деструктивным влиянием на систему культуры. Тем не менее нельзя игнорировать и креативно-онтологические возможности бренда, которые значимы для нашей исследовательской концепции.

Центр единого символического пространства бренда составляет семантическое ядро, образованное ценностными ориентациями PR-дискурса, что позволяет уточнить и дополнить отдельные признаки данного лингвокогнитивного конструкта. Представляя собой определенную модификацию образа, бренд является средоточием креативно-коммуникативных возможностей и социокультурных смыслов, отражая во многом лингвокультурную специфику PR-дискурса. Бренд — незамкнутая поливариативная система, смыслы которой в контекстуальном взаимодействии углубляют свою семантику, синкретичная структура бренда (сочетание вербальных и невербальных средств — цвет, графика, персонифицированные атрибуты) определенным образом воздействует на целевые группы, важные для компании.

Лингвокреативные возможности символизации в структуре PR-дискурса реализуются посредством синергии его элементов, коммуникативно-прагматический потенциал формируется посредством включенности бренда в семантическое пространство культурных кодов. Способность бренда к продуцированию харак-

теристик потребителя и как объекта PR-дискурса, и как субъекта социума (носитель определенной аксиологической системы, стиля и смысла жизни) объективирует собственно креативный потенциал бренда. Такой ракурс позволяет понимать под брендом конкретный способ позиционирования, индивидуализации стиля жизни, средство национальной и личностной идентичности и социальной стратификации. Идентичность приобретает объектом PR-дискурса как результат воздействия на него заданных параметров стандартизации брендов, что, в свою очередь, формирует осознанную корректировку социально-ролевого статуса. В семантическом пространстве PR-дискурса ассоциирование объекта с брендом приобретает экзистенциальный характер в плане индивидуализации и позиционирования стиля жизни. Бренд также способствует осуществлению социальной стратификации посредством интеграции конкретных сообществ, консолидированных в реальном / виртуальном социо- и лингвокультурном пространстве. С таких позиций символизация в структуре PR-дискурса предстает как основная сила социопродуцирования, т.к. бренд способен объединить личности в межличностные группы, что, в конечном счете, позволяет компенсировать дефицит социальных связей личности в постиндустриальном информационном обществе.

Культурно-символический капитал PR-дискурса позиционируется как формирование устойчивости его образов за счет их включения в коммуникативное пространство носителей конкретной лингвокультуры и экспликации их совокупной аксиологической системы. Кроме того, бренд как частный случай PR-дискурса вписан в координаты системы ценностей, фактически становясь одним из ее носителей. Это происходит потому, что бренд наделяется символической функцией транслирования идеалов и ценностей (свобода, семья, любовь, материальное благополучие, успех, признание и пр.). PR-дискурс подчиняет жизнь индивида и общества бренду как целенаправленно созданному образу субъекта PR-коммуникации, стереотипы восприятия и поведения, в том числе коммуникативного, объективируют символическое пространство бренда и формируют доверие личности/группы к нему, вовлекая бренд в аксиологическую систему.

Мифологизация и мифодизайн

Мифологизация PR-дискурса детерминирована современным состоянием социокультурного пространства, в котором в центр поставлены бренды. Бренды воплощают мечты и надежды, представления людей о самих себе и окружающем мире, манифестируя, прежде всего, обещания реализации желаний. Поскольку в основе любого мифа — от архаического до индивидуального — лежит представление о должном, миф PR-дискурса и бренда в частности основывается на легенде об уникальности товара/услуги/организации и т.п. Мифологизация данного объекта состоит в его репрезентировании как магического артефакта, пользование услугой, предоставляемой компанией, либо принадлежность к персоналу/клиентуре организации трактуется как обретение потребителем мифической силы, способствующей воплощению мечты в реальность. Сообщение PR-дискурса состоит именно в реализации мифологической функции, которая в предшествующей

щие эпохи возлагалась на религию и идеологию. Бренд как миф массовой культуры (симулякр) имеет довольно простую структуру содержания мифологического мессиджа.

Мифологизация осуществляется посредством привлечения известных людей, знаменитостей, авторитетных лиц, создания событий и новостей, а собственно PR-кампания начинается в тот момент, когда мифология бренда товара/услуги/организации окончательно сформирована в сознании потребителей.

Безусловно, конечной целью мифологии является не только и не столько повествование о созидательных деяниях богов и героев, сколько описание различных, иногда драматичных, выходов *священного* в мир (обыденного). Такие «прорывы» сакрального фиксируются посредством повторяемости ритуалов, церемоний, праздников. Любой миф стремится к отражению реальности в целом или фрагментарно, что в конечном счете объясняет происхождение и сущность вещей («почему» всегда встроено в «как»).

Трактовка PR-дискурса как символического капитала позволяет установить ряд признаков, расширяющих наше представление о нем. Как основное понятие политэкономии, капитал является категорией, обозначающей процесс самовозрастания стоимости / ценности посредством инвестирования все в новые средства производства, что, в конечном счете, способствует его превращению в товар и деньги. По К. Марксу, движение и возрастание капитала тесно связано с совокупностью классовых противоречий, которые обнаруживают неэквивалентность обмена между пролетариатом и буржуазией [6]. Политическая экономия знака Ж. Бодрийяра строится по аналогии с марксовской: символический капитал является ее движущей силой, а символический обмен — основным видом обмена [1].

Возникновение и функционирование социальных мифов диктует обращение к инновационному понятию мифодизайна как проектированию мифов, созданию образов мифа, изучению его логики, формы и содержания посредством конкретных технологий. С. Быков дает следующее определение мифодизайну: это «способ организации информации, в ней должна присутствовать структура, она должна быть организованной и гармонично спланированной. Тогда состоится контакт с аудиторией. Мифодизайн — это предвидение, управление и удовлетворение потребностей потребителей посредством коммуникации» [2].

Естественно, мифодизайн позволяет продуцировать различные структуры, в том числе бренды. Специфика мифодизайна и его функции детерминированы, прежде всего, особенностями и целями создателя мифов, который должен обладать психологическими знаниями в части понимания настроений и желаний потребителей, а также реализовать свой творческий потенциал в плане продуцирования этих настроений и желаний. Мифологизация PR-дискурса проявляется, прежде всего, в его способности к трансляции определенного сообщения — текста, имеющего поликодовую структуру. Текст апеллирует к целям, мотивам, ожиданиям адресата. Миф и текст составляют, в конечном счете, основу структуры любого PR-сообщения. Миф придает достаточную суггестивную силу имиджу и бренду, при этом сама их структура имеет мифологический характер. Фактически

имидж становится репрезентацией мифа, каким его может и хочет принять социум, а особо действенными оказываются механизмы брендинга, для которых приоритетно понимание целевой аудитории, ее мотивов, потребностей, желаний и проблем.

В современном мире PR-дискурс составляют важную часть медиадискурса. Это, в свою очередь, детерминирует активное проникновение в структуру PR-дискурса стереотипов и компонентов аксиологической системы общества массовой культуры и массового потребления. Риторическим идеалом такого социума признается дискурс успеха как стереотипный набор атрибутики успешного человека или успешного предприятия. Кроме того, к данному виду дискурса можно отнести многочисленные публикации, курсы и тренинги, которые нацелены на обучение методикам достижения успеха в конкретной области, пособия и курсы по менеджменту (репутационный менеджмент, тайм-менеджмент и др.) и лидерству.

Заключение

Мифологизация успешности происходит в настоящее время благодаря воздействию на целевые группы ТВ, рекламы, Интернета, глянцевого журналов, которые транслируют стереотипные имиджи успешности. PR-дискурс также ориентирован в конечном счете на продуцирование мифологемы успешности, которая при взаимодействии с различными сферами жизнедеятельности носителя лингвокультуры приобретает дополнительные семантико-прагматические характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М.: Библион-Русская книга, 2003. 272 с.
- [2] Быков С. Интервью // «NZ. Навстречу звездам». 2007. № 47.
- [3] Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
- [4] Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007. 520 с.
- [5] Караулов Ю.Н. Национальные образы сознания в ассоциативной структуре слова // Национальный менталитет и языковая личность: сб. науч. тр. Пермь, 2002. С. 3—17.
- [6] Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 т. / пер. И.И. Степанова-Скворцова. М.: Гос. изд-во полит.лит., 1950. 952 с.
- [7] Ольшанский Д. Политический PR. СПб.: Питер, 2003. 540 с.

Для цитирования: Казиева Д.А. Специфика и функции мифодизайна в современном PR-дискурсе // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 93—98.

SPECIFICS AND FUNCTIONS OF MYTH DESIGN IN CONTEMPORARY PR-DISOURSE

D.A. Kaziyeva

«Interregional Distribution Grid Company of Northern Caucasus»
Public Joint-Stock Company
Podstancionnaya str., 13A, Pyatigorsk, Russia, 357400

The article deals with the cognitive structure of PR-discourse, which is characterized by its coordinates in the functioning of the process of symbolization and mythologizing that the most representative in the production of image and brand. These phenomena are cultural texts for which the obligatory is the presence of a symbolic language, as well as socio-cultural codes and symbols in general. Symbolization and mythologization take part at all levels of PR-discourse, these tools represent the synergistic nature, because of its symbolic, textual and communicative-dialogical essence.

Key words: PR-discourse, symbolization, mythologizing, brand, linguistic culture, image, media discourse, linguo-cognitive structure

REFERENCES

- [1] Bodrijar Zh. K kritike politicheskoj jekonomii znaka. M.: Biblion-Russkaja kniga, 2003. 272 s. [Baudrillard J. Contribution to the Critique of Political Economy of Sign. Moscow: Biblion-Russian Book, 2003. 272 p.]
- [2] Bykov S. Interv'ju // «NZ. Navstrechu zvezdam». 2007. № 47. [Bykov S. Interview // «NZ. Towards the stars». 2007. № 47].
- [3] Gal'perin I.R. Tekst kak objekt lingvisticheskogo issledovanija. M.: Nauka, 1981. 139 s. [Galperin I. Text as an object of linguistic research. Moscow: Science, 1981. 139 p.]
- [4] Karasik V.I. Jazykovye kljuchi. Volgograd: Paradigma, 2007. 520 s. [Karasik V. Language keys. Volgograd: Paradigm, 2007. 520 p.]
- [5] Karaulov Ju.N. Nacional'nye obrazy soznaniya v asociativnoj strukture slova. Nacional'nyj mentalitet i jazykovaja lichnost': sb. nauch. tr. Perm', 2002. S. 3—17. [Karaulov Yu. National images of consciousness in the associative structure of the word. National mentality and linguistic identity: Scientific Papers. Perm: State University, 2002, pp. 3—17.]
- [6] Marks K. Kapital. Kritika politicheskoj jekonomii. V 3 t. Per. I.I. Stepanova-Skvorcova. M.: Gos. izd-vo polit. lit., 1950. 952 s. [Marx K. Capital. Critique of Political Economy. In 3 volumes / Trans. by I. Stepanov-Skvortsov. Moscow: State Publishing of Political Literature, 1950. 952 p.]
- [7] Olshanskij D. Politicheskij PR. SPb.: Piter, 2003. 540 s. [Olshansky D. Political PR. St. Petersburg: Peter, 2003. 540 p.]

For citation: Kaziyeva D.A. Specifika i funkcii mifodizajna v sovremennom PR-diskurse [Specifics and functions of myth design in contemporary PR-discourse] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 93—98. (In Russian)

РУССКАЯ И РУССКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОБУЧЕНИЯ

АРХЕТИП «ДОМ» В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КАЗАХСТАНА

А.С. Афанасьева

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
пр. аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

Анализируется один из базовых архетипов мировой культуры — «дом». Несмотря на универсальность указанной единицы, константным является только семантическое ядро архетипа, в то время как дифференциальные семы структуры варьируются в зависимости от географии «бытования». Выводом работы становится предположение, что в условиях этнически гетерогенного общества архетипы подвергаются процессу контаминации, гибридизации различных ментальных «слоев». Материалом статьи послужили тексты русскоязычных писателей Казахстана: И. Шухова, Г. Бельгера, А. Жаксылыкова и др.

Ключевые слова: архетип, русскоязычная литература Казахстана, модели мира

Введение

Мы изучаем архетипы как константные элементы мировой культуры, несущие в себе универсальные знания человека о мире. Эти знания закладывались в ядро архетипа через многовековую повторяемость некоего исторического опыта, переживаемого *Homo Sapiens* еще с архаической стадии его существования. Несмотря на изменения исторического контекста, архетип как единица ментальности несет в себе «оттиск» первоначальных коллективных представлений.

Первоначальные условия существования людей были схожи вне зависимости от ареала их обитания. Представители рода формировали общины, способствующие выживанию всего коллектива. Члены общины воспринимались как свои, т.е. не несущие угрозы, участвующие в совместном процессе жизнедеятельности. В то же время чужие, приходившие издалека (причем расстояние в этом случае относительно, так как «далеким» воспринималось любое пространство вне поля зрения), подсознательно становились плохими, врагами.

Борьба с чужими ради блага своих заложена в одном из древнейших архетипов — «свой круг», который представлен также как оппозиция «свой vs чужой» (вспомним отрицательное отношение к чужаку в литературе — фольклорной падчерице, средневековому образу иноверца и т.д.).

В архетипе заложена изначальная ценностность, не всегда совпадающая с современной оценочностью. Например, борьбе добра со злом предшествовали процессы гармонизации (упорядочивания) и разрушения (энтропии) мира, которые были лишены оценочных смыслов и воспринимались как закономерные стадии его существования.

Итак, понятие «архетип», известное со времен позднеантичной философии и получившее научный статус в трудах швейцарского ученого-психоаналитика К.Г. Юнга, — это «наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества» [4].

Выстраивая вертикальную временную ось культуры, мы обнаружим, что архетип (или понятия, приближенные к архетипу на уровне концептуального обобщения) начал осознаваться человеком еще во времена античности. Его понятийная вертикаль могла бы выглядеть так:

— эйдосы Платона как «предзамыслы» материальной вещи, ее совершенные метафизические дубликаты; прообразы и истоки всего, чему должно воплотиться. Качества эйдоса — постоянство и «чистота»;

— семена-зародыши Анаксагора, содержащие в себе будущую возможность «всего»;

— комплексы атомов Эпикура, предвещающие всякое чувственное впечатление.

— «семена разума» школы стоицизма;

— гиперонимы Аристотеля;

— изначальные универсалии (Бонавентура, Св. Августин, Дж. Бруно, Лейбниц, Декарт и др.);

— мифологии и символы (Кэмпбелл, Дюран, Фрейд, Уилрайт, Фрай и т.д.).

Отметим, что отечественная наука активно развивалась в платоновском «идеалистическом» ключе, что обусловлено самой природой познаваемого объекта — душой народа. Задолго до формирования научно-методологического подхода к изучению архетипа русской историософией были выработаны собственные смежные понятия, такие как «аватара» (Ап. Григорьев), «историософская схема» (В. Одоевский), «софиология» (В. Соловьев), «первичные символы» (П. Флоренский), «устойчивый мотив» (А. Веселовский).

«Дом» как пространственный архетип

В начале XX в. наметился серьезный сдвиг от историоцентрической парадигмы к парадигме пространственной (начало положено Х.Д. Макиндером). Пространство — особая категория в жизни человека, всесторонне им осмысляемая, перманентно наполняемая ценностным содержанием. Это все, что находится вне индивидуума и требует освоения — материального и ментального, духовного и нравственного.

Границы вселенной расходятся от человека; он и является точкой отсчета в пространстве. Ближайший к человеку круг — предметы, с которыми он соприкасается физически (части тела, одежда). Второй круг — ближайшее окружение, дом. У дома есть границы (окно, порог), но сам он ассоциируется с исключительно своим пространством. Это значение аккумулировано в самом ядре исследуемого архетипа.

Архетипы — универсальные образы, которые заложены в нашем разуме. Древние люди воспринимали мир как систему противопоставлений (день-ночь, верх-низ, добро-зло). Подобные оппозиции затронули все категории человеческого бытия: время, пространство, жизнь в обществе. Мифопоэтическое мышление стало одной из форм концептуализации действительности.

Изначально мир был непознанным, следовательно, таил в себе множество опасностей. Чтобы освоить мир, т.е. сделать его своим, человеку предстояло парцелировать (расчленив) его, чтобы затем воссоединить заново. То, что помогало людям в процессе исторического выживания, боготворилось (солнце, небо, весна, лето, тепло, земля). От враждебных стихий нужно было укрыться. Убежище, центром которого был очаг (а позднее и алтарь), предоставило человеку возможность выживания. Поэтому в структуре архетипа «дом» присутствуют противоположные элементы:

- герметичность (замкнутость, закрытость) дома vs открытость внешнего пространства;
- безопасность, освоенность внутреннего мира vs враждебность, непознанность внешнего;
- статичность места vs динамичность субъекта по отношению к месту (уход, приход);
- наличие дома (приют, убежище) vs отсутствие дома (бесприютность, бездомность, скитальничество);
- свое пространство (и окружение) vs чужое пространство (и окружение).

Архетип «дом» выражает идею безопасности, укрытия, возможности выживания. Это пространство, освоенное человеком в полной мере, место, которое делят между собой люди, связанными кровными или духовными узами.

Дом как архетип — это еще и маркер самоидентификации как личности, так и целого социума, который свидетельствует о принадлежности к конкретному кругу. На протяжении многовековой истории рассматриваемый концепт обрел дополнительные значения и стал восприниматься как семья, родина, мир. Концепцию самого мира должны были репрезентировать человеческие жилища, как отмечает известный исследователь [1]. Так, юрта кочевников — это и идея мировой горы, и «ось мира» (Железный Кол), и круговое восприятие внешнего пространства (ср., например, с кубообразным жилищем земледельцев, для которых мир расходится на четыре стороны света).

Архетип «дом» и тюркская (евразийская) модель мироздания

Как упоминалось выше, структура жилища — это структура самого мироздания, уменьшенная копия вселенной в том виде, в каком представляли ее наши предки. Моделью мироздания кочевников является юрта. С чем это связано?

Кочевники Великой Степи считали, что жизнь — это постоянное движение. Вращается вечное Небо (Тенгри); вращается и сама земля (Умай), окруженная горной грядой Алтая. И Небо, и Земля воспринимались в циклическом (круговом) ключе: на «круглую Умай» наложено «куполообразное» Тенгри. С Небом в жилище кочевников символически связан шанырак, «вершина, устремленная к Тенгри».

Тенгри и Умай — верховные божества общетюркского пантеона, реализующие мифологические представления о Синем Небе и Бурой Земле. Тенгри — активная оплодотворяющая сила, Умай — пассивная и плодоносящая. Между ними расположен Срединный мир, населенный всеми живыми существами. Троичное деление мироздания воплощено в самой идее жилища кочевников. Оно круглое, как вращающаяся земля; его основание сопричастно земле, а купол шанырака обращен к небу.

Юрта — вертикальная проекция Мировой Горы и Мирового Древа, которые в мифологическом сознании номадов были синкретически связаны в едином архетипе мироздания. Евразийская архитектура старалась воплощать этот метаобраз в строениях разного функционального назначения. Внутреннее пространство юрты монолитно и неделимо. Ее пол и стены покрыты войлоком, т.е. живым природным материалом. Номадам было важно ощущать связь с теплокровными формами жизни, поэтому животные окружали кочевников и после своей смерти, превращаясь в элементы одежды и убранства юрты.

Как заметил М. Ауэзов, «кочевья — это отходы и возвращения» [1. С. 17]. Кочевники не были привязаны к конкретному пространству; они осваивали землю сообразно циклам природы. «Взгляд кочевника устремлен *поверх земли, вширь и ввысь*», — пишет Г.Д. Гачев [1. С. 30]. Поэтому земля номада «непаханая», это «даль» и «ширь».

Кочевники — подвижный коллектив, осуществляющий свои перемещения вместе со стадом. Отсюда — осознание тесной связи с животным миром, его обожествление. В особенности это касается коня — существа, нередко ценимого превыше человека и воспринимаемого номадом как продолжение собственного существа. Конь в тюркской культуре — это еще и посредник между человеком и природой, как бы «приподнимающий» кочевника «от земли». Благодаря коню всадник высится над пешим, следовательно, занимает высшее социальное положение (ср.: быть на коне, быть на высоте — свидетельства жизненного успеха индивида).

О сакральной важности коня в культуре казахов свидетельствуют многие факты. Например, в казахском языке существует более пятидесяти эпитетов, характеризующих самые разнообразные качества коня (лошади), начиная с внешних его признаков и заканчивая возрастом, функцией в табуне и пр. «Тот не джигит, кто ни разу не сидел на коне» — гласит казахская народная поговорка, выполняющая функцию предписания и устанавливая гендерную норму поведения в этноколлективе.

Конь — это еще и символ высшего мира и высшего разума (неслучайно мифический тулпар обладает крыльями). Во всех эпических памятниках древности конь для батыра — не просто средство передвижения; это мудрый наставник и

друг, наделенный даром человеческой речи. Вспомним вещего Байчубара, спутника легендарного героя Алпамыса; Тарлана, верного друга батыра Ер-Таргына; мудрого Тайбурыла, направляющего Кабланды. Семантически важно, что конь в приведенных эпических поэмах сравнивается с солнцем, огнем, пламенем. О коне Алпамыса сказано, что он «и дрожит, и горит огнем, / И свечой над землей встает, / Алпамыса зовет в поход». Конь — это солярный символ и символ памяти, связи с предками.

Следование за животным (стадом) делает «подвижный коллектив» ведомым; животное же воспринимается как «природный учитель», предок. Главной «скрепой» кочевничьего сообщества является кровь, поэтому семейные узы очень прочны, а родство признается важнейшим из ценностных понятий. Отсюда по сей день сохранившееся предписание помнить своих предков до седьмого колена. Кочевники — единое монолитное тело, для которого земля — не «родина-мать», а божественная бесконечность.

Центром мира для номадов-казахов является священная земля предков — Атамекен (родовой некрополь), затем постоянная общинная зимовка (кыстау), перифериями же выступают весенник (жайляу), летовка (жаздык), осенник (күздеу). В связи с такой диспозицией бытия основной линией перемещений номада неизбежно выступает откочевка, когда юрта переносится с собой (центр же мира остается на земле предков). В эпоху военных экспансий кочевников (монголов, тюрков) качественным центром мира для них всегда оставалась священная земля предков — Каракорум, Отыкен, Атамекен и т.д.

В казахской национальной картине мира есть базовые концепты, транслятивная сила которых ощутима и сегодня. Это концепты «степь», «конь», «полынь». Как видим, они организованы в единую тематическую группу. Это своего рода ценностно-смысловое поле, имеющее непосредственное отношение к архетипу «дом».

Неудивительно, что современная казахстанская литература актуализирует данные концепты на всех уровнях художественного воплощения. Так, например, цикл стихотворений А. Хасанова назван «Веточка полыни». У Р. Насырова есть очерк «Ветка дармины», у Д. Исабекова — повесть «Полынь», у С. Муратбекова — «Горький запах полыни», у Д. Досжанова — «Полынь и цветы», у М. Симашко — «Емшан» (тюркское название полыни). Для степняка ее запах и горек, и сладок; она призвана напоминать о самом важном в жизни номада. Так, герой повести Д. Досжанова «Полынь и цветы», старый Дос, на «полынном ковре» вспоминает пору своей юности, триумфальную и трагическую одновременно. Победа на байге оборачивается для него гибелью молодой жены и потерей верного скакуна.

Степь осмысливается казахстанскими прозаиками как факт духовного порядка и наделяется в казахской литературе чертами неповторимой человеческой личности. Она многообразна и пестра (ала), величественна и сурова, благодатна и беспредельна. На протяжении истории, связанной с Человеком, Великая степь была и свидетельницей, и участницей грандиозного кочевья, которое в казахской (как и в общетюркской) культуре носит значение не просто внутренней миграции, но священного ритуала. Одолеть пространство степи невозможно было без коня,

бег которого приравнивался к полету птицы. Степное расстояние принято было измерять ходом лошади. 5 км — это «бег жеребенка», 10 км — «бег стригунка», 35 км — «бег коня».

Иппический мотив — знаковый для казахской культуры. Он воспроизводит важнейшие аксиологемы этноса. Священные игры казахов, призванные испытать судьбу джигита, проявить его ловкость и смекалку, связаны с верховой ездой, например, байга, кокпар, кыз-куу.

Мотив поклонения коню устойчив в литературе; он реализован в так называемом иппическом жанре (ср. повести, рассказы, стихотворения и поэмы казахстанских авторов: «Кулагер», «Аргамак», «Наездник», «Степной кентавр», «Рыцарь в седле», «Кокпар», «Одинокий», «Судьба скакуна», «Призовой бегунец», «Белый конь», «Всадник на белом коне», «Поклонитесь коню» и т.д.).

Степной конь — архетипический образ, связанный с самим жизненным укладом казахского народа. Для современных казахстанских писателей иппический концепт — не просто черта историзма и не только символ свободы. Это коррелят этнической памяти, которую не может заглушить индустриальный грохот нового времени. Д. Досжанов пишет:

Какой настоящий казах может прожить без коня? Все оглушены машинным гулом. Разве могут они понять призывное ржание коня, или волнение в его крови, когда он вытирает потное лицо о гриву коня? И разве можно изменить вдруг этим извечным спутникам человека?

Характерный пример находим в романе И. Шухова «Горькая линия», когда один из героев, Ералы, обращается к своему жеребенку:

— Мой хороший, золотой мой стригун Бала! Ты совсем у меня настоящий скакун. У тебя крепкие белые зубы и черный ремень на спине. Ты у меня умнее беркута — самой мудрой птицы. Ты у меня быстрее тушканчика — самого быстрого степного зверька. Злые белые скакуны бая Альтия глупы, как рыбы. Я люблю твои веселые большие глаза. Я люблю тебя, мой тулпар! [3]

Со сменой исторического формата изменился и сам уклад жизни казахов. Место великого кочевья заняла земледельческая оседлость, однако полная мировоззренческая трансформация в данном случае невозможна. Несмотря на то, что кочевье как хозяйственно-географический и ритуально-символический факт почти на всей территории Казахстана ушло в прошлое, оно же заложило основы этнической психогенетики. И по сей день казахскому народу свойственно панорамное видение мира, широкая коммуникативная дистанция с другими народами, циклическое восприятие и времени, и пространства.

Современный Казахстан — один из наиболее крупных поликультурных центров. Он обладает устойчивым ядром национальной автоидентификации. Это значит, что каждый из ментальных слоев проживающих в Казахстане этносов испытывает на себе влияние казахской картины мира — и частноязыковой, и общекультурной. Подобные транскультурные общества С. Рушди называет «областями перекрестного опыления».

О важной роли межкультурного диалога пишет и К.К. Султанов: «Опыт каждой национальной литературы, проходящей свой путь от Дома к Миру, позволяет

выделить типологически значимую тенденцию: интенсивность процесса национальной и личностной самоидентификации активизирует потребность вхождения в расширяющийся контекст межкультурного диалога» [2. С. 4].

Закономерна в этом случае как «контаминация картин мира» (А.Б. Туманова), так и формирование «концептов-кентавров», вбирающих в себя черты разных культур и ментальностей. Таким «архетипом-кентавром» является «дом», представленный в творчестве И. Шухова, Г. Бельгера, А. Жаксылыкова.

При этом всей русскоязычной литературе Казахстана свойственна транскультурная «чуткость», метаощущение промежуточности, транзитности пространства, определение «экзистенциального статуса» героя как детерриторизированного индивида.

В предпринятом исследовании архетип «дом» соотнесен с конкретным пространством, его судьбой, онтологической ролью в современном мире — с Казахстаном, который и является репрезентантом концептуальной пары «дом — бездомье (родина — чужбина)» в творчестве таких писателей, как И. Шухов, Г. Бельгер, А. Жаксылыков. Отметим, что нас интересует не географический субъект, но структурно-семантический комплекс, позволяющий осмыслить край как явление семиосферы. Благодаря творческой интенции писателя рождается новая реальность места. Под действием этой конструктивной силы пространство преобразуется, получает, помимо физического, метафизическое основание.

Пространство существует во времени, которое и задает ему существенность перспективой конечности всего материального. Время — это непрерывное становление. И, как и пространство, оно может быть своим и чужим, что демонстрируют в своих произведениях казахстанские писатели.

Архетип «дом» вбирает в себя как пространственный, так и временной компоненты. Справедливо было бы сказать, что данный концепт обладает хронопическим содержанием.

Именно время задает пространству ключевые характеристики восприятия и, следовательно, оценки. «Дом» как объект материальный (жилище, строение, сооружение) и как объект пространственный (город, край, местность, страна), как метонимический перенос (в значении «народ», «соотечественники» и т.п.) и как метафора («родина») видоизменяется и обретает свои функции только сквозь призму времени. Вне времени не может быть и осмысляемого пространства.

Человек существует в историческом времени. Оно же участвует в понимании, осмыслении того пространства, в котором обитает тот или иной коллектив. Историческое время имеет собственную векторность, перманентную устремленность в будущее. И хотя оно предполагает конечность всего живого, становятся возможными такие составляющие времени, как преемственность и память.

Категория памяти очень важна для казахстанских писателей: благодаря ей происходит моральная оценка как отдельных людей, так и целых наций. С позиций прошлого нередко оценивается современность, и в этом отношении возникает парадоксальная ситуация: герои воспринимают прошлое как свое время, а настоящее — как чужое, в котором им нет места. Подобную инверсированность восприятия изображают многие авторы. Например, Г. Бельгер в романе «Туюк су»

реализует мотив потерянности во времени через субъектную пару Жаймурза — Кумис. Их прошлое исполнено благородного труда, каждодневной и честной работы, быта, организованного в соответствии с традициями предков. Настоящее дезориентирует их: они не в силах осмыслить крушения поведенческих канонов (так, новость о том, что старшая дочь, Айман, сожительствует с мужчиной, становится для них потрясением); аннигиляции прежних норм поведения (молодые не уважают старых); социальной травестированности, когда воры и лжецы почитаются согражданами как герои, а честные люди осуждаются за собственную «нерасторопность». Симптоматично, что похожие мотивы мы находим и в цикле А. Жаксылыкова «Сны окаянных», где молодые люди, нынешние «дельцы», названы «вчерашними дон-кихотами»

Жаксылыков также повествует о прошлом, которое лучше настоящего. Один из героев цикла, Старый и вечно одинокий, рассказывает детям о легендарной эпохе — о Золотом веке, когда люди жили в мудрости и благоденствии. Нынешнее же время — железный век — обезличило целые народы, превратив их в механизмы огромной и безразличной системы.

Заключение

Действительность изображается казахстанскими авторами многомерно. Прошлое включено в настоящее, находясь с ним в непрерывном диалоге. Немаловажную роль в формировании хронотопа играет включение в него архетипических комплексов. Их внедрение в текст сообщает ему «извечность» выдвигаемых проблем. Кроме того, происходит «расширение границ пространственно-временного континуума» (А.Б. Темирболат), когда герои оказываются в точке скрещения реального и ирреального миров.

Таким образом, «дом» правомерно рассматривать как пространственно-временной архетип. Именно время видоизменяет пространство, направляет человеческие судьбы, формирует отношение людей к действительности.

Несмотря на то, что архетипы как коды культуры универсальны, архаические реликты культуры всегда содержательно наполнены опытом нации. Но что, если сама нация гетерогенна по этническому составу? Именно в этом отношении интересны произведения, выбранные нами для анализа: все они написаны на «перекрестке культур» и позволяют панорамнее увидеть связи между «своим» и «чужим».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия — комос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
- [2] *Султанов К.К.* От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- [3] *Шухов И.* Горькая линия. <http://www.100bestbooks.info/txt/?act=89&page=121>
- [4] ш. Структура психики и архетипы. М.: Академический проект, 2015. 328 с.

Для цитирования: Афанасьева А.С. Архетип «дом» в русскоязычной литературе Казахстана // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 99—107.

ARCHETYPE “HOME” IN RUSSIAN-SPEAKING LITERATURE OF KAZAKHSTAN

A.S. Afanasyeva

Kazakh National University of al-Farabi
pr. Al-Farabi, 71, Almaty, Kazakhstan, 050040

The purpose of this article — the analysis of one of the basic archetypes of world culture — “HOME”. Despite the universality of this unit the only constant is semantic core of the archetype, while the differential senses of this structure vary depending on the geography of “existence”. The conclusion of the work becomes the assumption that in the context of ethnically heterogeneous society archetypes undergo contamination of the process of hybridization of different mental “layers”. The material of the article is based on the texts by the Russian-speaking writers of Kazakhstan: I. Shukhov, G. Belger, A. Zhaksylykov and others.

Key words: archetype, Russian-speaking literature, models of the world

REFERENCES

- [1] Gachev G.D. Nacional'nye obrazy mira. Evraziya — komos kochevnika, zemledel'ca i gorca. M.: Institut DI-DIK, 1999. 368 s. [Gachev G. Eurasia — Kosmos of Nomad, Farmer, Mountaineer. Moscow: DI-DIK Institute, 1999. 368 p.]
- [2] Sultanov K.K. Ot Doma k Miru. Etnonacional'naya identichnost' v literature i mezhhkul'turnyj dialog. M.: Nauka, 2007. 302 s. [Sultanov K. From Home to the World. National identity in Literature and Cross-cultural Dialog. Moscow: Science, 2007. 368 p.]
- [3] Shuhov I. Gor'kaya liniya. <http://www.100bestbooks.info/txt/?act=89&page=121> [Shuhov I. Bitter line. <http://www.100bestbooks.info/txt/?act=89&page=121>]
- [4] Yung K-G. Struktura psihiki i arhetipy. M.: Akademicheskij proekt, 2015 g. 328 s. [Jung C.-G. The structure of the psyche and the archetypes. Moscow: Academic Project, 2015. 328 p.]

For citation: Afanasyeva A.S. Arhetip «DOM» v russkoyazychnoj literature Kazahstana [Archetype “HOME” in Russian-Speaking Literature of Kazakhstan] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 99–107. (In Russian)

ОСОБЕННОСТИ МОЛОДОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАЗАХСТАНА (на материале альманаха павлодарского литературного общества «Меркурий»)*

Е.П. Гаранина, Л.Е. Токатова

Павлодарский государственный педагогический институт
ул. Мира, 60, г. Павлодар, Республика Казахстан

В статье рассматриваются некоторые содержательные и художественные черты творчества молодых русскоязычных писателей Казахстана на примере альманаха «Нигилист», изданного павлодарским литературным обществом «Меркурий». Как характерные особенности выделяются и анализируются саморефлексия, предельная субъективизация и антропоцентричность творчества участников альманаха.

Ключевые слова: региональная литература, русскоязычная литература Казахстана, художественное единство, субъективизация, антропоцентричность

Введение

В современном мире понятие литературы стремительно меняется. В течение долгого времени литература считалась (и была на самом деле) элитарным искусством, заниматься которым мог не каждый — и не только в смысле таланта, но и в смысле возможности публиковаться, выходить в свет, становиться известным читателю. Писатель, творящий «в стол», рисковал тем, что его произведения так и останутся «в столе» (хотя, конечно, существовали самиздатовские публикации). Особенно большие трудности на этом пути ожидали провинциальных авторов, которым приходилось ожидать публикации иногда годами.

Но свобода печати, пришедшая на смену жесткой цензуре, распространение коммерческого книгопечатания, а главное — распространение информационных технологий и возникновение и развитие сетевой литературы привело к тому, что сегодня любой пишущий может найти своего читателя. При этом местожительство, возраст, профессиональный статус пишущего перестают играть решающую роль — в Сети, в сущности, одинаковые возможности имеют и провинциал, и столичный житель, и молодой, и опытный авторы, и члены всевозможных писательских союзов, и те, кто никогда в них не состоял. Неудивительно, что в связи с этим молодая региональная литература переживает в настоящее время если не расцвет, то по крайней мере подъем: появляются новые авторы, новые литературные объединения, которые в каком-то смысле, пожалуй, противостоят если не «старым», то традиционным литературным организациям.

* Статья выполнена при поддержке гранта МОН РК (договор № 290 от 12.02.2015 г.) по направлению «Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук».

Из истории альманаха «Нигилист»

В этой статье речь пойдет о молодом литературном обществе — закрытом молодежном литературном клубе «Меркурий», который в павлодарской культуре представляет литературный авангард. Несмотря на региональный характер общества, многие его творческие черты характерны для молодой русскоязычной литературы вообще, прежде всего — сетевой.

Общество начиналось как объединение нескольких молодых поэтов и прозаиков, связанных не только творческими интересами, но и дружескими отношениями. Один из зачинателей общества, молодой поэт Илья Аргентум, так описывает возникновение «Меркурия»:

Официальным днем рождения клуба мы считаем 6 июня (2014 год), день рождения Пушкина, когда во время традиционного поэтического Пушкинского марафона трое членов клуба со сцены во всеулышание объявили о создании новой культурной организации в Павлодаре. Но сам процесс рождения начался задолго до этой знаменательной даты. Еще в начале весны 2014 г. Илья Аргентум и Юлия Куркан задумались о создании нового литературного объединения, подобно «Реверсу» и «Спектру», восход и закат которых мы пережили вместе, будучи их соучредителями. В течение весны жители для будущей «поэтической планеты» нашлись сами собой: случайные знакомства оказывались неслучайными и перерастали в крепкие дружеские и творческие связи. Инициативный костяк будущего клуба состоял из Ильи Аргентума, Юлии Куркан и Дияра Машрапова, а также «крестной матери клуба» Светланы Мясоедовой, что всегда «мысленно с нами». После «Поэзосферы», что состоялась в середине апреля на базе павлодарского центра йоги и медитации «Джагрити», к компании присоединились Алексей Шихалев и Валентина Деркачевская. 9 мая было решено создать клуб, и в течение всего месяца шло обсуждение, что новое объединение будет из себя представлять и как организовать его работу, чтобы новое лито не постигла участь его предшественников. К началу лета в клубе появились Гайнель-Хаят Машрапова и Кира Зонкер (Валентина Шпилова). Коллектив из 8 человек сформировался — и литературная жизнь в «Меркурии» забила ключом [1].

Первые публичные выступления членов общества носили характер перфомансов и концертов:

Лето 2014 года оказалось крайне продуктивным для клуба. За весенние и летние месяцы были устроены такие события, как «Симпозиум латентных юмористов», «Поэзия двадцатилетних! Непоследний звонок», «Звучание», «Пикник на обочине-5» и другое.

В середине лета вдохновленные примером инициативного деятеля молодежной культуры Анны Мотиной «клубни» организовали в Областной библиотеке им. С. Торайгырова арт-сушку, где на бельевых веревках развешали свои и чужие поэтические и прозаические тексты, чтобы каждый желающий мог забрать понравившееся ему произведение с собой. Идея себя оправдала, и ассортимент произведений необходимо было периодически обновлять, заполняя опустевшие на веревках места. Со временем неприглядные веревки на стенной панели были заменены на более функциональные и не столь вызывающие книжные стенды: три такие подставки под общим знаком «Меркурия», встречающих книголюбов

возле каталогов, знакомят посетителей библиотеки с новинками клубной литературы.

В конце лета 2014 года клуб начал активно сотрудничать с Центром обслуживания молодежи и, в частности, с Конгрессом молодежи Казахстана, на базе которого прошел литературно-музыкальный концерт «Пришельцы с Меркурия» (Илья Аргентум).

В 2015 году у «Меркурия» вышел в свет первый номер литературно-художественного альманаха «Нигилист», о котором и пойдет речь в данной статье.

В альманахе включено творчество одиннадцати членов литературного общества: пятерых прозаиков (Кира Зонкер, Юлия Куркан, Дияр Машрапов, Алексей Шихалев, Джон Доу) и пятерых поэтов (Илья Аргентум, Анастасия Кулик, Валентина Деркачева, Светлана Мясоедова и Костя Павлов). Одиннадцатый участник общества — Гайнель-Хаят Машрапова — представлена и прозой, и стихами. Кроме этого, в разделе «Современники и современницы» (с подзаголовком «друзья и знакомые клуба «Меркурий»») опубликованы стихи Георгия Василенко, Светланы Цымбал, Александра Черкашина и Влада Тень, а также проза Дарьи Лихачевой. У каждого из авторов опубликовано по три текста, которые, по-видимому, считаются наиболее репрезентативными для данного поэта или прозаика. Таким образом, альманах содержит сорок восемь произведений.

Характерной чертой авторов альманаха можно назвать склонность к саморефлексии и теоретизированию, которые, кстати сказать, вообще свойственны тем авторам, особенно молодым, которые видят в своем творчестве знамение времени (поневоле вспоминается «Только мы — лицо нашего времени» футуристов). Рассказывая о возникновении «Меркурия», Илья Аргентум пишет:

Молодежный закрытый литературный клуб «Меркурий» представляет собой собрание свободных художников слова, объединенных желанием создавать новую павлодарскую литературу.

Таким образом, можно видеть, что «Меркурий» ставит перед собой определенную (и достаточно амбициозную) задачу — стать новым лицом павлодарской литературы, представлять новое поколение, которое придет с новым словом. Поэтому, вероятно, меркурианцам важно обратиться к потенциальному читателю с разъяснением своих задач, своих идей, своих представлений о сущности современной литературы вообще и собственного творчества в частности. Несмотря на то, что общество является, как выражаются его организаторы, «закрытым», его члены воспринимают свое творчество не как их личное, сугубо частное дело, но как определенного рода культурную миссию. Поэтому авторы альманаха не только представляют свои произведения, но и характеризуют их, анализируют особенности своего стиля.

В связи с этим альманах начинается с предисловия «От создателей альманаха» (оно написано Кирой Зонкер), в котором объясняется его название — «Нигилист». Нигилизм меркурианцы толкуют как философию переосмысления ценностей, свойственную, по их мнению, всей современной эпохе:

Чтобы объяснить публике выбор такого названия, надо начать с того, что слово «нигилизм» часто трактуется обобщенно и порой даже однобоко. Ницше, например,

под нигилизмом понимал общее настроение современной ему эпохи, а эпоха та, как известно, была переходной. Кроме Ницше этой точки зрения придерживались Сартр, Хайдеггер, Делёз, Деррида и другие. Переходность своей эпохи подмечаем в творчестве и мы. То есть, в нашем случае нигилизм не стоит понимать как абсолютное отрицание ценностей — это лишь их переоценка.

Нигилизм как способ мышления характерен для всех переходных периодов, это неизбежная часть процесса развития, необходимое для данного отрывка времени критическое восприятие. Ценности не отвергаются окончательно, а лишь переосмысливаются; на месте старых норм возникают новые, идеалы прежней культуры неизбежно трансформируются [1. С. 3].

В этом объяснении можно отметить два характерных момента. Во-первых, стремление обозначить свою общность с некой существующей традицией — в данном случае с европейской философией XX в. — той ее линией, которая идет от Ницше. Обращение к Ницше как философской основе очень показательно. Трагическое мироощущение, чувство не просто психологического, но глобального одиночества человека в мире, ощущение распадающегося мира, парадоксальное соединение беспомощности и «сверхчеловечности» — все это было свойственно эпохе Ницше и в не меньшей мере свойственно и нашей эпохе. И все эти черты, как покажет дальнейший анализ, характерны и для творчества меркурианцев.

Сами члены литературного общества чувствуют свою близость к этой традиции и отмечают эту близость в предисловии к альманаху:

Ныне изменения ценностей отражаются во всех областях культуры: кинематографе, живописи, музыке и литературе. По продуктам культуры можно отследить, в какую сторону идет процесс изменения, ибо авторы этих продуктов хорошо чувствуют общественное настроение в каждую заданную эпоху. Надеемся, что и мы не исключение этому правилу [1. С. 3].

Во-вторых, характерно ощущение себя не только продолжателями традиций, но и создателями нового. Если философская ницшеанская линия — это воспринятая традиция, то литература конца XX в. — это традиция, от которой члены авторы альманаха отталкиваются. Несмотря на то, что нигилизм в их трактовке — это не отрицание, но переосмысление существующих ценностей, показательно уже само признание того, что существующие ценности требуют переосмысления и переоценки. Культура предшествующей эпохи воспринимается как почва, богатая, но ценная именно тем, что на ней может вырасти нечто новое:

Выросшие в атмосфере «разложения», мы получили в наследство богатый гумус, и если задачей нашего поколения является не только «догнывание недогнившего», к чему мы готовы, то мы искренне надеемся посеять нечто новое, что даст в будущем свои литературные плоды [1. С. 3].

Интересно отметить, что именно это ощущение своего «промежуточного положения», принадлежности к поколению, которое принадлежит одновременно и к эпохе разложения, и к эпохе созидания, пронизывает мироощущение многих авторов альманаха.

«Нигилист» — первый альманах нового литературного общества, так что его задачей является представить молодых поэтов и прозаиков читающей публике. Большинство авторов этого альманаха уже имеют публикации в Сети (например, на известных российских литературных интернет-порталах <http://www.stihi.ru/> и <https://www.proza.ru>), но как некая литературная общность они предстают в печатном издании впервые. Функцию представления в альманахе выполняют не только сами произведения, но и краткие вступления-характеристики авторов, размещенные перед текстами (такие вступления предпосланы только произведениям членов «Меркурия»; авторы из раздела «Современники и современницы. Друзья и знакомые клуба “Меркурий”» вступлений не имеют). Написаны вступления (в альманахе они названы конферансами) самими авторами альманаха: например, конферансы для Киры Зонкер и Дияра Машрапова создавал Илья Аргентум, автор конферанса для Ильи Аргентума — Юлия Куркан, конферанс для Юлии Куркан сочинял Дияр Машрапов, конферанс для Анастасии Кулик — Гайнель-Хаят Машрапова и т.д. Такой прием представления авторов является в общем традиционным для альманахов, журналов и сборников. Важная черта вступлений «Нигилиста» — их неофициальный характер. Они не содержат биографической информации о месте и времени рождения, месте работы или учебы, перечисления предыдущих публикаций. В них нет фотографий авторов. Эти вступления носят скорее художественный характер, метафорически представляя особенности стиля и содержания произведений писателя. Приведем для примера, характеристика-вступление к произведениям Дияра Машрапова:

Ироничная мизантропия и язвительная социопатия — такова на первый взгляд основа творчества, наверное, самого экзистенциального из молодых авторов современного Павлодара. Но первое впечатление рвотного отвращения ко свинцовым мерзостям жизни, которые бесстрастный прозаик немилосердно выворачивает наружу, препарирруя больное тело социума скальпелем слова, — это первое впечатление обманчиво. Да, его поэзия пропитана болью, но болью за то прекрасное, которое тонет в моральных нечистотах современности. Да, его проза бесчеловечно жестока, но, быть может, жестокость эта проистекает оттого, что одуревшую в духовном растлении современность не привести в чувства иначе, как злобной пощечиной сатирического абсурда — в надежде на духовное пробуждение. Таков Дияр Машрапов! [1. С. 35]

Вступления стилистически предваряют сами тексты, так или иначе соотносясь с тем, о чем и как написаны произведения каждого автора. Таким образом, автор в «Нигилисте» оказывается не реально-биографической, но литературной фигурой; в каком-то смысле автор — такой же результат творчества, как и его тексты. Автор — не человек, он — тот, кто произносит (или пишет) текст, он сам — текст. Интересно отметить, что только один автор из состава «Меркурия» не имеет вступления — и его имя (псевдоним) «Джон Доу». Джон Доу, как известно, это экземплификант, условное обозначение неизвестного человека (или неопознанного тела) в судебной или медицинской системе США. Таким образом, этот автор отказывается даже от художественно-метафорического представления своей личности, говоря с читателем только текстами.

Вообще интересно отметить, что в альманахе встречаются как авторы, фигурирующие под реальными именами, так и те, кто опубликован под псевдонима-

ми: уже упомянутый Джон Доу, Илья Аргентум, Влад Тень, Кира Зонкер. Насколько можно судить, псевдонимы выполняют ту же самую функцию, что и метафорические вступления: они выводят фигуру автора за пределы реальной человеческой биографии, соединяют автора и текст. Про Джона Доу уже было сказано выше; Влад Тень (его произведения опубликованы в разделе «Современники и современницы») представлен стихами, в которых повторяются мотивы колеблющегося света, огня и тени, пространство в его стихах лишено устойчивости и определенности, наполнено колебаниями и игрой — опять же света и тени:

Свеча раздражается, плещет, мелькает за гранью оттенка цветного глазка. // Я все понимаю, но как-то устал от сомнений... // Есть взлет преломляющий, ветер падений куда-то на дальнюю весть. В берегах // Чьи-то нежные тени качают в ладонях рождение [1. С. 83].

С псевдонимом Ильи Аргентума (*argentum* — серебро) метафорически связано вступление, характеризующее его стихи: упоминание серого и черного цвета (червленое серебро), ассоциирующихся с меланхолией и грустью:

Его поэзия похожа на изящное переплетение кружев, на острые пики готических башен, на позолоту позднего барокко... Он часто впадает в меланхолию, своими стихотворениями разрисовывая мир в тысячи оттенков черного и серого. И он же, стряхнув грусть с кончика своего карандаша, внезапно говорит вам: «Все будет хорошо! В этой жизни невозможно иначе! [1. С. 11]

Характерные черты творчества «меркурианцев»

Творчество молодых авторов, представленных в альманахе, разнообразно, но можно выделить несколько черт, которые свойственны практически всем писателям-«меркурианцам». Эти же черты делают их и характерными представителями современной сетевой литературы, особенно — молодой литературы. Прежде всего следует сказать о заложенной в тексты предельной субъективности взгляда на мир. Мир, окружающая реальность не существуют как объективная самостоятельная ценность, независимая от сознания человека. Текст может быть написан от первого лица, или от третьего лица, но и в том, и в другом случае взгляд героя организует изображаемую реальность. Поэтому описание мира почти всегда в той или иной мере импрессионистично: оно всегда включает впечатление и восприятие человека, который смотрит на этот мир. Сильнее всего эта черта проявляется, конечно, в поэзии. Так, в стихотворении Ильи Аргентума «О, не остави движение планет...» (с посвящением М.К.) психологическое состояние лирического героя определяет весь строй вселенной, космогонические образы поставлены в зависимость от душевной жизни человека. Своеобразная композиция стихотворения соединяет события человеческой жизни и небесные «происшествия»:

О, не мешай лететь кометам в пустоте, // Бегут от неба прочь безумно Персеиды, // И пятна на Луне не думают о тех, // Кто снова ждет меня, кто старые обиды // Забыл в потоке лет, как будто бы воды // Раскинулась волна в зеленом Семиречье. // О, не

останови движения, ведь ты // Тем можешь нанести галактикам увечья. // Ты, снова полюбив, нарушишь ход светил, // Ты ломаешь строй возвышенных созвездий... [1. С. 12]

Тот же самый принцип, при котором движения человеческой души определяют строй окружающей реальности (хотя и в другом эмоциональном ключе), можно обнаружить и в произведениях Анастасии Кулик. В стихотворении «Город» город — это одновременно и пространство, в котором живет и по которому идет лирическая героиня (причем, на наш взгляд, в нем легко угадать признаки вполне определенного города — Санкт-Петербурга), и книга, которую героиня читает, и собеседник героини, и пространство ее души:

Я слушаю время, сквозь стекла витринные, // Иду по асфальту, корчась, // И на стальные и львиные // гривы гляжу — уже полночь. // Вскрикнув зеленым глазом, // Читаю прекрасное облако-Жизнь... // Иду и считаю звезды, // И льет свою лень // Смятый воздух вчерашний. // А в сердце моем что-то очень уж мирно, // И прячется в нем // Странной кляксою счастье, // И время льется по окнам, и видно, // Как бросается шторам в объятья. // И впереди черно-пламенным сгустком // Смольная речка мне в душу впилась, // Просит идти меня лестничным спуском, // Чтоб в такт мое сердце с ней билось. // Вон, огромным и серым томом // Мост, сутулясь, улегся над речкой, // Я стану читать его темным домом, // Я буду читать его взором-свечкой... // Перелистываю моста страницы, // Что-то здесь странно все так написано, // Мало точек: запутанность — кстати, мода! // Да и вообще, одни многоточия, // Глядящие в мутную воду... // Ухожу. Дома, как живые косятся, // Я не хочу назад, мне бессонно, // Но мысли к лампе и койке просятся, // Так навязчиво и не покорно. // Светом фонаря асфальт проколот, // И холод в волосах и кофте, // И смотрит мне в спину озябнувший город. // Город, я спать, позвольте? [1. С. 44—45]

Реальность теряет твердую вещественность и приобретает текучесть, она изменяется вместе с тем, как меняется настроение, чувства и мысли лирической героини.

В меньшей степени данная черта свойственна и прозе, представленной в альманахе. В зависимости от душевного состояния героя реальность может подвергаться тем или иным искажениям, как это происходит, например, в рассказе Киры Зонкер «Тусклый человек». Рассказ построен по принципу неясной фантастики. Появление тусклого человека возможно истолковать и как свидетельство безумия главного героя (от лица которого ведется повествование) — в таком случае смерть его друга Пригодича становится чистой случайностью, и как действительное появление некоего иномирного существа, которое по неизвестной причине вмешивается в жизнь героя. Но как ни толкуй этот сюжетный ход, повествование от первого лица приводит к тому, что мы видим художественную реальность глазами героя — и это размытая, искаженная и пугающая картина.

Вообще повествование от первого лица преобладает в прозаических произведениях, помещенных в сборник: от первого лица написаны все три рассказа Киры Зонкер, два произведения из трех Юлии Куркан (рассказ «Ее последний поцелуй» и сказка «Скидка на принцессу»), в рассказе-цикле Дияра Машрапова «Иван Григорьевич» повествование свободно переходит от первого к третьему лицу, рассказы «Мишель» и «Белки моих глаз» того же автора написаны от перво-

го лица, один из рассказов Гайнель-Хаят Машраповой тоже написан от первого лица (кроме эпилога, в котором повествование переходит к третьему лицу), два произведения из трех Алексея Шихалева — это обращенный к читателю монолог, в рассказах Джона Доу повествование от первого лица сменяется повествованием от третьего лица. Кстати, можно отметить, что местоимение «я» присутствует в названиях четырех (из тринадцати) стихотворений, помещенных в альманах членами общества «Меркурий», и в названии еще одного стихотворения содержится местоимение «моя». Эта формальная черта (преобладание повествования от первого лица) свидетельствует о предельной, так сказать, антропоцентричности творчества авторов альманаха — в центре произведений практически всегда стоит человек, а не мир; «они» интересны постольку, поскольку есть Я. Может быть, с этим связан и тот факт, что в большинстве представленных прозаических произведений очень небольшое количество персонажей — чаще всего один-два, больше гораздо реже. В связи с этим все внимание автора и читателя сосредотачивается на одном герое, он воплощает весь интерес текста.

Смысловое акцентирование внимания на одном персонаже часто сопровождается композиционным противопоставлением этого персонажа остальному миру. Антитеза «персонаж — персонаж» или «персонаж — мир» — постоянный композиционный прием в произведениях авторов альманаха. Уже упоминавшийся рассказ Киры Зонкер «Тусклый человек» начинается с того, что повествователь принимает решение разорвать отношения с миром:

В этом году я стал слишком уж задумчивым и замкнутым, после чего и решил свести общение со знакомыми к незначительным встречам, чтобы не расстроить их резким словом. Терпеть мой характер мог только друг детства Пригодич, однако по воле значимого обстоятельства, которое ранее представлялось мне пустяковым, он уже не мог видеть меня. Одиночество не расстраивало, я даже чувствовал себя спокойнее, вслушиваясь в гулкую тишину квартиры и свой простуженный, трескуче-сухой кашель [1. С. 4].

В рассказе-цикле «Иван Григорьевич» Дияра Машрапова герой также противопоставляется миру. С точки зрения здравого смысла герой абсурден и преступен и изображенный мир тоже абсурден и преступен, но по-другому. Парадокс состоит в том, что абсурдный мир не принимает абсурдного героя, но ни тот, ни другой не замечают своей абсурдности:

Иван Григорьевич Портной, будучи студентом, заметил в своей группе одну красивую особу женского пола. Он долго за ней ухаживал и был очень вежлив. Дарил ей розы, посвящал стихотворения и водил в рестораны. Конечно, такое не мог себе позволить простой студент. Но Иван Григорьевич не был обычным. Он был очень одаренным молодым человеком, а еще его отец был крупным бизнесменом.

Однажды Иван Григорьевич сказал ему о своих намерениях жениться на своей избраннице, на что тот ответил отказом. До той поры Портной не сообщал отцу, на что тратит его деньги.

Серьезной проблемой обзавелся молодой студент. Ему даже перестали давать деньги. И однажды в порыве безумия он примчался в офис к отцу и прилюдно четвертовал его.

Затем помчался к своей пассии, и предложил ей свои руку и сердце. Девушка согласилась. Свадьбу сыграли роскошную. Молодожены даже бросили учебу, так как

Иван Григорьевич получил наследство, а грызть гранит науки было лень. Обеспечены же они были на полжизни вперед. По крайней мере, им так казалось. Потому что деньги закончились через двенадцать лет. А это далеко не полжизни. Но не будем о грустном.

Иван Григорьевич ведь действительно, в прямом смысле этого слова, завоевал сердце своей жены своим Великим поступком, убив своего отца. Бизнес которого перешел в руки Скряги Вадима Анатольевича.

Честно признаться, нового владельца работники сразу не возлюбили за его фамилию. Хотя Скряга скрягой не был. Даже напротив. Вполне себе щедрый [1. С. 40].

Впечатление абсурдности повествования в данном случае усиливается примитивным синтаксисом и серьезной, лишенной заметной иронии интонацией, которые создают впечатление, что автор просто сообщает факты.

Вывод

Таким образом, можно отметить, что все описанные выше особенности выполняют в альманахе роль скреп. Они делают альманах не просто сборником, но определенным художественным единством, показательным для развития молодой русскоязычной литературы, которая, начавшись в сети, постепенно выходит на издательский уровень.

ЛИТЕРАТУРА

[1] Нигилист: Литературно-художественный альманах. Павлодар, 2015. 85 с.

Для цитирования: Гаранина Е.П., Токатова Л.Е. Особенности молодой русскоязычной литературы Казахстана (на материале альманаха павлодарского поэтического общества «Меркурий») // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 108—117.

FEATURES OF THE YOUNG RUSSIAN-SPEAKING LITERATURE OF KAZAKHSTAN (ON THE MATERIAL OF ALMANAC BY PAVLODAR LITERARY SOCIETY "MERCURY")

E.P. Garanina, L.E. Tokatova

*Pavlodar State Pedagogical Institute
Mira str., 60, Pavlodar, Kazakhstan*

The article considers some meaningful and artistic features of the creativity of young Russian-speaking writers of Kazakhstan on the example of the anthology «Nihilist», published by Pavlodar literary society «Mercury». Self-reflection, subjectivization and anthropocentricity are the characteristic features of the creativity of this authors.

Key words: regional literature, Russian-language literature of Kazakhstan, artistic unity, subjectivization, anthropocentricity

REFERENCES

- [1] Nigilist: Literaturno-hudozhestvennyj al'manah. Pavlodar, 2015. 85 s. [Nihilist: literary almanac. Pavlodar, 2015. 85 p.]

For citation: Garanina E.P., Tokatova L.E. Osobennosti molodoj russkoyazychnoj literatury Kazahstana (na materiale al'manaha pavlodarskogo poehticheskogo obshchestva «Mercurij») [Features of the youn Russian-Speaking Literature of Kazakhstan (on the material of almanac by Pavlodar literary society “Mercury”)] Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 108—117. (In Russian)

ФИЛОСОФИЯ И ЭСТЕТИКА КУЛЬТУРЫ

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИРОНИИ В ФИЛОСОФИИ И ЭСТЕТИКЕ

З.А. Заврумов

Пятигорский государственный лингвистический университет
пр. Калинина, 9, Пятигорск, Россия, 357503

В статье рассматривается возникновение и развитие иронии, а также ее функционирование в дискурсе. Автор прослеживает многовековое развитие иронии как общекультурного явления и приходит к выводу, что сущность категорий, объединяемых термином «ирония», становится более ясной при обращении к истории развития представлений об иронии в европейской философии и эстетике. Идеи, выдвинутые учеными в разные исторические эпохи, продолжают оказывать влияние на современные лингвистические и когнитивные теории иронии. Именно поэтому рассмотрение иронии в философской и эстетической парадигмах и изучения процесса формирования представлений о ней представляется весьма продуктивным.

Ключевые слова: ирония, философская и эстетическая парадигма, дефиниции иронии, лингвокогнитивные механизмы, лингвокультура

Введение

Имея длительную историю изучения, ирония, однако, не имеет такой дефиниции, которая могла бы непротиворечиво объяснить специфику ее возникновения и функционирования в тексте и дискурсе. Разумеется, отсутствием такого единого определения объясняются и весьма расплывчатые границы явлений, которые традиционно включаются в сферу иронии, а также обширное количество трактовок этого многоуровневого феномена. Ирония зачастую воспринимается как риторический троп, что свидетельствует об «инструментальном» отношении к ней. Кроме того, исследователи сосредоточивают свое внимание на описании дифференциальных признаков вербализации иронии, в то время как выход из создавшейся ситуации видится в возможности изучения единых лингвокогнитивных механизмов продуцирования иронии, а также рецептивно-интерпретивной деятельности, «спровоцированной» ею. Подходы к изучению иронии, существующие в современной гуманитарной парадигме, нередко не имеют необходимой объяснительной силы. Такое положение дел предполагает, по всей видимости, поиск интегральных ее признаков, которые позволяют представите-

лям лингвокультуры квалифицировать различные случаи иронии как манифестирование одного и того же явления.

Многовековое развитие иронии как общекультурного явления приводит к тому, что сам термин приобретает «зонтиковый» характер: им обозначают и троп как явление риторическое, и особые ситуации (ср.: ирония истории, ирония, судьбы и пр.), и идеи, которые выдвигались в различные эпохи развития философии (ирония Сократа, романтическая или постмодернистская ирония). Ирония способна предопределить развитие самых разных ассоциаций, став основой для многообразных интерпретаций [22]. Многие дефиниции иронии определяют в качестве основного критерий «замены знака» как способа ее создания и понимания: «Ироническое высказывание — это метасуждение, модус которого, отрицающий или подвергающий сомнению пропозицию, т.е. исходное суждение, заменен противоположным модусом, эксплицитно или имплицитно (по умолчанию) подтверждающим это суждение» [3. С. 172]. На наш взгляд, приведенное выше определение эксплицирует распространенный подход исследования иронии, который характеризуется односторонностью понимания ее сущности: под иронией понимаются только те случаи, в которых пропозиция высказывания вступает в противоречие с действительностью. Тем не менее известно значительное количество случаев реализации иронии, которые квалифицируются носителями лингвокультуры как иронические, но не интерпретируются «от противного». Именно по этой причине Л. Анолли, характеризуя многообразие явлений, объединяемых термином «ирония», использует метафору семейного сходства — “the irony family” [13].

Однозначное определение границ понятия «ирония» отсутствует ввиду внешней, формальной, и внутренней, содержательной, разнородности иронических высказываний. Семантика и прагматика иронического дискурса обнаруживают известную сложность, которая тем не менее не получает четкого параметрирования, поэтому ирония понимается как «... умение ироника скользить по поверхности...» [5. С. 41] или «...метаязыковая игра, высказывание в квадрате» [5. С. 637], а в конечном счете — как «... ясное сознание вечной подвижности, бесконечно полного хаоса» [10. С. 360], «irony is inherently confusing. Not only are its definitions confusing; it is confusing by definition» [31]. Образность приведенных определений не приближает к пониманию механизмов продуцирования иронического дискурса, а также не дает ответов на вопрос, каким образом носитель языка/лингвокультуры распознает иронию в дискурсе/тексте [2].

Отсутствие четкости критериев параметрирования иронии, естественно, не позволяет структурировать дефиницию иронии, которая позволяла бы описывать все возможные формы ее репрезентации. Но В. Янкелевич указывает в этой связи, что «... если иронию нельзя определить, то присутствие ее от этого не становится менее самоочевидным... нельзя анализировать ее структуру, но можно, несомненно, описать ее движение и “повадки”; короче говоря, мы в состоянии вести разговор о качественных особенностях» [12. С. 28]. Сущность явлений, объединяемых термином «ирония», становится более ясной при обращении к истории развития представлений об иронии в европейской философии и эстетике. Идеи, выдвинутые учеными достаточно давно, продолжают оказывать влияние на современные лингвистические и когнитивные теории иронии. Именно поэто-

му рассмотрение иронии в философской и эстетической парадигмах и изучения процесса формирования представлений о ней представляется весьма продуктивным [12; 23; 24; 16; 17].

Диахронический взгляд на феномен иронии

Ирония занимает особое место в истории европейской культуры уже со времен античности. По всей видимости, ирония реализуется в текстах самых разных эпох задолго до того, как появляется сам термин: Irony, though not the term, fills Homers and the Old Testament: in various forms it permeates Greek tragedy and comedy; Ovid's *Metamorphoses* is a handbook of irony as well as of mythology, and probably more meaningfully so; and the earliest Old English poems are replete with irony [26. С. 210] (Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: «Метаморфозы» Овидия — это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией). Онтологический статус иронии динамичен на протяжении веков: риторическая тактика ведения спора постепенно превращается в способ отношения к жизни, свойственный эстетической практике и мировоззрению романтиков XIX в. и постмодернистов XX в.

Ирония, ее природа и свойства осмысливаются в координатах философии и риторики до конца XIX века, и лишь в XX в. начинается постепенное формирование этических и филологических теорий иронии. Таким образом, рассмотрение иронии как понятия целесообразно начать с освещения ее характеристик в философской научной парадигме с тем, чтобы иметь возможность охарактеризовать трансформации представлений об этом феномене.

Возможности иронии и эффекты иронической коммуникации становятся актуальной исследовательской сферой уже во времена Сократа, который посредством притворного незнания побеждает в философских спорах своих оппонентов. Сократ в истории античности предстает в двух ипостасях: реальный человек, философ, который не оставил никаких текстов; персонаж античных комедий и диалогов. Платоновские «Диалоги» представляют идеализированный образ философа, что дает основания исследователям называть Сократа «суперчеловеком» [21]. Понимание иронии в античности происходит благодаря образу Сократа, разрабатываемому в комедии Аристофана «Облака», «Меморабилии» Ксенофона, «Диалогах» Платона: здесь Сократ становится героем, меняющим маски (лжец у Аристофана и мудрец в роли простака в диалогах Платона). Оставив в стороне споры исследователей о степени достоверности образа Сократа [18], следует подчеркнуть, что эти тексты — единственный источник сведений о зарождении иронии в ее современном понимании.

Основу иронии Сократа составляет именно сомнение, на что указывает С. Кьеркегор: «В наше время много говорится о значении сомнения для науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение — для науки. И поэтому подобно тому, как ученые утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [4. С. 186]. Внешняя наивность Сократа позволяет ему подвергать со-

мнению истинность знаний своих собеседников, прежде всего, тогда, когда речь идет об этических ценностях. Риторические стратегии Сократа, которые являются определяющими для «Диалогов» Платона, становятся значимыми для европейской культуры, что зафиксировано и в современных словарях, например: “*Socratic irony* — ignorance as summed in order to entice others in to making statements that can then be challenged” (Oxford English Dictionary) (*Сократова ирония* — притворное незнание, побуждающее других делать утверждения, которые можно оспорить).

Эпоха Средневековья по большей части не располагает к применению иронии: сократова ирония как способ построения диалога неизвестна средневековым авторам и не связывается ими с самим явлением, хотя изредка упоминается в их трудах. В целом, ирония интересует философов в этот период гораздо в меньшей степени, нежели метафора и аллегория [23].

Невозможность иронии в Средние века может быть объяснена с помощью доминант этической системы эпохи, не позволявшей притворство и несерьезность [12]. Существует также мнение, что ирония была вполне допустима в средневековой культуре, однако не установлена та роль, которую ирония играет в этот период. Закономерно, что использование иронии ограничивается риторическими приемами, поэтому Средневековье характеризуется однозначным истолкованием понятия иронии как антифразиса. Именно с таких позиций рассматривают иронию Донат (*tropus per contra rium quod conatur ostendens*) и Исидор Севильский (*Ironia est sententi a per pronuntiationem contrarium habens intellectum*) [20. С. 4].

Исидор Севильский объясняет сущность иронии как притворство Говорящего («этот троп делается посредством остроумия или посредством обвинения, или посредством насмешки» [8. С. 56]), акцентируя внимание на прагматических характеристиках данного явления: «Ирония (*ironia*) — это когда посредством притворства умом стремятся не к тому, о чем говорят. Бывает же это, или когда мы хвалим то, что [на самом деле] хотим порицать, или порицаем то, что хотим похвалить» [8. С. 87].

Однако есть основания полагать, что ирония понимается в средневековой культуре и как специфическое отношение к жизни ввиду влияния этической системы христианства. Так, ирония неизбежна при попытке имитации божественного творения в произведении искусства, что одновременно предполагает постижение художником собственного несовершенства и тщетности попыток превзойти человеческую природу. Ирония в тексте может быть рассмотрена и как обнаружение иронического мировоззрения эпохи [26]. В этой связи возникает закономерный вопрос о возможности восприятия художниками Средневековья собственных произведений с позиций иронии, поскольку сама антиномия безграничности божественного и ограниченности человеческого, скорее всего, является результатом современного истолкования текстов рассматриваемой эпохи.

Ренессанс воскрешает образ Сократа, посредством которого в европейскую культуру возвращается античное понимание иронии. Именно переводы «Диалогов» Платона на латинский язык закрепляют ассоциации иронии с именем Сократа. Философы эпохи Возрождения полностью пересматривают античную традицию понимания иронии как притворства и лжи, оставляя за ней, однако,

средневековую трактовку иронии как риторического приема, которая дополнена вновь пониманием данного явления как стратегии ведения диалога. Такой ракурс позволяет выделить тонкую иронию (сократову, ее расценивают как достоинство) и агрессивную иронию, тем самым указывая на объем включенности иронических высказываний в тексты разных жанров. При том, что тонкая ирония квалифицируется в эпоху Возрождения как проявление остроумия, ее наличие в античных текстах затрудняет их интерпретацию: так, «Диалоги» Платона по причине применения Сократом иронии лишают их однозначного понимания, в то время как трактаты Аристотеля такой ясностью по преимуществу обладают.

Для Средних веков и Ренессанса характерно также отсутствие попыток классификации видов иронии, что является следствием однозначного понимания термина и явления. Исключение составляет, пожалуй, логический подход рамистов, избравших в качестве критериев типологии аристотелевскую классификацию противоположностей: разновидности иронии определяются отношениями различия, «противолежания», противоположности, противоречивости.

Ирония эпохи Просвещения традиционно связывается с именами Дж. Свифта и Вольтера. Зачастую ирония служит основой для манифестирования сатиры и сарказма как важных воплощений комического в их текстах. Так, Вольтер применяет иронию для акцентирования внимания читателей к негативным чертам жизни общества. Объект иронии для него — социальная «слепота» и лицемерие тех, кто по долгу службы должен олицетворять добродетель. Можно с уверенностью говорить об иронии эпохи Просвещения как инструменте этического воздействия. Дж. Свифт выражает в своих «Сказке бочки», «Скромном предложении» и «Путешествиях Гулливера» определенное ироническое мировоззрение, что позволяет связывать свифтовскую иронию не только с направленностью его сатиры, но и с системой взглядов писателя [28]. В этой связи «Путешествия Гулливера» могут быть расценены как реакция писателя на основополагающие идеи Просвещения: рационализм, рассмотрение мышления как совокупности логических законов подвергаются беспощадной критике в высказываниях разумного Гулливера и доведены в «Путешествиях Гулливера» до абсурда. Именно в этом исследователи видят авторскую иронию, распознаваемую современным читателем [17].

«Скромное предложение» строится на реализации абсурда: объект авторской иронии — сам повествователь, логические рассуждения которого вступают в известное противоречие с этической и аксиологической системами социума. Свифт указывает на этот конфликт, акцентируя внимание на острой проблеме: экономический прогресс, реализуемый без учета различных факторов, приводит, в конечном счете, к социальным противоречиям. Позднее ирония Свифта приобретает статус литературного приема, позволяющего автору актуализировать критику ситуации или образа. Такая «абсурдная» ирония получает следующее определение в современной литературоведческой интерпретации:

Эпоха романтизма привносит в понимание иронии новый оттенок: возникает романтическая ирония. Этим термином принято обозначать комплекс идей немецких романтиков. Ирония вновь приобретает категориальный статус в координатах романтизма, интерес к данному явлению связан с деятельностью йенских романтиков (бр. Шлегели, Л. Тик, К. Зольгер, Новалис). Э. Белер указывает точ-

ную дату, когда Ф. Шлегель вводит новое понимание иронии — это 1797 г.: «Философия — это подлинная родина иронии, которую можно было бы назвать логической красотой» [10. С. 282; 15. С. 73]. Так теория иронии включается в общую концепцию литературного творчества немецких романтиков: «Знаком дистанции между несовершенством и неполнотой объективированного замысла и совершенством идеального мира художника-гения является ирония. Она позволяла художнику быть свободным по отношению к тому, что он создал» [7. С. 22].

Безусловно, романтическая ирония восходит к античному пониманию несовершенства и противоречий внешнего мира [25], однако античность и эпоха романтизма представляют абсолютно разные ракурсы отношения к миру. Романтическая ирония индивидуалистична, что является следствием интереса романтиков к тайне, к личности художника, его внутреннему миру. Античная ирония, напротив, направлена во внешний мир, к тому же «...сократическая ирония оспаривала только пользу и достоверность науки о природе, романтическая же ирония в начале XX в. оспаривала само существование природы» [12. С. 11]. Ф. Шлегель определяет иронию через парадокс: «Ирония есть форма парадоксального. Парадоксально все, что одновременно хорошее и значительное» [10. С. 283]. Ирония создает основание для необходимого двойственного отношения к миру, через которое раскрывается его парадоксальность.

Поэтому романтическая ирония интерпретируется не только как риторический или стилистический прием, но и как способ философского отношения к миру и проявления творческой субъективности художника [25]. М.М. Бахтин в этой связи указывает, что «понятие романтической иронии, разработанное Ф. Шлегелем, предполагает победоносное освобождение гениального я от всех норм и ценностей, от своих собственных объективации и порождений, непрерывное «преодоление» своей ограниченности, игровое вознесение над собой самим. Ироничность есть знак полной произвольности любого состояния духа...» [1. С. 387]. С. Кьеркегор выделяет субъективность в качестве доминанты иронии [4]. Все это позволяет К. Коулбрук утверждать, что именно немецкие романтики подходят непосредственно к созданию теории иронии, рассматривая ее не только как риторический прием, но и как специфику мировоззрения [17].

В XX веке ирония становится объектом пристального внимания. Если ранее ее природа, свойства и специфика обсуждались в философских трактатах и учебниках риторики, а реализация происходила преимущественно в сфере искусства, то в XX в. формируются целостные теории иронии. Такой интерес к иронии обусловлен кардинальными изменениями в структуре общества, увеличением скорости получения и распространения информации, расширением сфер коммуникации и углублением ее потенциала. Рубеж XX—XXI вв. характеризуется распространением влияния иронии не только на сферу массовой коммуникации, но и на политический дискурс, интернет-дискурс, академическое общение. Вербальная ирония, интерпретируемая как «замена знака», не способна описать все многообразие явлений, что закономерно способствует актуализации исследовательского интереса к данному феномену. Современная гуманитарная парадигма характеризуется поливариативностью понимания иронии с позиций различных наук.

Границы понятия ирония в настоящее время расширяются, к тому же предлагаются иронические интерпретации текстов, что позволяет по-новому осмыслить культуру в целом. Так, К. Барб замечает: «Странные вещи происходят, когда изучаешь иронию. Кажется, чем больше я работаю с иронией, тем больше ее я вижу. Иногда практически все вокруг кажется ироничным. Время нашего собственного неведения (кажется, что прошлое часто идет рука об руку с неведением) делает всю нашу жизнь ироничной — отсюда классическая ирония судьбы. Поэтому многие произведения реинтерпретируются как ироничные, потому что теперь мы видим несоответствия там, где изначально их могло и не быть» [14. С. 12]. Реинтерпретации подвергаются, например, священные тексты: ирония становится отправной точкой в истолковании взаимоотношений Бога и героев Библии, позволяя бесконечно усложнять понимание текста [27].

Современные лингвистические, литературоведческие и когнитивные теории иронии во многом опираются на философское понимание данного феномена. Благодаря эпохе романтизма ирония получает мировоззренческий статус, являясь для постмодернизма отправной точкой в осмыслении окружающего мира, истории, текста. Поливариативность истолкования текста влечет за собой возможность включения иронической интерпретации в число таких вариантов. Иронический потенциал текста трактуется как результат отказа от тезиса о том, что «... язык при правильном его использовании способен рассказать правду о реальности» [9. С. 32]. Так ирония приобретает ключевой характер в эпоху постмодерна, вслед за романтиками понимающего ее как способ мировосприятия. Ирония мыслится как технология двойного кодирования реальности: высмеивая реальность, она продуцирует возможности для ее трансформации [9].

Теперь ирония становится достоянием разных семиотических систем — архитектуры, фотографии, музыки [19; 30], но доминантным остается вербальная ирония, т.к. данный феномен опирается, прежде всего, на использование языка.

Заключение

Ирония в использовании языка квалифицируется как разновидность игры, которая для постмодерна не ограничена только языком, но определяет личностное поведение. Ирония для У. Эко — игра, которая создает возможность переосмысления сказанного ранее и не требует при этом знания правил: «...можно участвовать в игре, даже не понимая ее, воспринимая ее совершенно серьезно. В этом отличительное свойство (но и коварство) иронического творчества. Кто-нибудь всегда воспримет иронический дискурс как серьезный» [11. С. 637].

Ирония выступает средством объединения языка и реальности и — одновременно — их разделения, что выдвигает на первый план понятие интерпретации, тем самым устанавливая приоритет адресата в этом процессе. Выбор модуса интерпретации — серьезного или игрового — определяет сам адресат, что сообщает понимающему иронию и, в целом, текста субъективный характер.

Философия постмодернизма определяет также отношение к ироническому тексту как полифоническому феномену, в котором сосуществуют и противопоставляются буквальный и имплицитный смыслы высказывания, а также изучение

интертекстуальной природы иронического дискурса (ирония-как-эхо в концепции Д. Спербера и Д. Уилсон).

Ирония как этическая универсалия связана с использованием языка, что позволяет определять ее как «...возможность играть, летать по воздуху, жонглировать содержанием, отрицая его или пересоздавая» [12. С. 12], как «... возможность, средство, отношение, образ искусства, особенность мышления» [6. С. 60—61]. Образность дефиниций детерминирована аксиологическим характером феномена, но никак не проясняет сложившуюся ситуацию изучения иронии в лингвистической парадигме.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- [2] *Казиева А.М.* К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком // Гуманитарные исследования. 2012. № 2. С. 69—73.
- [3] *Козинцев А.Г.* Человек и смех. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 236 с.
- [4] *Кьеркегор С.* О понятии иронии. Логос. 1993. № 4. С. 176—198.
- [5] *Осиновская И.А.* Ирония и эрос. Поэтика образного поля. М.: РОССПЭН, 2007. 208 с.
- [6] *Паси И.* Ирония как эстетическая категория // Марксистско-ленинская эстетика в борьбе за прогрессивное искусство. М.: Наука, 1980. С. 60—83.
- [7] *Пивоев В.М.* Ирония как феномен культуры. Петрозаводск: Петрозав. гос. ун-т., 2002. 106 с.
- [8] *Севильский И.* Этимологии, или Начала в XX книгах. Кн. I—III: Семь свободных искусств / пер. с латин., статья, примеч. и указатели Л.А. Харитоновна. СПб.: Евразия, 2006. 352 с.
- [9] *Харт К.* Постмодернизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 272 с.
- [10] *Шлегель Ф.* Эстетика. Философия. Критика. М.: Искусство, 1983. Т. 1. 479 с.
- [11] *Эко У.* Постмодернизм, ирония, занимательность // Имя розы. М., 1997. С. 635—640.
- [12] *Янкелевич В.* Ирония. Прощение / пер. с фр.; послесл. В.В. Большакова. М.: Республика, 2004. 335 с.
- [13] *Anolli L.* “You’re a Real Genius!” Irony as a Miscommunication Design / L. Anolli, M.G. Infantino, R. Ciceri // Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. Amsterdam: IOS Press, 2002. P. 141—164.
- [14] *Barbe K.* Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.
- [15] *Behler E.* Irony and the Discourse of Modernity. Washington: University of Washington Press, 1990. 154 p.
- [16] *Colebrook C.* Irony in the Work of Philosophy. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. 332 p.
- [17] *Colebrook C.* Irony. New York: Routledge, 2004. 195 p.
- [18] *Dubs H.* The Socratic Problem // The Philosophical Review. 1927. Vol. 36. No. 4. Pp. 287—306.
- [19] *Gerstel J.* Irony, Deception, and Political Culture in the Works of Dmitri Shostakovich // Mosaic. 1999. Vol. 32. Issue: 4. P. 35.
- [20] *Green D.H.* Irony in the Medieval Romance. New York: Cambridge University Press. 1979. 430 p.
- [21] *Griswold C.L.* Irony in the Platonic Dialogues // Philosophy and Literature. 2002. № 1. P. 84—106.
- [22] *Gurewitch M.* The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 p.
- [23] *Knox D.* Ironia: Medieval and Renaissance Ideas on Irony. Brill Archive, 1989. 237 p.
- [24] *Knox N.* The Word Irony and Its Context, 1500—1755. Durham, NC: Duke University Press, 1961. 258 p.
- [25] *Mellor A.K.* English Romantic Irony. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 231 p.
- [26] *Reiss E.* Medieval Irony // Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42, No. 2. Pp. 209—226.
- [27] *Sharp C.J.* Irony and Meaning in the Hebrew Bible. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 376 p.

- [28] *Tamura E. T.* Jonathan Swift's Satire and Irony // The Economic Journal of Takasaki City University of Economics. 2003. Vol. 46. № 3. P. 129—135.
- [29] *Thomson J.* Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (Дата обращения 10.01.2015).
- [30] *Zank S.* Irony and Sound: the Music of Maurice Ravel. University Rochester Press, 2009. 434 p.

Для цитирования: Заврумов З.А. Онтологический статус иронии в философии и эстетике // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 118—127.

THE ONTOLOGICAL STATUS OF IRONY IN PHILOSOPHY AND AESTHETICS

Z.A. Zavrumov

Pyatigorsk state linguistic university
KalininProspect, 9, Pyatigorsk, Russia, 357503

The article examines the emergence and development of irony, as well as its functioning in discourse. The author traces the development of age-old irony as a general cultural phenomenon and concludes that the essence of phenomena, united by the term “irony” becomes clearer by reference to the history of ideas about the irony in European philosophy and aesthetics. The ideas, that were significant for scientists of different periods of history, continue to influence on modern linguistic and cognitive theory of irony. That is why consideration of irony in the philosophical and aesthetic paradigms and the study of the formation of ideas about it seems to be very productive.

Key words: irony, philosophical and aesthetic paradigm, the definition of irony, cognitive mechanisms, linguistics culture

REFERENCES

- [1] Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. M.: Iskusstvo, 1979. 424 s. [Bakhtin M. Aesthetics of verbal creativity. Moscow: Art, 1979. 424 p.]
- [2] Kaziyeva A.M. K voprosu o dialekticheskoy vzaimozavisimosti i vzaimovliyanii mezhdum mental'nost'yu i yazykom. *Gumanitarnyye issledovaniya*. 2012. № 2. S. 69—73. [Kaziyeva A. On the question of dialectical interdependence and interrelation between mentality and language. *Humanities research*. 2012. № 2. P. 69—73.]
- [3] Kozintsev A.G. *Chelovek i smekh*. Sankt-Peterburg: Aleteya, 2007. 236 s. [Kozintsev A. Man and laughter. St. Petersburg: Aletheia, 2007. 236 p.]
- [4] K'yerkegor S. O ponyatii ironii. *Logos*. 1993. № 4. S. 176—198. [Kierkegaard S. On the concept of irony. *Logos*. 1993. № 4. P. 176—198.]
- [5] Osinovskaya I.A. *Ironiya i eros*. Poetika obraznogo polya. M.: ROSSPEN, 2007. 208 s. [Osinovskaya I. Irony and eros. Poetics of imagery field. M.: ROSSPEN, 2007. 208 p.]
- [6] Pasi I. *Ironiya kak esteticheskaya kategoriya*. Marksistsko-leninskaya estetika v bor'be za progressivnoye iskusstvo. M.: Nauka, 1980. S. 60—83. [Feed I. Irony as an aesthetic category. Marxist-Leninist aesthetics in the struggle for progressive Art. M.: Science, 1980. Pp. 60—83.]
- [7] Pivoyev V.M. *Ironiya kak fenomen kul'tury*. Petrozavodsk: Petrozav. gos. un-t., 2002. 106 s. [Pivoyev V. Irony as a cultural phenomenon. Petrozavodsk: Petrozav. State. Univ., 2002. 106 p.]

- [8] Sevil'skiy I. Etimologii, ili Nachala v 20 knigakh. Kn. I-III: Sem> svobodnyk hiskusstv / Per. s latin., stat'ya, primech. i ukazateli L.A. Kharitonova. SPb.: Yevraziya, 2006. 352 s. [Sevil'skiy I. The Etymology, or the Beginnings in XX books. Books. I-III: The Seven Liberal Arts / Trans. from Latin., article, note. and indicators by L. Kharitonov. St. Petersburg: Eurasia, 2006. 352 p.]
- [9] Khart K. Postmodernizm. M.: FAIR-PRESS, 2006. 272 s. [Hart K. Postmodernism. Moscow, FAIR PRESS, 2006. 272 p.]
- [10] Shlegel' F. Estetika. Filosofiya. Kritika. M.: Iskusstvo, 1983. T. 1. 479 s. [Schlegel F. Aesthetics. Philosophy. Criticism. Moscow: Art, 1983. Vol. 1. 479 p.]
- [11] Eko U. Postmodernizm, ironiya, zanimatel'nost'. Imya rozy. M., 1997. S. 635—640. [Eco U. Postmodernism, irony, entertaining. Name of the Rose. M., 1997. Pp. 635—640.]
- [12] Yankelevich V. Ironiya. Proshcheniye: per. s fr.; poslesl. V.V. Bol'shakova. M.: Respublika, 2004. [Yankelevich V. Irony. Forgiveness: Trans. from French. Afterword. of V.V. Bolshakov. M.: The Republic, 2004. 335 p.]
- [13] Anolli L. "You're a Real Genius!" Irony as a Miscommunication Design. L. Anolli, M.G. Infantino, R. Ciceri. Say Not to Say: New Perspectives on Miscommunication. Amsterdam: IOS Press, 2002. P. 141—164.
- [14] Barbe K. Irony in Context. Amsterdam: John Benjamins, 1995. 206 p.
- [15] Behler E. Irony and the Discourse of Modernity. Washington: University of Washington Press, 1990. 154 p.
- [16] Colebrook C. Irony in the Work of Philosophy. Lincoln: University of Nebraska Press, 2002. 332 p.
- [17] Colebrook C. Irony. New York: Routledge, 2004. 195 p.
- [18] Dubs H. The Socratic Problem. The Philosophical Review. 1927. Vol. 36. No. 4. Pp. 287—306.
- [19] Gerstel J. Irony, Deception, and Political Culture in the Works of Dmitri Shostakovich. Mosaic, 1999. Vol. 32. Issue: 4. P. 35.
- [20] Green D.H. Irony in the Medieval Romance. New York: Cambridge University Press. 1979. 430 p.
- [21] Griswold C.L. Irony in the Platonic Dialogues. Philosophy and Literature. 2002. № 1. P. 84—106.
- [22] Gurewitsch M. The Ironic Temper and the Comic Imagination. Detroit: Wayne State University Press, 1994. 249 p.
- [23] Knox D. Ironia: Medieval and Renaissance Ideas on Irony. Brill Archive, 1989. 237 p.
- [24] Knox N. The Word Irony and Its Context, 1500—1755. Durham, NC: Duke University Press, 1961. 258 p.
- [25] Mellor A.K. English Romantic Irony. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 231 p.
- [26] Reiss E. Medieval Irony. Journal of the History of Ideas. 1981. Vol. 42. No. 2. Pp. 209—226.
- [27] Sharp C.J. Irony and Meaning in the Hebrew Bible. Bloomington: Indiana University Press, 2009. 376 p.
- [28] Tamura E.T. Jonathan Swift's Satire and Irony. The Economic Journal of Takasaki City University of Economics. 2003. Vol. 46. № 3. P. 129—135.
- [29] Thomson J. Irony: a Few Simple Definitions. URL: http://www.ajdrake.com/e456_spr_03/materials/guides/gd_irony_def.htm (Дата обращения 10.01.2015).
- [30] Zank S. Irony and Sound: the Music of Maurice Ravel. University Rochester Press, 2009. 434 p.

For citation: Zavrumov Z.A. Ontologicheskij status ironii v filosofii i ehstetike [The ontological status of Irony in Philosophy and Aesthetics] Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 118—127. (In Russian)

«ОПТИЧЕСКИЕ ИЛЛЮЗИИ» ХАРМСА И ЭРКЕНЯ. ЭССЕ-МИНУТКИ О ТОМ, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ АБСУРДОМ

Ж. Хетени

Будапештский университет имени Лоранда Этвёша
1053 Budapest, Egyetem tér 1-3

Эссе посвящено осмыслению таких сложных философско-культурных категорий, как «абсурд» и «гротеск». Автор размышляет о них через творчество Эркена и Хармса. Множество примеров из рассказов-минуток, собственные наблюдения, диахронический анализ феномена «абсурд» позволяют автору прийти к неожиданным выводам, в частности, поместить абсурд в разряд эволюционных, а не деградиционных «символов» человеческой культуры.

Ключевые слова: абсурд, гротеск, постмодерн, эссе-минутки

Тридцать лет

Венгерский писатель Иштван Эркень родился 5 апреля 1912 г. — Даниил Хармс умер 2 февраля 1942 г. Когда Хармс учился в школе, всюду бушевала Гражданская война, до которой были Первая мировая война и революция. Эркень в это время только пошел в школу.

Отец Эркена, пештский зажиточный аптекарь сменил фамилию *Österreicher* на *Örkény*, с еврейской на венгерскую, на имя деревни. Отцом Хармса был бывший сахалинский ссыльный, который был знаком с Толстым и Чеховым, увлекался философией. Хармс родился под фамилией Ювачев. Его псевдоним — это объединение английских слов «*charm*» и «*harm*». (Однажды он шутя заявил своим друзьям, что поменяет имя с «Хармса» — на «Чармс»).

Оба писателя ходили в школы с большой историей: Хармс в немецкоязычное училище Петришуле (основанное в 1709 г.), а Эркень в гимназию пиаристского ордена (основанную в 1717 г.).

К 1934 году, когда Эркень получил первый диплом, основал журнал и начал печататься, Хармс уже успел вернуться обратно в Ленинград из ссылки после своего первого ареста.

Когда Эркень получил свой второй диплом, развелся и его первый сборник был уже в печати, Ленинград уже оказался в блокаде, длившейся 890 дней.

Если бы Хармса не задержали снова и вместо расстрела не поместили бы в сумасшедший дом, они могли бы встретиться в битве у излучины Дона, на дне войны, или, что еще более вероятно, в лагере.

Общая полоса их жизни на этой земле — 30 лет. В течение тридцати лет они одновременно жили на земле, и хотя лишь частично можно провести параллели между их биографиями, прослеживаются общие парадигмы. Общей формулой обоих была огороженность, окруженность, обложенность.

Хармс был «затянут» в целую систему петель: он был окружен герметичными границами Советского Союза, закрытого среди других систем, его стесняло дав-

ление диктатуры, а позже напряжение войны на страну, внутри которой изоляция блокады означала еще одну петлю, внутри которой его проглотила еще более узкая клетка — ловушка тюремной камеры, откуда, притворившись сумасшедшим, Хармс и «вышел на свободу» — в психиатрическую лечебницу.. из которой могла открыться уже только одна дверь — в смерть.

На долю Эркена выпали отбывание трудовой повинности для евреев под надзором вооруженных охранников, битва при излучине Дона, заснеженные ледяные поля, военный плен, колючая проволока лагеря, ложь двойной речи, принужденное молчание и клещи идеологических наступлений.

Обоих авторов рассматривают как юмористических — Эркена скорее как мастера гротеска, а Хармса — абсурда. Талант и аспект юмора — такое убежище, в котором укрепляются шансы на выживание, наверное.

Оба автора распространяли сюрреалистический взгляд и свой юмор на свои артистически сконструированные будни. О них рассказывали анекдоты, мистификации, Хармс старался быть экстравагантным даже в манере одеваться, и оба они охотно рисовали.

Уже несколько лет назад мне бросилось в глаза, что гротескное видение мира Эркена можно полнее истолковать именно с точки зрения русской литературы. С одной стороны, большинство явлений его прозы соотносимы с бахтинскими категориями гротеска, с другой стороны, можно провести параллель между ним и менее известным в Венгрии Даниилом Хармсом. (О Бахтине и Хармсе Эркень вряд ли мог слышать.) Параллель между Эркеном и Хармсом может пролить свет на то, что Эркень в большей степени художник абсурда, чем это принято считать в критической литературе (например, монография Петера Сирака, 2008).

Личное

Я начала писать рассказы-минутки в стиле Эркена в четырнадцатилетнем возрасте, а в пятнадцатилетнем возрасте закончила. Мне были важны в них краткость, неожиданная развязка и философский смысл, вроде хорошей шутки, и я чувствовала, что у Эркена предметы и люди, так же, как и ценности, менялись местами.

Приведу здесь пример своего эпигонства — рассказ-минутку «Призвание».

Еще будучи маленьким мальчиком он добыл где-то вешалку. Это была простая алюминиевая вешалка с пластиковым шариком на конце. Во что бы он ни играл с друзьями — всегда играл роль вешалки. Он играл во все игры: вешалка была и у королей, и у индейцев. Мальчик просто стоял и держал ее. В университетские годы он отличался своими замечательными вешалочными способностями. Позже он вешалничал в разных местах, пока не послали на пенсию. Дома он стоял пустой целыми днями, лишь изредка на него что-нибудь вешали его внуки. На его похороны пришло довольно много людей. Он еще тихонько выкрался из могилы, чтобы повесили на него венки.

В доставшийся мне от родителей сборник Эркена чьи-то заботливые руки засунули несколько страниц, напечатанных ранее то ли в ежедневной, то ли в еженедельной газете; даты, к сожалению, отсутствуют. На обороте одного из клочков газеты была информация о парижской моде и советы по уходу за лицом. (Это большой соблазн, но все же я не могу подробнее остановиться на последнем, суть

которого заключается в том, что утром и вечером нужно стоять у открытого окна и глубоко дышать.) На третьей страничке напечатаны четыре новеллы-минутки Эркенья, написанные скорее всего в 1968 г., так как они вошли только в расширенный сборник 1969 г. — это «Котлета», «Телефон», «Явление», «Последний вопрос». Нам с ним выпало жить одновременно на земле двадцать пять лет.

Вверх ногами

Всем известно определение гротеска Эркенья:

Расставьте, пожалуйста, ноги врозь, наклонитесь вперед — голову пониже, вот так! — и, оставаясь в этой позе, смотрите назад. Благодарю. А теперь давайте оглянемся по сторонам, и что же мы видим?

Все верно: окружающий мир встал на голову. Мужчины дрыгают ногами в воздухе, отчего брючные штанины сползают к коленям, а девушки... ах, девушки! — обеими руками прижимают юбки к телу. («Что такое гротеск»)

Сравним это со словами другого автора:

Попытайтесь наклониться и снизу посмотреть назад между коленями — вы увидите мир в совершенно ином свете. Сделайте это на пляже: очень забавно смотреть на идущих вверх ногами людей. Кажется, что они с каждым шагом высвобождают ноги из клея гравитации, не теряя при этом достоинства.

Эти слова написал Набоков в своей университетской лекции про литературные приемы Джойса. По мнению Набокова, благодаря «этому трюку с изменением взгляда, изменением угла и точки зрения... вы видите траву более яркой, а мир обновленным».

Перевернуть мир вверх ногами для Набокова — не привилегия гротеска, а то качество художественного видения, для которого в кругу формалистов Виктор Шкловский придумал специальный термин — «остранение». Это слово переводится в некоторых вариантах (в английском языке это *estrangement* или *defamiliarization*), а главное, переводится оно новым словообразованием, ибо и в русском языке не существовало раньше этого слова.

В создании гротеска Эркенья меняет местами не только «верх» и «низ», ставя даже собор вверх ногами, но еще и комическое с трагическим. «Впрочем, не искать ли нам зрелище повеселее? Вот, кстати, похороны!» — приглашает Эркенья к дальнейшему осмыслению гротеска. Эта горькая ирония взялась не просто из воздуха, здесь прослеживается восточноевропейский топос. Рассказчик «Шолома-Алейхема» Тевье-молочник, который от главы к главе рассказывает о своей все более горькой судьбе, в конце поворачивается к своему товарищу со словами: «Давайте поговорим о более веселых вещах. Что слышно насчет холеры в Одессе?» Перевернув с ног на голову похороны, Эркенья превращает их в веселый и искренний праздник, в такой карнавал, который Бахтин характеризует теорией культуры народного смеха, опирающейся на произведение Рабле. Веселое дельце — кидаться камнями в гробы умерших. Одним из самых убедительных примеров гротеска в мировой литературе является новелла Богумила Грабала «Похороны».

То, что ты сегодня съешь

В теории карнавала Бахтина ключевое место занимает акт приема пищи, повторяющий живительный круговорот природы — заходящее «сверху» в человеческое тело пожирание и распитие, и выходящее «снизу» низменное опорожнение, регенерирующее природу.

Как в текстах Эркена, так и Хармса прием пищи является ключевым, но у обоих пища становится враждебной, вместо оживляющей — умертвляющей. В этой *punctum saliens* хорошо улавливается различие между абсурдом и гротеском: в отличие от гротеска, в абсурде пища не воспроизводящий, а *обособленный* враждебный элемент. Один из персонажей Хармса задохнулся от горошка, другого убили огурцом, ударив по голове, а в двадцатой миниатюре «Случаев» («Неудачный спектакль») всех персонажей друг за другом без причины рвет, вот и все действие. Остается вопросом и зависит от аспекта: весь мир ли театр и рвота, или только советский?

В рассказе-минутке Эркена «Убийственная жареная картошка» (*A Halált okozó rósejbní*) не нужно менять ни одной буквы, чтобы она подошла к циклу Хармса.

Вдова Лаврентия Ковача, пенсионерка, проживающая в старой Буде, вечером изжарила картошку на ужин. Едва съела первый кусок как хватилась за живот да померла.

А у Хармса второй текст из «Случаев» начинается так: «Однажды Орлов объелся толченым горохом и умер...», а след за ним, один за другим помирают и остальные. Эркень тоже охотно прибегает к разновидности абсурдных народных сказок, рассказ цепной структуры. В рассказе «Рок» один-единственный противень отравленных нечаянно инсектицидом пирожных убивает сначала семью, потом оплакивающих их родственников и соседей, и после них врачей скорой помощи... И только водитель не любит пирожные, но все же он заботливо берет несколько в подарок кому-нибудь и вот идет себе по дороге домой...

Ряд чисел прерывается

В абсурде цепи прерываются, в то время как в гротеске числа, как правило, мифологически архетипичны. Таким может быть и твердое единство сказочных чисел три или двенадцать, с множеством возможных значений. По мнению Швейка, нужно, чтобы в Конопиште развевалось двенадцать траурных флагов — «для ровного счета — дюжина. Так считать легче, да на дюжину все дешевле продается...» В романе Гашека гротескно преобладают числа, выражая скрытый хаос порядка в разлагающейся Австро-Венгерской монархии.

В абсурде, наоборот, целостность и порядок чисел нарушаются, спутываются. У Эркена в семье всего два ребенка, а для преуспевания в жизни, как он отмечает, не хватает третьего. У Хармса отсутствие выражается подтверждающим абсурдность действительности нулем, дырки — перспективой, идущей в никуда («Сонет»). В городе никто не знает, что следует после 6: 7 или 8, но у каждого ряд прерывается как раз на восьми (знака бесконечности), тем самым вопрос переакцентирован в экзистенциальную проблему. С одной стороны, если мир нельзя измерить рядом чисел, то он иррационален, и, будучи лишенным перспективы продолжения, он и неполноценен и редуцирован. С другой стороны, из-за тоталь-

ности и круглости восьмерки он недостижим и непостижим. После восьмерки, в «конечном (!) счете», ничто и не может идти, ведь это одновременно и бесконечность, и край ничего.

Оптическая реальность

У обоих авторов есть произведение под названием «Оптический обман» — ни что не указывает лучше на то, что реальность у них зависит от видения мира, а не наоборот. У Эркена близорукая мать воспитывает пятно с наволочки, «которое» строит карьеру, и никто не замечает этой небольшой загвоздки. У Хармса близорукий Семен как только снимает очки, перестает видеть сидящего на дереве мушкетера. В обоих рассказах связь между читателем и миром нарушается дисфункциональной позицией. Эркень позволяет разрастись инфекции оптического обмана, ведь карьера пятна подразумевает абнормальное окружение — этот обертон отсылает нас к жанру сатирического гротеска. У Хармса же ничего особенного не происходит, обычное явление — близорукий не видит без очков, а в очках — да. Это только он думает, что мир особенный и непостижимый, и в итоге ему кажется, что становится жертвой оптического обмана.

И у Эркена встречаем реальные истории, «невероятность» которых совпадает с самыми реальными корреспонденциями с мест. Он дает холодный диагноз абсурдности действительности в рассказе о девочке, которая вдруг начинает смеяться под виселицей, где висит ее мать, и немецкий солдат даже прогоняет ее, чтобы не мешала ему делать снимки («Луковица в снежном пейзаже»). Или, к примеру, в портрете венгерского военнопленного в России, который съедает вшей с собственного тела в уверенности выжить от возвращения своей крови в свое тело («Perpetuum mobile»). Не менее точна одноминутка «1949»: «Министр внешних дел, боец партии со стажем Ласло Райк по собственной просьбе был приговорен к смертной казни. Расстрел прошел в узком кругу приглашенных гостей, в обстановке взаимопонимания и доверия». От этого недалеко нужно отойти в воображении, чтобы представить, что над нами кружатся две луны («Вернулась на Землю венгерская лунная ракета»).

Одной из центральных проблем прозы в русской литературе 1920-х гг. является противопоставление широкой перспективы и близкой картины деталей, общественной действительности и личного взгляда снизу. Юрий Олеся отметил эту дихотомию в «Зависти» то в дальней картине телескопа, то в отражении-рефлексии мира на пуговицах, в ложках, на очках или витринах.

Повторение — еще, и, да, тоже

Хармс использует до скуки однообразные повторения и в «Оптическом обмане». Комизм практики непрекращающегося «приканчивания» (умирания) в средневековом гротеске являлся высмеиванием смерти, а у Жарри выступал еще в роли пародии на Макбета. По теории карнавала Бахтина на средневековых ярмарочных играх непрерывно умирающие фигуры выполняют функцию осмысления цикла вечного возвращения, высмеивания смерти.

Во многих культурах известен танец смерти, который в XIX в. переходит на социальный крупный план в стиле Достоевского в Сцене Лондонса в «Трагедии

человека» Имре Мадача и в «Открытии моста» Яноша Араня, если говорить о венгерской литературе. Но падающие из окна старушки Хармса или убийство персонажей, названных «детьми» вне зависимости от возраста в действии «Елки у Ивановых» Александра Введенского не объясняется ни общественными причинами, ни вообще причинно-следственными действиями. Если задним числом нам видится то скрытое, что Хармс подразумевает в своем творчестве уже в 1928 году (чистка сталинских времен, постоянное исчезновение людей), то отчасти можно говорить о повышенной чувствительности, интуиции и пророческой гениальности артиста, отчасти о его трезвой проницательности. Вопрос Хармса относится не к бессмысленной смерти, а к бессмысленной жизни — как это показывают 13-й, 15-й и 21-й тексты «Случаев».

Эркенъ показывает повторение в более мягкой форме. Он говорит о застрявшей, безвыходной жизни с эффектом заевшей пластинки. Слова, высказанные много раз, теряют свой смысл. «Выкручивает бумагу из пишущей машинки. Вставляет новый лист. Кладет копирку между листами. Пишет». Последнее слово повторенных строчек, похожих на стихотворные, как будто произносимы бесконечными «ииииии» — «пийишет». «Ее зовут Вольфнэ. Запомните: Вольфнэ, Вольфнэ, Вольфнэ»... Тройное повторение возможно понимать как основной элемент устного народного творчества, воплощением «венгерской тройной истины» (как твердит пословица об этом), или троекратность музыкальной гармонии, однако, здесь чувствуется эхо волчьих законов (в имени Вольфнэ — она жена Вольфа, ср. нем.: Волк) и дьявольский круг поторений тройки («Трилла»).

Для Эркена повторение — это стук бессмысленности, будь то пишущая машинка Вольфнэ или языковые игры, верчение-выворачивание слов запрещающей таблички как самоцель («Вариации»):

По газонам не ходить
Не ходить по газонам
Ходить запрещено ходить
Ходить ходить ходить
Ходить запрещено запрещено
Запрещено запрещено запрещено
Запрещено.

Этот хитрый текст, с одной стороны, вымывает значение из слов, с другой стороны, строчки получают совершенно новый смысл. Этот игривый-игровой способ совсем не игра, а как раз-таки ее искоренение. Песенная форма приводит в ужас, потому что в ней слышится угроза ходьбы (*ходить, ходить*) и настойчивость диктатуры (*запрещено запрещено...*). Слово «газон» окончательно исчезает из песенного ужаса строчек, остается настойчивое «запрещено», которое втаптывает человека в землю, как окуроч.

В тексте «Посмотрим в светлое будущее!» Эркенъ полностью изменяет значение слова тем, что прячет его в упаковку повторения:

... вместо слова «ваниль», которое является иностранным, к тому же утратило свое старое значение, становится общеизвестным слово «война». В Вишеграде в кондитерской над прилавком с мороженым будет написано: Земляника, пунш, война, шоколад. Так будем жить.

Хармс разбирает и слова, но не для того, чтобы сделать их бессмысленными, а чтобы придать им новое, порою роковое значение. В имени Бергсон — «сон», и в имени Петров — «ров». Из фрагментов слов получается двузначная загадка действия, включенная в стихотворение с двумя действующими лицами. Если Петров исчезнет во рву, а Вергсон, который ползет следом, тоже исчезнет, но их голоса слышны, тогда они оба (где-либо) размышляют, видят сны или же нет? (Из этого примера становится понятно, какие шансы у художественного перевода Хармса).

На кусочки

У Эркена не встречаются массовые сцены садистской резни, как у Хармса в 23-м и 25-м текстах «Случаев», и расчленение появляется только в национальной исторической перспективе («Мысли язычника Шуттофия Шутто во время четвертования его тела по приказу Венцеллина, абадсалоцкого проректора»). Хармсу так же нравятся субверсивные уроки истории, Иван Сусанин у него становится трусливыми червяком («Исторический эпизод»). Тело ни у Хармса, ни у Эркена не является ни святым, ни неуязвимым, ни оболочкой души, только незначительным элементом нашей земной фауны, менее ценным, чем предметы. Если сравнить отчет о смерти отца и описание умирания сифона для газированной воды, только во втором могут присутствовать чувства (Эркен: «Без извинения», «Стеклянная смерть»).

Имя — это не отличительное, не «собственное» имя, которое упорядочивает мир, а лишь условный и присваиваемый ярлык. «Запомни, Малышка, нет на свете двух одинаковых людей с именем Клара Нора Аннамария Ольга Воразлилки» — говорит старый, лысый, одноглазый дядька молодой стройной девушке с таким же именем («Книга памяти»). Одинаковой может быть только та единственная шляпа, которая продается как три разные — явление можно расценить как феномен либо теории познания, либо дефицитной экономики («Выбор»). Именно поэтому бестелесные вещи, например, душа телефонной будки пронизываются чувствами, и описание умирающего сифона получает более трагичное описание, чем любое млекопитающее. «Быть трусиками — не ахти какое разнообразие, тем не менее, есть в нем некоторая пикантная прелесть».

Изувеченное тело, метафора распада целого, реализованная в телесную, физическую плоть является основным мотивом русского авангардного искусства. Футуристическая опера 1913 г. «Победа над солнцем» была создана путем смешения, чтобы сломить традиционное искусство и синтез стилей. Все участвующие в этом деятели были учителями Хармса. Музыка Михаила Матюшина распалась на диссонантные звуки, заумь Крученых разбила язык на элементы, и во втором представлении в 1920 году декорация Малевича расшаталась, огромные картонные фигуры по очереди теряли члены своего тела, распались. То же самое происходит у Хармса в 12-м тексте «Случаев», во «Сне» — человек постепенно распадается на свои части и, преобразовавшись, выбрасывается в мусор.

Хармс обрисовывает действия и взаимосвязи людей независимо и даже вопреки логике и какого бы то ни было характера, в вырванных из контекста и действия, независимых сценах. В отличие от авангарда, у Хармса отсутствует уто-

пическая картина будущего, ни свет, ни мессианское будущее, никакая перспектива не может появляться. Когда язык распадается, новые элементы не обретают нового значения, потому что остается только самый обыкновенный корень слов, вроде пустого ствола — множество невнятных междометий, короткие изъяснительные и повелительные предложения, опустошенные фразы изображают двумерные, плоские фигуры людей.

И Хармс (см. «Старуху» или его эротические стихи), и Эркеня используют прием повествования от первого лица, однако у обоих лишь косвенно можно обнаружить некоего «рассказчика». В то время как художники-авангардисты (Маяковский или Малевич) помещают в центр мира отдаленное и преувеличенное Я, в мире абсурда нет места личности (для-одного-меня). Не смешное или ироническое дистанцирование, а самая грубая форма юмора: парадоксальные явления становятся преобладающими. Жизнь — ряд случайностей, нет цепочки причины и следствия. Перечисление пережитого, жизненный опыт может быть единственным ориентиром, таким, как веревка, за которую держались раньше детсадовцы на прогулках. Художник же абсурда взрослый и независимый, потому что отпускает ту веревку, которая может отвести искусство к воспитательнице непрерывности культуры. «Случай», как и «Минутки» исходят из того, что каждая ситуация уникальна, нет образцов и ключей к разрешению.

«Расширяющаяся вселенная»

Эркеня остается безличным и тогда, когда за чередой событий обнаруживаются абсолютно конкретные автобиографические элементы. На тихом семейном ужине белая скатерть превращается в леденящее снежное поле, где нужно бороться за выживание, и солонка не может быть достигнута в «расширяющейся вселенной» даже за три дня («Путь к солонке»). Что же могло вызвать в памяти снежное поле в мирное время... если только не присутствие прелестной, светловолосой гостьи, молодой немки, и вместе с ней и воспоминание, всегда настоящего времени, о Донской луке (1). Это парадоксально похоже на изменения измерения стола в первом приключении Алисы в Стране чудес, где Алиса сначала сжимается, а затем непропорционально увеличивается.

Похожее происходит с фигурой Хармса, которая исчезает из мира, возможно потому, что ее разрывает растущее желание:

— Говорят, все хорошие бабы — толстозадые. Эх, люблю грудастых баб, мне нравится, как от них пахнет!

Сказав это, он стал увеличиваться в росте и, достигнув потолка, рассыпался на тысячу маленьких шариков. Пришел дворник Пантелей, собрал эти шарики на совок, на который он собирал обычно лошадиный навоз, и унес эти шарики куда-то на задний двор.

А солнце продолжало светить по-прежнему, и пышные дамы продолжали по-прежнему восхитительно пахнуть. («О том, как рассыпался один человек»)

Быстрое падение

Но книга Льюиса Кэрролла, классика английского абсурда, «Алиса в Стране чудес», которую можно читать и как детскую книжку, и как философскую, на-

чинается не так, а со стремительного падения. Алиса «на самом деле» (если эти слова применимы к Кэрроллу) «падает» в сон (falls asleep, т.е. засыпает), и языковой поворот оборачивается происшествием (реализуется), когда Алиса, следуя за говорящим кроликом, беспокоящимся из-за времени, проваливается в нору. Замедленное падение Алисы служит изменению времени и пространства, и мы переносимся в мир сказки. Во время падения у Алисы много времени, она успевает вспомнить несколько жизненных уроков, проносясь мимо этажей полок, достать банку с полки и поставить ее обратно на пару этажей ниже. У Эркена таким же образом замедляется время перед пистолетом убийцы, несущего смерть (к этому я еще вернусь).

У Хармса в третьем тексте «Случаев» старухи, одна за другой высовываются из окон и выпадают. В «Упадении» (1940-е гг.) такая же череда картин показывает даже и то, чем занимаются на разных этажах Иды Марковны, которые видны стремительно пролетающими мимо падающими. (Имя здесь тоже лишь ярлык, а не «собственное». ведь на всех этажах живут Иды Марковны). Внизу с интересом наблюдают за этим собравшиеся, ожидая. Лениво приходит милиционер. Домоуправ разгоняет зевак, чтобы падающие не раздавили их. Можно привести вопрос из Эркена, ибо звучит, как будто из Хармса:

Наивный падающий: Смотри-ка, бедная, вот та женщина с большой грудью, как быстро она бежит... Неужели подумала, что я на нее хочу упасть? («Еще спросил»)

Хармс в 1928 г. написал также стихотворение «Падение с моста». Для него, как и для Эркена, падение людей — это эксперимент, проведенный по временно-пространственной теории Эйнштейна и Бергсона: это — превращение относительности движения и статики, да и растянутого времени перед смертью в формулу жизни. «Бинарная амбивалентность» Бахтина, этот карнавальный разворот «верха» и «низа» (с которым рифмуется дихотомия «святой и мирской», созданная Мирча Элиаде параллельно в то же время), и система отношений архетипических хронотопов реверсированных в сферу мелочности.

Гротеск может проявляться даже в одном единственном забавном слове, состоящем из противоречивых элементов, как «червякосахар» у Эркена, или у Хармса в том, что запах махорки и нафталина изображают борьбу жизни и смерти («Сундук»). Высмеивания перевернутого наголову собор или любая другая святость у Хармса встречается редко, ему не хватает возвышенного (верхнего) полюса, если только великие имена национальных героев не считать святыми.

Cisfinitum

Хармс после ранних экспериментов с языком (заумь) начал экспериментировать с формами пения-молитвы, затем, после изменений устного суперматематического искусства, первый период его творчества определила идея Cisfinitum. Между законченностью (finitum) и невыразимой бесконечностью (infinitem) находится изобразимая бесконечность (cisfinitum) — («сего мира» — cis-finitum). Его текст о cisfinitum, пестрящий математическими и логическими формулами, ставит своей задачей определить творческую, непостулируемую науку («Письмо Леониду Липавскому», 1930). Ноль, который не эквивалентен нулю-зеро, насто-

ящее время между прошедшим прошлым и еще не наступившим будущим, и поэтому только «здесь» и «сейчас», когда встречаются время и пространство, вселенная может существовать. «Как страшно, если миг один до смерти, // но вечно жить еще страшнее» — завершает одно стихотворение Хармс («Мне все противно», 1933).

Тот же самый вопрос задает Эркень в конце «Последнего вопроса». Он замедляет движения гостя, прибывшего, чтобы застрелить его, и ускоряет мысли и поступки будущей жертвы, релятивизируя субъективное время Бергсона и релятивное Эйнштейна; потому что в своеобразных координатах времени уничтожает гармонию общего пространства, как будто убийца действовал вдоль одной оси, а жертва вдоль другой, в другом темпе. Жертва, помимо прочего, пишет пару писем, проводит несколько разговоров по телефону, разговаривает и со своим врачом, чтобы он помог ему в выборе между быстрой и безболезненной смертью или рискованной жизнью, в которой любая болезнь может ему принести долгие страдания. «Как человек, я бы посоветовал постараться жить. Но как врач, скажу, что нельзя упускать такой удобный случай».

«Мы все выходим из ничего и возвращаемся в огромное вонючее ничто»

Объективное описание смерти само по себе скорее философское действие, нежели литературное. Натуралистичное описание излучины Дона и фиксирование «случаев» не удовлетворило Эркена, только с помощью приема комизма он смог передать то, что об этом невозможно писать. После войны и плена, и из-за них даже в мирные дни смерть стала значить для него нечто другое. Не то чтобы смерть постоянно занимала его, но она просто стала отправной точкой.

Хайдушкане («Ничего нового») воскресла, вышла из могилы, но после того как узнала, что после освободительной войны 1848 года не произошло ничего существенного, темы исчерпаны, разговор о погоде сошел на нет, и она возвращается в могилу. Она вежливо прощается: «До встречи!» (интересно, где же?), а живые вежливо помогают ей, затем желают всего хорошего (интересно, к чему и в чем?). Актер даже после смерти сыграл короля Лира, хотя несколько вяло, и его смерть на сцене на самом деле кажется вполне реальной и правдоподобной («Смерть актера»). У Эркена существует такое само собой разумеющееся движение между этим и потусторонним миром, которое может осуществить только тот, кто вернулся оттуда с широкофокусной точкой зрения свыше, с такой особой оптикой, в которой смерть — состояние, которое неподалеку поджидает нас, состояние, в которое можно мгновенно перепрыгнуть.

Шандор Петефи, национальный поэт, тоже может кому угодно позвонить оттуда, правда, время разговора так же, как и в случае с международными звонками в те времена, три минуты, поэтому, увы, у нас нет времени придумать, что же у него спросить («Телефонный звонок на рассвете»).

У Хармса великие люди нации не отличаются в роли памятников, он лишь высмеивает их имена в подлых «анекдотах». Болваны Пушкин и Гоголь и их потомки-идиоты недостойны никакого уважения и делают одни глупости («Пушкин и Гоголь»; «Анекдоты из жизни Пушкина»), оперный герой Иван Сусанин в страхе ползет, как червь, по навозу («Исторический эпизод»). В сказке Эркена из-

вестные личности спокойно бредут рядом друг с другом на войне («Великий марш»).

У Хармса главный герой «Сундука» проводит научный эксперимент с умирающим, он ищет ту невидимую линию, которая разделяет жизнь и смерть. «Покуда мы есть, нет смерти, а когда есть смерть — нет нас», — говорит Эпикур, и Ричард Рорти добавляет (что применимо и к Хармсу), что здесь одна пустота сменяет другую. (Рорти, Р. «Случайность, ирония и солидарность»). Неудача этого опыта с сундуком заключается в том, что герой остается жив. Лишенная содержания, наивная, патетическая фраза из этого текста — «жизнь победила смерть» — означает, что это отрицательное событие.

Трансцендентальности конец

В «Случаях» Хармса («Молодой человек, удививший сторожа») застенчивый молодой человек спрашивает у сторожа путь в небо, затем неожиданно взлетает. Быстрое чередование сна и не сна, бодрствования и небытия показывает иррациональные события как банальные, как не заслуживающие внимания законченные факты (например, «Макаров и Петерсен»).

«Исчезновение возвышенных элементов сопровождается жестоким молчанием Бога, поэтому второй период творчества Хармса характеризует абсурд, как форма экзистенциализма», — пишет Жан-Филипп Жаккар, автор первой монографии о Хармсе (1991).

У Хармса, в отличие от Эркена, завершение носит не шуточный характер, а создает эффект пощечины, иногда даже грубого удара кулаком. Под конец оба обычно бросают фразу вроде «Вот» или «Вот так», или «Вот, собственно, и все», или «Конечно, иначе и быть не может». Незаконченность сама по себе — форма абсурда, а законченная незаконченность — это принятие фиаско осмысленности, примирение с тем, что смысл исчез.

Буквально соответствуя требованиям реализма, смерть доктора К.Н.Г. осуществляет тему исторического абсурда («In Memoriam Dr. K.N.G.»). Ведь вероятно, чтобы представители народа Гельдерлина, Гейне, Шиллера и Рильке стояли возле ямы, которую роет еврей для дохлой лошади, как и еврей Геца Коложвари Хаваш, сотрудник журнала «Прекрасное слово» («Szép szó»), не может рыть яму для дохлой лошади по приказу и под прицелом немца.

Главной темой, наряду с абсурдностью эпохи, является эфемерность человеческой жизни. Даже законы линейного времени не в силе, ведь тот, кто должен умереть как раз во время наступления конца света, в глубине души хохочет — ему уже не о чем жалеть. Вообще-то даже ось времени может повернуться вспять, в новом отделении завода по производству заячьего гуляша вскрывают банки и заново собирают зайцев, затем отпускают их на волю («Объявление общества защиты животных»). Может также измениться и иерархия отношений между живущими: «В провернутое мясо добавляют яйцо, булку, размоченную в молоке, соль, перец, и затем на жире или масле жарят котлеты. Внимание! Для нас, млекопитающих, отнюдь не второстепенный вопрос, мы провертываем мясо или мы провернуты на фарш» («Фарш»). В будапештском представлении «Проект Дани-

ила Хармса» в 2006 г. на спектакле один из актеров просолил свое тело и начинал есть его ножом и вилкой.

Йожеф Перселени, рабочий по доставке материалов («Водитель машины»), сегодняшнюю газету не получил, а вот завтрашнюю — да, и в ней он может прочитать о завтрашнем фильме, и также о своей смерти у кинотеатра с многозначным названием: «Stáció», на Вокзальной улице, где он в самом деле погибает с завтрашним номером газеты в кармане («Водитель машины»). Судя по всему, предыдущий день воплощается в следующем, таким образом текст пишет жизнь. Также можно прочитать «Положение о смертной казни», чтобы убедиться в великой власти документов.

Единственное доброе существо из цикла Хармса — это ангел смерти, покровительствующий душе человека, которая даже после смерти ненавидит. и все же дрожит — от холода ли, от страха или от ненависти, неизвестно.

Что такое абсурд?

Однажды в семидесятые годы, после пары курса «Мировая литература», в аудитории третьего этажа в старом здании «Б», откуда открывался вид на мост Эржебет, гору Геллерт и на трамвайные пути, я и несколько молодых людей (их было немного на филологическом факультете) увлеклись беседой о жанрах. Мы, опираясь на эстетику жанров по критериям ценности, тогда еще безбахтинской головой, разбирали довольно свежую тему — гротеск, которую мало обсуждали в университете.

— Ну а абсурд? — бросил кто-то.

Кроме французов, наверное, мы знали еще Мрожека и Грабала. Наступила мертвая тишина. Бывает, какое-нибудь озарение снисходит на человека.

— Абсурд, — сказала я, — это, когда ценностей уже нет.

Прогремел трамвай и одобрил мои слова. Затем мы быстро разошлись. Молодые люди были будто оскорблены.

С тех пор я не встречалась со своей университетской трактовкой в специальной литературе, не знаю, записал ли кто-нибудь до или после меня такую банальную правду, с помощью которой я для себя разрешила этот вопрос.

Справочники и классические источники обычно объясняют понятие «абсурда» следующими словами, цитируя Камю или Ионеско: непонятный, нелогичный, бесцельный, иррациональный, полная девальвация языка, неожиданный, непредвиденный, ненужный, анти-нечто, крайняя фантастика, безобразный, смешной.

Со временем этот список становится все длиннее. Его появление датируется рождением французской драмы абсурда во главе с Ионеско, вслед за которым сформировалась передовая линия экзистенциализма и, будто в сопровождении, примкнула к нему более поздняя, склонная к постмодерну литература, с многочисленными авторами. Будто бы время, отправившись из пункта «Ионеско», двигается только вперед, а абсурд считается вроде какого-то направления. А ведь абсурд зародился не в семидесятые годы, и это не направление, даже не индивидуальное стилистическое явление, которое способны создать исключительно говорящие на французском языке иностранцы со спутанными биографией, созна-

нием и душой, как в наши дни склонно считать общественное сознание англосаксов и франкофонов.

Современное расширение литературы абсурда произошло в Центральной Европе, здесь его дом, в этом нечистом и заброшенном дворе Европы с уккусными деревьями. Отсюда это вынес для себя Ионеско. Однако, Эркень настиг его, когда в 1970 году в Париже за произведение «Семья Тотов» он получил Премию за черный юмор (Grand Prix del'Humour Noir Xavier Forneret du Spectacle).

Генеалогическое дерево вечного абсурда

Абсурд — это форма существования мира, проявления которой можно встретить в искусстве, литературе любой эпохи. Каждый народ имеет свои абсурдные сказки. Венгерские плутовские сказки могут родниться с Эркением так же, как русские докучные сказки являются предками Хармса (см. Göbler, Frank: Daniil Charms' "Slucai" [Fälle] und die russischen Volksmärchen. Zeitschrift für Slavische Philologie 55. 1. [1995/96] 27–52.). Сказка тоже передразнивает и регистрирует комичность невразумительности мира, собирает в поэтический образ.

Литературное генеалогическое дерево Эркения можно также возвести к форме анекдота, сравнимого с притчей (эту же линию развития прошла генеалогия анекдота). Хармс тоже писал сказки, но его генеалогическое дерево в русской литературе скорее тянется от Гоголя, от Чехова и других. Некогда Капошварский театр выразил абсурдные отношения в драмах Чехова с помощью того, что Дёрдь Шпиро (будучи тогда и драматургом театра) заменил старые, слабые, «неверные» венгерские переводы очень точными своими переводами. Шпиро не только знаток русского языка и культуры, и вообще языка и культуры Центрально-Восточной Европы, но и ближайший родственник Эркения. Способ изображения абсурда как будто у него в крови, будь то либо «Зимородок», либо «Династия Арпадов», отчитывающаяся о прошлом и настоящем нации, либо повседневный «Прах».

Абсурд встречается в любой эпохе, он всегда находит путь в искусство. Должно быть, читатели Рабле были знатоками абсурдного воззрения. Вероятно, картины Иеронима Босха современный зритель относил к сфере абсурда. Альфреду Жарри было достаточно одного надоедливового учителя-тирана, чтобы из школьного микропроизвола создать королевство нелепости.

Франц Кафка часто упоминается как предшественник абсурда, хотя в определенном смысле это скорее поучительный антипример. У него как будто слишком серьезное отношение к литературе, у него не обнаруживается «нигил» смешного, объявляющий все недействительным и обесцененным. Ведь мир очень скоро перевернулся с ног на голову, подобно тому по сути смешному жуку, брыкающемуся на своей каменной спине, над которым нельзя смеяться. Как указывает на это Набоков, на основе энтомологических характеристик описываемому жуку также полагались крылья, и если бы он разок-другой ударил ими, он бы смог перевернуться на живот. Набоков, конечно, ясно понимал, что мы не можем приравнять действительность к реальности, и что мир надо рассматривать не с точки зрения систематики видов Дарвина, а как раз наоборот, чтобы в действительности увидеть его.

Абсурд всего-то подтверждает (и дает нам понять), что вещи способны совершенно необузданно освобождаться от законов и выпадать из логического ряда, раздвоиться. В конце «Явления» Эркеня пробка тонет в воде, и приводится вывод: «Объяснения нет».

Литература абсурда пытается отобразить хаос, и как будто самим этим делает попытки разгадать природу хаоса. В XX веке абсурд — это не только эстетическая констатация опрокинутых вещей и дел в мире, не только нарушение логики, но и одна из разновидностей метафизического ужаса. После атомной войны еще может помочь привезенное сало (Эркеня: «Будапешт»), смех гротеска еще может способствовать выживанию. Однако на заснеженных полях скатерти никогда нельзя добраться до постоянно отдаляющейся солонки.

Тотальный абсурд

Среди главных причин распространения абсурда в XX веке появляются мировые войны, появление в истории тоталитарных государств и террора. Все это раздавило человека, который лишенный мифов, под опустошенным небом не способен уже видеть ни перспективы перед собой, ни причинно-следственные связи вокруг.

Завоевание абсурдом литературных территорий — это логичная фаза «развития», следующая за антиутопией, которая в свою очередь идет вслед за авангардом. Абсурд — это первая форма проявления постмодернизма, и в таком случае мы можем говорить не о завоевании территорий, а о потере литературных территорий не-абсурда.

Абсурдный аспект мира становится центральным пунктом самой абсурдностью действительности, и делается единственным адекватным образом мышления. В области философии стадия абсурда стала обязательной отправной точкой ко всему тем, что сам язык ставится под вопрос. Трава зеленая. А что, если трава зеленится, или зелень травянится? Мы приближаемся к последним вопросам Витгенштейна, он говорил: «язык вводит в заблуждение». Существующий язык заманивает нас в ловушку, но существует ли то, чему нет еще названия, и будет ли существовать то, что мы назовем?

Связи с ОБЭРИУ

Одним из тезисов ОБЭРИУ было то, что абсурдность советской реальности исключает миметичность действительности искусства, таким образом настоящим реальным искусством может быть только крайне абсурдное изображение. Хотя непосредственными предками членов ОБЭРИУ несомненно являлись футуристы, для первых было недостаточно находящегося за гранью понимания языка футуристов, как и была неприемлема фактическая поэзия актуальности. Искусство обэриутов характеризуется раздробленностью вообще, двухмерностью фигур, распадающихся на части, диалогами, лишенными логики и интерперсональности, господством насилия, полным и, главное, трагичным отрицанием актуального и линейного времени.

В эти годы рождается теория карнавала Бахтина, которую он начал создавать в ссылке после ареста в 1928 году и закончил к 1945 году. В ней средневековая церковь, «официальная» культура — метафора диктатуры советского тоталитарного государства (а не его научная аналогия, как полагают крипто-бахтинисты), и в противоположность этому карнавал — субверзивный, разрушающий смех, «базарная» субкультура всех времен — метафора и авангарда. Этот смех — отрицание угрозы вечной смерти и ему же отказ, и поэтому смех сохраняет жизнь. Он — возвышение-отдаление от мира всего, создатель духовного и душевного коллектива. Михаил Бахтин останавливается на понятии, созданном Рабле, который называл не умеющих смеяться людей без чувства юмора агеластами. Литературоведение постмодернизма, восходящее к Ницше, все чаще поднимает вопрос о природе смеха, определяя искусство как отблеск божественного смеха (Милан Кундера «Искусство романа»), Фуко изображает историю как «синхронизированный карнавал», постоянную смену масок, а Рорти в связи с иронией производит очную ставку с Фрейдом и Кантом. Перспектива для применения этих теорий в анализах широка.

Русский абсурд снова входит в моду, также как и формы его появления, культивируемые в 1920-ые гг., перформансы. Для постмодерна абсурдное отношение стало исходной точкой. Виды искусства смешиваются, снова переплетаются, на первый план выходит черный юмор. Пространства, где протекает жизнь, все больше подходят для изображения абсурдного, как и у Хармса — улица, квартира, магазин, общественные места. В современной русской литературе, например, у Владимира Сорокина, все более важное место занимают болезненные, жестокие детали, встречающиеся у Хармса. Продолжается линия таких принципов, как распад объективного мира на части, господство парадокса во всем, потому что поиски трансцендентального по-прежнему безуспешны. Интересный пример «русского происхождения», соединяющий три континента и три века, опера Шостаковича «Нос», созданная по произведению Гоголя, поставленная на сцене Метрополитен в Нью-Йорке южноафриканским художником и режиссером Уильямом Кентриджем, деятельность которого во многом и открыто определяется художественным смешением жанров и перформансами русского авангарда и ОБЭРИУ.

Multum in parvo

Что касается генеалогического дерева короткого жанра, в нем можно добрать-ся до начала времен, до притч, объединяющих в себе разные жанры, из которых посредством анекдотов (быль) в конце XVIII века образовалась шутка, столь близкая к Эркеню. Короткие лирические этюды или стихотворения в прозе только благодаря своей плотной структуре могут иметь общее родство с рассказами-минутками и текстами Хармса, которым, на самом деле, даже название «скетч» или «виньетка» не подходят. Джеймс Джойс называл свои ранние, написанные в подростковом возрасте короткие произведения силуэтами, а позже эпифаниями. Они появились только на английском, но как раз в 1956 году, поэтому Эркень, вероятно, мог их знать, а вот Хармс — никак нет. Джойс передал и отправил своему брату семьдесят коротких рукописей, написанных в период между 1898 и

1904 годами, и отдал распоряжение, чтобы после его смерти эти рукописи были отправлены во все крупные библиотеки мира. Часть эпифаний обнаруживается в тексте «Улисса», а на страницах раннего произведения «Герой Стивен» мы можем прочитать следующее: «Под эпифанией Стивен понимал внезапную манифестацию духовного в беседе, в жесте или в ходе мыслей, достойных запоминания». Все может «эпифанизироваться» в мире в этих моментальных снимках без комментария и контекста: банальный, услышанный на улице диалог, гротескный в своей бессмысленности, посещение родственников, но что важно: почти всегда Джойс фиксирует случайно выхваченный кусочек действительности, абсурдность которого обеспечена серыми дублинскими буднями.

Рассказы-минутки Эркена и короткие тексты Хармса не имеют такой связи с действительностью. Концовки Эркена хотя и неожиданные, но по крайней мере передают впечатление законченности, закругленности истории. А вот уже у Хармса целью выступает фрагментарность, «нелитературность» (лишение литературности), словом — эстетическая пощечина.

Хармс по-венгерски, Эркень по-русски — переводы

Среди вышедших на русском языке произведений Эркена встречаются и такие, которые были переведены не один раз. «Кошки-мышки» и «Семья Тоттов» даже ставились на сценах нескольких театров, и жанр рассказов-минуток тоже известен многим.

В Венгрии первым известным произведением Хармса стала пьеса «Елизавета Бам», поставленная на сцене группой «Хойагциркус». Русский абсурд был представлен еще в театре Катона (в его «Каморке») пьесой «Елка у Ивановых» Александра Введенского (постановщик: Петер Готар). Журнал «2000» опубликовал уже короткие прозаические произведения Хармса (переводчики: ныне покойные Ласло Братка и Илдико Клаус, кроме них Ева Келети, Андраш Козма, Эрна Палл), но еще раньше их Анна Феньвеш и Тамаш Гереб поместили в интернете свои переводы. Я сама с 1990-х годов раздавала этюды Хармса студентам на семинарах перевода. Первый томик Хармса, в нем полные, связанные друг с другом «Случаи» в оригинальном порядке, и образцы разных жанров писателя впервые были опубликованы на венгерском языке в 2013 году (составление, перевод и предисловие — мои, издательство Типотех).

Мне приходит на ум одна детская шутка. Повторяющимися движениями, сжимая пальцы одной руки, делаем так, будто мы достаем что-то из сжатого кулака второй руки. Затем задаем вопрос кому-нибудь из удивленной публики: «Знаешь, что это?» Обычный ответ: нет.

На что мы говорим: «И я не знаю, давай положим обратно».

Ну, вот так.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) В Донской луке венгерские войска, будучи частью гитлеровских, потерпели поражение зимой 1942—1943 года. Погибло не меньше чем 120 тысяч венгров, среди них — те евреи (в большинстве ассимилированные), которые насильно были взяты в трудовые батальоны, без оружия. Эркень был одним из них, и попал в советский плен, в лагерь.

ЛИТЕРАТУРА

[1] *Эркень И.* Избранное: сб. / пер. с венгр. М.: Радуга, 2000. 320 с.

Для цитирования: Хетени Ж. «Оптические иллюзии» Хармса и Эркенья. Эссе-минутки о том, что может быть абсурдом // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 4. С. 128—144.

“OPTICAL ILLUSIONS” OF HARMS AND ORKENY. MINUTES-ESSAYS ABOUT THINGS THAT MAY BE ABSURD

Zs. Heteni

Budapest Eötvös Loránd University
1053 Budapest, Egyetem tér 1-3

The essay is devoted to understanding such complicated philosophical and cultural categories as “absurd” and “grotesque”. Author reflects on them through the literary text by Erken and Harms. Many examples of minutes and stories, personal observations, diachronic analysis of “absurd” phenomenon allows the author to come to unexpected conclusions, in particular, to put the category of absurd in evolutionary paradigm of human culture.

Key words: absurd, grotesque, postmodern, essays-minutes

REFERENCES

[1] Erken’ I. Izbrannoe: sbornik. per. s vengr. M.: Raduga, 2000. 320 s. [Örkény I. Selected works. Trans. from Hung. Moscow: Rainbow, 2000. 320 p.]

For citation: Heteni Zs. «Opticheskie illyuzii» Harmsa i Erkenya. Esse-minutki o tom, chto mozhet byt’ absurdom [“Optical illusions” of Harms and Orkeny. Minutes-Essays about things that may be Absurd] Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Education Issues Series: Languages and Specialty. 2016, no. 4, pp. 128—144. (In Russian)

НАШИ АВТОРЫ

Ажигенова Салтанат — магистр Карагандинского национального университета им. Букетова

E-mail: sh-mazhit@inbox.ru

Акимова Инга Игоревна — кандидат филологических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-экономических дисциплин Дальневосточного Института Всероссийского государственного университета юстиции

E-mail: www.khv.rpa-mu.ru

Ахметова Акбота — магистр Карагандинского государственного университета им. Букетова

E-mail: sh-mazhit@inbox.ru

Афанасьева Алена Сергеевна — старший преподаватель кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби, PhD-докторант

E-mail: alenchika@mail.ru

Базиако Альберт — доктор философии, профессор кафедры современных языков Университета Ганы, специалист в области лингвистической контактологии, лингводидактики

E-mail: aboasiako@yahoo.com

Гаранина Екатерина Петровна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института

E-mail: kate1917@mail.ru

Жунусова Алтынай — магистр Карагандинского государственного университета им. Букетова

E-mail: sh-mazhit@inbox.ru

Заврумов Заур Асланович — кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала университета Пятигорского государственного лингвистического университета

E-mail: k_mika@mail.ru

Казиева Диана Ахматовна — кандидат филологических наук, заместитель начальника Департамента ПАО «МРСК Северного Кавказа»

E-mail: Diana-zc@yandex.ru

Казиминова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры германской филологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова

E-mail: okazimirova@mail.ru

Мажитаева Шара — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой Карагандинского государственного университета им. Букедова

E-mail: sh-mazhit@inbox.ru

Непомнящих Наталья Максимовна — докторант Института иностранных языков Российского университета дружбы народов

E-mail: nepomnyashchikh_nm@pfur.ru

Новиков Филипп Николаевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры № 3 РУДН

E-mail: philolog@mail.ru

Омашева Жанар Магауяевна — старший преподаватель кафедры русского языка Карагандинского государственного медицинского университета

E-mail: omzhan@mail.ru

Румянцева Наталья Михайловна — доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка № 3 РУДН

E-mail: natrum1@yandex.ru

Токатова Людмила Ербулатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Павлодарского государственного педагогического института

E-mail: tokatoval@mail.ru

Туринова Ольга Олеговна — аспирант кафедры переводоведения и практики перевода английского языка Московского государственного лингвистического университета

E-mail: ot-marita@yandex.ru

Хетени Жужа — доктор филологических наук, профессор Будапештского Университета ELTE, доктор Венгерской академии наук, художественный переводчик

E-mail: hetenyiz@gmail.com

Цюй Юян — аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета

E-mail: 728701781@qq.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: Языки и специальность» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! С 2016 года, начиная с формирования первого номера журнала, редколлегия будет принимать статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчет из системы Анти-Плагиат ВУЗ (оригинальность текста не мене 87%), заявление.

Каждая статья проходит анонимное (**внешнее**) рецензирование журнала. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлегией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал, минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год), по *каталогу Роспечати индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Литература»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (название “REFERENCES”). Если список литературы по п. 1.3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/ авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, при наличии ученую степень и ученое звание, должность, место работы, круг научных интересов, при наличии названия 2-3 важных научных работ, электронная почта, номер (мобильного) телефона.

Авторские резюме (аннотации) должны быть:

1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков).

• Резюме

должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах. Размер ключевого словосочетания не может быть больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library).

Ссылки на источники

даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике печатается в квадратных скобках с указанием номера по списку.

• Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

• Объем рукописи до 20 000 знаков. В отдельных случаях до 40 000 знаков.

• Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

• Транслитерация

На сайте <http://www.translit.ru> можно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

• Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: word@list.ru; uldanai@mail.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality» welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

SUBMISSION REQUIREMENTS

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively. 6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*

Editorial board of the journal “Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series of Education Issues: Languages and Speciality”

E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

Научный журнал

ВЕСТНИК
Российского университета
дружбы народов

Серия:
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ:
ЯЗЫКИ И СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

2016, № 4

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-61172 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов» (ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, Россия, 117198)

Редактор *И.В. Успенская*
Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:
Российский университет дружбы народов
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Адрес редакционной коллегии
серии «Вопросы образования: языки и специальность»:
ул. Миклухо-Маклая, дом 10, корпус 3, Москва, Россия, 117198
Тел.: (495) 433-01-01
e-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

Подписано в печать 06.12.2016. Выход в свет 20.12.2016. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 12,26. Тираж 500 экз. Заказ № 1471

Цена свободная

Типография ИПК РУДН
ул. Орджоникидзе, д. 3, Москва, Россия, 115419, тел. (495) 952-04-41

Scientific journal

BULLETIN
of Peoples' Friendship
University of Russia

Series:
PROBLEMS OF EDUCATION:
LANGUAGES AND SPECIALITY

2016, № 4

Editor *I.V. Uspenskaya*
Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:
Peoples' Friendship University of Russia
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@pfur.ru

Address of the editorial board
Series «Problems of education: languages and speciality»:
Miklukho-Maklaya str., 10/3, Moscow, Russia, 117198
Ph./fax +7 (495) 433-01-01
e-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

Printing run 500 copies

Open price

Address of PFUR publishing house
Ordzhonikidze str., 3, Moscow, Russia, 115419
Ph. +7 (495) 952 0441